гарольд лэмб

NOMEN EST OMEN

ГАННИБАЛ

один
против рима

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Оригинальное беллетризованное жизнеописание одного из величайших полководцев в мировой военной истории.

О Карфагене, этом извечном враге Древнего Рима, в истории осталось не так много сведений. Тем интересней книга Гарольда Лэмба — уникальная по своей достоверности и оригинальности биография Ганнибала, легендарного предводителя карфагенской армии, жившего в III–II веках до н. э. Его военный талант проявился во время Пунических войн, которыми завершилось многолетнее соперничество между Римом и Карфагеном. И хотя Карфаген пал, идеи Ганнибала в области военной стратегии и тактики легли в основу современной военной науки.

О человеке, одно имя которого приводило в трепет и ярость римскую знать, о его яркой, наполненной невероятными победами и трагическими поражениями жизни и повествует эта книга.

- Гарольд Лэмб
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Слово о Ганнибале
  - Словарь
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Гарольд Лэмб
«Ганнибал: один против Рима»

Предисловие

Ганнибал, сын Гамилькара Барки, карфагенянин, жил на свете двадцать два столетия назад, но имя его нам знакомо так, словно это происходило вчера.

Нынешние школьники без особого интереса читают «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря. По их мнению, победы Цезаря над галлами — дела давние и утратившие свое значение. Но историю о том, как Ганнибал вел своих слонов через Альпы, они воспринимают как захватывающее приключение, в котором участвуют сами. Это свойство детей отмечал еще древнеримский поэт-сатирик Ювенал. Но во времена Ювенала матери имели обыкновение пугать детей возгласом: «Ганнибал у ворот!»

Ганнибал прожил шестьдесят четыре года, примерно за сто лет до Цезаря и спустя столетие после Александра, царя Македонии. Это было время огромных перемен в Средиземноморье. До той поры люди здесь жили племенными сообществами в городах-государствах, управляемых старейшинами или советами. Начало перемен было положено греками, с их стремлением к индивидуальности и осознанием принадлежности к целому — единому космосу, который стал в конечном итоге Римской империей. Ганнибал был не менее причастен к этим переменам, чем более известные Александр или Цезарь, но совершенно иным путем.

«В том, что выпало на долю и римлян, и карфагенян, — говорит нам Полибий, — были вина и воля одного человека — Ганнибала». И это вопреки тому, что Ганнибал потерпел поражение в последней битве, и вскоре после этого, а возможно, в какой-то степени благодаря этому, его город Карфаген был полностью уничтожен.

Уничтожен, но тем не менее Карфаген сохранился в нашей памяти не только как город, или владыка морей, или место обитания молчаливых людей, поклонявшихся необычным богам. Память о Ганнибале осталась жить, несмотря на глубокую тайну, которая окутывает все, кроме его имени и дат его жизни. Каков был его действительный ранг — царь или просто полководец; какая цель заставила его молнией лететь в Италию; каким родом войск он командовал и куда вел эти войска до тех пор, пока не произошла катастрофа, которую древние летописцы назвали «войной Ганнибала»? И, самое главное, почему случилось так, что после того, как преследуемый в последние годы жизни и вынужденный доживать свои дни на отдаленном побережье, он одержал поразительную личную победу над сильным

воинственным народом, который нанес ему поражение? Сам он так не считал. Заслуживающие доверия предания сохранили его слова: «Настало время положить конец беспокойству римлян, которые потеряли терпение в ожидании смерти ненавистного старца».

В иронии этих слов — его единственный автопортрет. До нас не дошли портреты этого карфагенянина. Сохранились монеты с изображениями карфагенских слонов, но нет монет с изображением головы Ганнибала. Очевидно, никогда не возводились его статуи. Сам Ганнибал установил одну бронзовую мемориальную плиту — перечень его побед в сражениях, который должен был остаться в храме после того, как он покинет Италию. Ганнибалу нравилось писать, однако единственное сохранившееся произведение, написанное его рукой, — это одна древняя история, рассказанная для жителей острова Родос. Признанный специалист в области ведения военных действий, более искушенный, чем Александр и более победоносный, чем Наполеон Бонапарт, Ганнибал оставил современным стратегам триумфальную победу при Каннах, которую они довольно часто пытались повторить, однако, в отличие от других, не оставил ни афоризмов, ни советов, которым стоит следовать. На вопросы, предложенные историей, он словно бы ответил: «Мне нечего сказать по этому поводу».

Плутарх, неутомимый биограф выдающихся людей греко-римской эпохи, дал жизнеописания некоторых из тех, кто обрел известность благодаря своей оппозиции Ганнибалу. Эти жизнеописания не в меньшей степени относятся к самому карфагенянину. Знаменитый Сципион Африканский Старший, заслуживающий нашего внимания не менее, чем Гай Юлий Цезарь, получил наибольшую известность благодаря поражению, которое он нанес своему безмолвному сопернику. Его фраза «перенесение войны в Африку» вошла в поговорку, как и выражение «выжидательная тактика» применительно к Фабию Максиму, прозванному Медлителем. Катон Старший (Строгий), сыгравший немаловажную роль в событиях, известен главным образом своим неоднократным призывом «Delenda est Carthago» (Карфаген должен быть разрушен). В действительности все эти трое римлян известны нам исключительно потому, что они, каждый по-своему, поставили себя в оппозицию Ганнибалу.

Таким же образом память о Ганнибале сохранилась на всем Средиземноморье, которое стало «римским» после его смерти. Потому что он наблюдал за морскими волнами, разбивающимися о Священный мыс, за которым садится солнце. А там, где солнце восходит, на востоке, возле руин Трои, он попрощался со своими

врагами. На заснеженных дорогах Альпийских гор вам скажут, что Ганнибал проходил здесь, но не скажут, с кем или зачем. Словно его появление имело смысл, который не так просто объяснить. Возникает чувство, что его появление изменило людей того времени. Словно произошло нечто необычное, изменившее всю их жизнь, и этот секрет необычности случившегося похоронен в скалистых холмах, которые не могут говорить.

Это так нетипично, чтобы память о человеке сохранялась столь долгое время. Особенно если учесть, что жизнь его была окутана завесой тайны. Загадочность, казалось, шла за ним по пятам. Загадка, как он перешел через Альпы, ведя за собой целую армию со слонами, привлекала ученых нескольких столетий. Их попытками разрешить ее заполнены сотни томов на библиотечных полках. Со своей стороны военные историки исследовали достижения Ганнибала в области военной науки, чтобы разгадать секрет его успехов, еще более неуловимый, чем секрет успехов Наполеона. Их труды почти столь же многочисленны, как и труды исследователей его переходов через Альпы. С другой стороны, письменных свидетельств жизни Ганнибала, сына Гамилькара, почти не найти, если не прослеживать их но описаниям его кампаний.

Историографы видят причины такого молчания в самом этом человеке, и у них есть для этого все основания. Карфагеняне, объясняют они, были скрытными людьми, которые вели мало записей, и Ганнибал не был среди них исключением. К тому же, после окончательного разрушения их великого города, уцелевшие библиотеки были отданы соседним африканским правителям, которые могли читать по-финикийски, но, очевидно, не слишком бережно обращались с книгами. Сокровища искусства Карфагена были увезены в Рим или раздарены достойным пособникам победителей. Оставшиеся в живых люди, рассредоточившиеся по всему Африканскому побережью, так и не смогли построить другой город, и их древние традиции с течением времени стерлись из памяти.

После того как последний большой пожар догорел на храмовом холме Карфагена, римский полководец Сципион Эмилий Младший произнес траурную речь по поводу обреченного города и его жителей: «Бог смерти и войны, всели дьявольский ужас в этот проклятый город Карфаген и в его войско и людей. Мы проклинаем с наивысшей силой этих людей и их войско. Мы проклинаем всех, кто занимал эти дворцы, всех, кто работал на этих полях. Всех, кто когда-либо жил на этих землях. Мы молим, чтобы они никогда не увидели больше небесного света. Пусть вечное безмолвие и опустошение воцарятся здесь. Пусть будут

прокляты те, кто вернется. Пусть дважды прокляты будут те, кто попытается восстановить эти руины».

Дело было не в том, что Сципион Эмилий таким образом направил свой гнев на все, связанное с Карфагеном. Его проклятие было ритуальным действом, завершением его военного долга, словно печать, которую ставили на вощеной дощечке для письма. Полибий, находившийся в этот момент рядом с полководцем, заметил, что его лицо было перекошено, и услышал, как тот пробормотал строку из Гомера: «Настанет день, когда священная Троя сгинет вместе со своим народом». Полибий спросил, почему он произнес такую пессимистическую фразу. Римский победитель ответил, что подумал о том, что та же участь может постигнуть когда-нибудь и его собственный город.

Таким образом, память о временах Ганнибала исчезла вместе с культурой и жизнью этого города. Современными археологами были обнаружены при раскопках лишь некрополь и фундаменты нескольких храмов с окружающими их захоронениями и молитвами, начертанными на надгробиях, в которых ничего не говорилось о Ганнибале.

Больше того, историки уверены, что записи двух секретарей, греков по происхождению, сопровождавших Ганнибала, были уничтожены или потеряны. Уцелели отдельные фрагменты, которые цитировались более поздними авторами. Поскольку все эти авторы были римлянами или находились на службе у римлян, история Карфагена времен великой войны за господство над Средиземным морем превратилась в историю врага. Когда Рим при Августе стал империей, талантливые римские историки, естественно, переписали многие страницы ее становления, чтобы прославить империю и восхвалить божественного Августа. В их записях Ганнибал представлен самым ярым противником сената и римского народа. Его человеческие качества и подлинная сущность исчезнувшего Карфагена начали стираться со страниц истории.

Осталось нечто похожее на палимпсест, на котором был счищен ранее написанный текст и на его месте сделана совершенно другая надпись. Но на палимпсесте можно слабо различить раннюю запись и кое-что из написанного древней рукой восстановить.

Цель этой книги — попытаться сделать видимыми следы жизни Ганнибала, сына Гамилькара, прежде чем она оборвалась в 183 году до н. э. Мы будем исследовать только то, что относится к его личности, касается ли это формы кельтского клинка, камня ли, который он взял в руку, париков, которые он носил с собой, или вида, открывающегося со стороны ворот Рима, с высоты

Квиринальского холма. Историки четко описали события того времени. Мы попробуем вернуться к образу человека, ставшего причиной этих событий.

Начнем с горы на берегу острова Сицилия, с 241 года до Рождества Христова, мирного года, который не был мирным.

Глава 1
Отступление от моря

«Гребцы твои завели тебя в великие воды»

Подобно многим людям, Ганнибал провел свое детство у моря. До пятилетнего возраста он не покидал гору. Гора эта, Эрик, возвышается как гигантская сторожевая башня из глубин рядом с мелководным заливом, имеющим форму полумесяца. С нее открывается вид на небольшой, обнесенный стеной город у залива. Ганнибал не мог бывать в этом городе, поскольку город этот находился в состоянии войны с теми, кто жил на горе.

Поэтому самым ранним его воспоминанием, чем он отличался от старших сыновей во многих других семьях, был вооруженный лагерь. Это не значило, что мужчины вокруг него постоянно носили оружие. Они чинили крытые соломой крыши, когда шел дождь, или наблюдали за тем, как их жены делают ожерелья из серебряных монет про черный день. Их пленники возделывали ячмень на плоских выступах горы, в то время как старшие сыновья пасли стада овец и коз, чтобы было чем наполнить котелки. Не совсем обычно, что Ганнибалу пришлось познакомиться прежде всего с таким способом ведения натурального хозяйства на этом пятачке на вражеской территории. Крутые бастионы горы Эрик защищали поселение, во главе которого находился Гамилькар Барка.

Когда запасы продовольствия начали подходить к концу, Ганнибал стал все чаще слышать тяжелую поступь людей в шлемах и со щитами, отряды которых спускались вниз по тропам. Они шли в сторону заката солнца, спускались по охраняемым тропам, чтобы вернуться под покровом темноты, ведя ослов и пленников с грузом вина и кувшинов с зерном, а то и крупный рогатый скот, угнанный с просторов долины, простирающейся внизу. Поскольку пятилетний мальчик постоянно наблюдал их уходы и приходы, ему не казалось странным, что все эти энергичные мужчины говорили на разных языках — они были наемниками из разных краев и с разных островов. Вслед за мужчинами лагеря они осваивали грубый местный африканский диалект или язык греческих торговцев. И мальчик с готовностью подхватывал этот язык, когда хотел что-нибудь выяснить. Наемники оставляли свою работу, чтобы сесть и объяснить старшему сыну господина Гамилькара, который был способен и

шумно негодовать, и проявлять заботу о них. Возможно, самое неизгладимое впечатление на Ганнибала производил гигантский ливиец с звенящими серьгами в ушах, который мог нести на своих могучих плечах связанного жеребенка. Как бы там ни было, детским садом для этого ребенка стал лагерь, в котором его отцу прислуживали наемники, либо за серебряные монеты, либо из преданности, либо надеясь на трофеи. Гамилькар Барка ловко умел расположить к себе самых разных людей, включая римских перебежчиков. Он предоставлял порабощенным пленникам право жениться и выплачивал им скудное жалованье, чтобы задобрить их. А женщины его дома на горе Эрик были молодыми и опытными проститутками.

Сама гора производила на Ганнибала большое впечатление. Ее вершина, исхлестанная ветрами, иногда закрытая движущимися массами облаков, стояла особняком от темных вершин островных гор. Черные тучи собирались в глубине острова, где их пронзали вспышки молний. Наблюдавшие с Эрика люди становились объектами гнева или благосклонности небес. В последующие годы жизни Ганнибал сохранил чувствительность к этим небесным явлениям, которые могли предвещать волю земных богов. Провидцы, окружавшие его, были не прорицателями, а скорее толкователями небесного гороскопа. Возможно, в этом сыграло роль то обстоятельство, что фамильное прозвание Барка означало «Удар молнии».

К тому же на рассвете с высоты Эрика можно было бросить взгляд за темный берег и увидеть, как над морем, с восточной стороны, восходит солнце. Священнослужители стояли лицом к солнцу, когда выливали жертвенное вино из чаш перед шатром прорицателя-авгура. Гамилькар, постоянно менявший свое жилище, держал личное имущество в этом маленьком шатре. Все карфагеняне обращали свои взоры на восток, испытывая в этом необходимость, которую скорее чувствовали, чем понимали. Там, на востоке, лежала земля их предков, финикийских семитов, древнейшая Красная Земля — возможно, это было побережье Персидского залива, — откуда их предки переселились в Ханаан и на плодородные земли Средиземного моря. За счет этого моря люди Красной Земли и жили, но не только благодаря рыбной ловле — Сидон был их первым рыбным портом — или пурпурному красителю, который они по крупицам добывали из брюхоногого моллюска, а занимаясь торговлей, для чего они отважно пересекали море на судах, сделанных собственными руками. «Торгующие с народами на многих островах», как называл их пророк Иезекииль. Прекрасные мореплаватели, они построили крепкие города на прибрежных скалистых островах и

приняли меры, чтобы защитить их от нападений многочисленных воинств. Могущественнейший из финикийских городов Тир, что значит Скала, был воздвигнут на одном из таких островов. Из глубин континента, караванами из Дамаска, Иудеи, Савы и Эдома, тирские торговцы вывозили сырье, которое в руках ремесленников превращалось в египетские холсты и библосские стеклянные изделия.

Скалистый шельф Тира, конечно, не обеспечивал людей запасами, и они добывали их, обрабатывая земли близлежащего материка. Население высоких многоквартирных домов Тира насчитывало, вероятно, не более 25 000 человек. «Богатые люди Тира, — как рассказывал Страбон, — появились благодаря мастерству его обитателей». Это особое мастерство семитских финикийцев проявлялось в торговле, обмене сырья на готовые товары и наоборот. Во времена царя Хирама они построили на Красном море для Соломона, царя Израиля, флот из древесины стройных ливанских кедров, используя железные гвозди и паруса из египетского полотна. В обмен на это они вывезли золото из рудников Офира, а также драгоценную мирру и благовония из Савы. Хирам также поставлял древесину для храма, возводимого Соломоном.

Финикийцы были первыми и, возможно, последними людьми, культура которых возникла на базе коммерции. Поэтому они неизменно процветали в мирные времена, в периоды между внутренними конфликтами и вторжениями извне. Войско Сеннахериба было только одним из многих, осаждавших морскую крепость Тир. Когда этот важнейший город подпал в 538 году до н. э. под персидское владычество (почти за три столетия до того, как Гамилькар оборонял свою горную цитадель от римлян), финикийцы поддерживали себя тем, что поставляли морской транспорт персидским царям. Тир с его искусственными гаванями остался нетронутым, его богатство даже умножилось при персидском владычестве, но его жители уже больше не могли связывать свою судьбу с морем.

«Гребцы твои завели тебя в великие воды», — говорил о Тире Иезекииль. Этими великими водами был сам океан, и финикийцы подчинили его себе, построив суда, и не только весельные, но и парусные, чтобы отважно бороздить глубокие воды, направляясь в дальние земли вместо того, чтобы держаться у берегов или плавать от острова к острову. На своих черных судах финикийские капитаны прокладывали курс по звездам, руководствуясь знаниями халдейской астрономии. («Свои знатоки были у тебя, о Тир, они были у тебя кормчими».) Они отправлялись туда, где не могли выдержать легкие гребные

галеры, используя попутные ветры Средиземного моря, остерегаясь невидимых течений, помня о безымянных мысах, расположенных вдоль западных берегов, и нанося входы в безопасные бухты и устья рек на карты, которые они ревниво оберегали от взоров других мореплавателей. Они научились тому, как преодолевать штормы или укрываться от них. Им грозила куда большая опасность от встречи с судами критских морских владык, которых сопровождали в те времена весельные суда варварских греческих городов-государств. На открытое море не распространялись никакие правила империи. Никакого кодекса законов не было написано для него, и судьба всякого грузового судна зависела от милосердия оказавшегося на его пути хорошо вооруженного корабля. Финикийские сторожевые корабли, с их бронзовыми носовыми выступами, отводили более слабые суда в отдаленные торговые порты. Такие порты, как и сам Тир, имели зажатые между скалами островки в стороне от побережья или в конце полуострова, куда можно было приблизиться по воде, но трудно было подойти с суши, как было с Карфагеном.

У предков Ганнибала море было в крови.

Те, кто выходит в море на кораблях, привыкают к опасностям, и осторожность становится частью их натуры. Парадоксально, но жажда свободы никогда не оставляет тех, кто водит суда за горизонт. «Дети моря», финикийцы искали любой повод, чтобы избежать разорения войной. Они сделали величайшее открытие: пути, проложенные через глубинные воды моря, — самые безопасные для находящихся в состоянии конфликта людей, населяющих его берега. Средиземное море стало их главной магистралью, и они пытались обмануть соперников рассказами о несуществующих ужасах на этом пути — об острове, на котором Эол держит в повиновении ветры, и о далеком побережье, на котором день всегда равен ночи, а великаны лестригоны пожирают экипажи потерпевших крушение судов. Эти рассказы нашли свое отражение в легендах Гомера. Такие обманчивые на вид, миролюбивые тирцы отчаянно, до последнего вздоха боролись за свободу своего города. Когда она была утеряна, Тир «был ввергнут в молчание посреди моря».

А до той поры Карфаген, Новый Город, посылал ежегодно в Тир деньги в качестве дара храмам древних божеств. Карфагеняне делали это, хотя храмы тех же божеств, Танит, Эшмуна Целителя и Мелькарта, возвышались над самим Карфагеном. Тысячелетняя традиция заставляла священнослужителей Гамилькара возносить молитвы, обратившись на восток, с дурным предчувствием. Имя Гамилькар означало «сын Мелькарта», древнего божества этого

города.

Теперь и сам Гамилькар обладал бесстрашием льва. Поэтому наемники шли издалека служить ему, и он никогда не отказывался вознаграждать их. Более того, он устремил свой взор в новом направлении. Магнаты Карфагена, старейшие семьи, которые вели свое происхождение от финикийцев (Баркиды, выходцы из Кирены, не принадлежали к ним), всю свою жизнь испытывали противоречивые чувства. Традиционно обязанные поклоняться древним богам земли обетованной Ханаан, смиренно готовые к жертвам, обособленные от других людей, убежденные в надвигающейся гибели, которая потребует жертв даже от них самих, они возносили молитвы на восток, к своим праотцам. В то же время они стремились использовать различные изобретения, чтобы извлечь из них пользу, собирались даже поменять вековые письменные символы, перейдя на алфавит, подобно сирийцам и грекам. Это стремление к усовершенствованию жизни побудило их удобрять обычные почвы, применять новые методы труда, искать залежи металлов и заодно исследовать неизвестный запад с его дикими обитателями. Туда же устремил взор и Гамилькар Барка. Прежде всего, после того как остров Сицилия был занят победоносными римскими армиями, он нашел способ вести войну, не опустошая оскудевшую казну Карфагена и содержа на горе Эрик несколько тысяч человек за собственный счет. Его неприступную гору было невозможно взять штурмом. Даже когда перестало хватать продовольствия, Гамилькар не сдал своих позиций.

Рыбаки доставляли уловы крупного тунца к подножию горы; иногда в охраняемую бухту проскальзывала какая-нибудь быстрая трирема, которую вытаскивали на берег вместе с запасами, доставленными из Карфагена, чтобы выгрузить их до рассвета. Все это было необходимо, чтобы преодолевать блокаду римских военных кораблей и весельного флота могущественных Сиракуз, которые патрулировали открытое море и соседнюю гавань порта Панорм. В этом была причина безысходности Карфагена. В течение двадцатитрехлетней периодической борьбы эти северные флоты одерживали победу над Африканским побережьем, и господство Карфагена на море пришло к концу. Карфагенские традиционалисты воспринимали это как волю богов, которую люди были не в силах изменить. Усилия Гамилькара на горе Эрик были временным вызовом судьбе, который не мог принести победу.

Со стороны карфагенского совета старейшин было мудрым шагом назначить человека, который и слышать не хотел о том,

чтобы сдаваться, своим представителем на мирных переговорах с таким же измотанным врагом. В совете, в который входили старейшины самых богатых семей, имелось много сторонников традиционалистов, а также недругов семьи Баркидов, и большинство высказалось за мир. Если Гамилькару Барке удастся договориться на приемлемых условиях с далекой силой, именующей себя Римской республикой, тогда будет хорошо. Если не удастся — тогда пострадает престиж семьи Баркидов. Обыкновенно старейшины совета не доверяли удачливым полководцам, но изобретательный Гамилькар был во многом исключением.

Мальчик Ганнибал понял, что блокада закончилась, только тогда, когда мириады парусников показались из-за западной части горизонта, а сторожевые корабли римлян пропустили их. Флотилия транспортных судов пришла из Карфагена, чтобы снять гарнизон с горы Эрик, и бросила якоря в заливе, формой напоминавшем полумесяц. Появился сам Гамилькар. Он шел во главе обоза с зерном, и его сопровождали люди, машущие ветками, несущие кувшины со старым вином и оливковым маслом. Таким путем Гамилькар подчеркнул, что с окончанием войны пришел и конец голоду.

Тут произошел инцидент, незначительный сам по себе, но оставивший след в памяти Ганнибала. По обе стороны входа в его дом, у колонн, собрались толпы людей. Часть из них составляли наемники с тщательно начищенным оружием. Это были итальянцы, дезертировавшие из римской армии. Напротив них стояли в ожидании беглые рабы, все еще с железными обручами на шеях, а за их спинами — оборванные женщины.

Один из наемников выступил вперед, и Гамилькар дал ему разрешение говорить. Человек объяснил на отрывистой латыни, что он и его спутники теперь, после того как долгое время служили Гамилькару, должны быть выданы римлянам. Тогда они будут убиты — их распнут на крестах. Рабы, которые не имели права говорить, просто пали ниц. Над их головами разнесся трубный голос великана-ливийца, с такой силой откинувшего голову назад, что зазвенели его серьги. Признанный лидер африканцев, он был всеобщим любимцем и часто пользовался этим.

Гамилькар кивнул и простер к ливийцу руку. В диадеме, которая венчала его головную повязку, сиял, сверкая на Солнце во время его речи, редкий изумруд. Он выслушал их, сказал Гамилькар, и даст им всем ответ на третье утро.

Как и обещал, Гамилькар появился у ворот на третье утро, после жертвоприношения. Он свел свои сильные руки вместе,

потом развел их в стороны и сказал слушателям следующее: был заключен справедливый и длительный мир. Никто из дезертиров и никто из беглых рабов не будет выдан. Всех их отвезут в Карфаген, который ими владеет. Поскольку его собственные командные функции закончились с наступлением мира, Гамилькар, не дожидаясь восторженных криков пораженных слушателей, вернулся в свой дом.

Итак, после трех лет блокады гарнизон горы Эрик спустился к стоявшим в ожидании судам. Люди не проявляли радости, покидая свои жилища. Они были истощены голодом и несли с собой мало трофеев. На кораблях они коротали время, подсчитывая, сколько им задолжали карфагенские магнаты. Недовольство наемников вылилось в бунт, который вызвал мятеж рабов и перерос в беспощадную гражданскую войну, изменившую планы их господина Гамилькара и хозяев Карфагена.

Все это могло оставить лишь легкий след в памяти юного Ганнибала, который едва ли понимал, что происходит. К тому же он попал с корабля в свой роскошный дом. Это был дворец в большом городе, где он стал жить со своими сестрами и младшими братьями, где его ждали домашние учителя и слуги готовы были откликнуться на его зов. Но он не забывал тот лагерь, в котором умудрялись существовать вооруженные люди.

Владыка морей

Возраст Нового Города насчитывал к тому времени пять веков. Изначально бывший промежуточным портом финикийцев на пути в Испанию, он продолжал хранить следы своего происхождения. В конце узкого полуострова, вдававшегося в залив Тунис напротив острых вершин Священной горы, за четырехсотфутовым каменным молом образовалась гавань. Здесь, у широких причалов, укрывались от опасных северо-западных ветров суда. Холмы на перешейке полуострова защищали гавань Карфагена от подхода к ней со стороны материка.

Вторая, внутренняя, гавань была сооружена для военных кораблей. Круглая, как колодец, она была окружена высоким портиком, за которым могли укрыться около 200 галер. Каждый причал был оборудован мраморными стойками для швартовки судов. На острове, имеющем форму ступицы колеса, размещалось административное здание адмиралтейства. Отсюда, с высокой башни, напоминающей маяк Фарос в миниатюре, открывалась панорама моря. Башня выполняла также роль сигнальной. За круглым портиком в запертых складских помещениях хранились

лес, снасти, оружие и военное снаряжение. Хотя Карфаген не обладал больше таким военно-морским флотом, как в то столетие, когда он был владыкой западного моря, все необходимое для такого флота хранилось на складах. Защитная стена препятствовала тому, чтобы посторонние люди могли выведать секреты внутренней запасной гавани.

Широкий путь вел к древней цитадели — холму Бирса. Этот холм, высотой около 200 футов, площадью чуть ли не равной половине площади афинского Акрополя, был теперь почти целиком отдан великим храмам Танит, матери Земли, Эшмуна Целителя — Эскулапа у греков — и Мелькарта. Поскольку пространство в центре Карфагена было ограниченным, мастерские поднимались на семь этажей над Бирсой, размещались семью ярусами на уступах так, чтобы был открыт доступ солнцу. Здесь же находились емкости для сбора дождевой воды. Ремесленники и торговцы снабжали рынки Средиземноморья. У них были свои торговые объединения, которые встречались за общим столом и заботились о том, чтобы принимать участие в городских делах.

Огромный бульвар, извиваясь, тянулся почти на семь миль мимо Бирсы, вдоль полуострова, пересекая превращенные в сады кладбища с надгробными памятниками, представляющими собой уникальные творения рук финикийских мастеров. Ближе к морю другие окруженные стенами сады дали приют знатным семьям, которые нажили свои богатства благодаря торговле. Некоторые из них, как, например, аристократические семьи Магонов и ловких Ганнонов, господствовали в городе в течение нескольких поколений. Клан Ганнонов открыто враждовал с неожиданно выдвинувшимся удачливым Гамилькаром.

На своем пути бульвар проходил мимо множества тех, кто не принадлежал к горожанам Нового Города. Нумидийцы в накидках восседали на быстрых лошадях, внимая свистящим звукам своих дудок; суданцы шли по пыльным дорогам, неся поклажу на расправленных плечах; массилийские воины широко шагали впереди своих семейств, направляясь к невообразимо богатому городу; повозки ливийских крестьян, коренных жителей плодородного побережья, вливались в поток движения. Смуглые греческие надсмотрщики щелкали бичами, прокладывая путь своим старомодным, но импозантным колесницам. Заморские конные упряжки останавливались перед слонами, невозмутимо шагающими с грузами тяжелой древесины. Караваны шли с юга, с невольничьих земель, из глубин Африканского континента.

Фактически магистрали карфагенян превратились в артерии всего континента. По ним продукция Африки поступала в город,

чтобы превратиться в грузы кораблей, отправляющихся в другие порты Средиземноморья.

Карфаген стал нервным центром, огромным городом на краю моря. В его лавках финикийская речь смешивалась с местными диалектами, а язык греческих торговцев — с восточноарамейским языком. На самом деле Карфаген был восточным городом. Красные холмы Африканского побережья напоминали Красные Земли за Ханааном.

Карфаген обладал еще одной отличительной особенностью. Этот город всегда был свободным. Тир, покорившийся халдейскому, а позднее персидскому владычеству, был разрушен Александром и его македонским войском. Жертвы этого разрушения 332 года до н. э. — старики и женщины с младенцами — нашли убежище в Новом Городе. Самые надменные из северных городов, Афины и Капуя, увидели врагов, осаждающих их стены.

Удивительно, но Карфаген не имел защитной стены — его защищало море.

В отличие от Тира Новый Город добывал средства к существованию из глубинных районов материка. С горного кряжа полуострова открывался вид вниз на зеленую долину с орошаемыми плантациями. Они простирались до плодородной долины реки Баграда, за которой виднелась темная линия реликтовых лесов, где взамен вырубленных дубов и сосен искусные руки немедленно высаживали новые деревья.

Сначала Ганнибал, видимо, сопровождал своего неугомонного отца за пределы цивилизации, туда, где ливийцы разводили скот, выполняя волю своего вождя, живущего в глиняной хижине. Возможно, они посещали Кирту (Константину), город народа пустыни, стоящий на берегу западной реки. Но великое восстание 241–238 годов до н. э., которое, как большой пожар, распространилось по внутренним районам, должно было заточить мальчика в особняке в Карфагене, в той комнате, которую он делил с греком, математиком и чтецом, читавшим героические поэмы его малолетним братьям.

Восстание скоро превратилось в гражданскую борьбу, в которой подчиненные внутренние районы пытались избавиться от контроля города, расположенного на полуострове. Однако эта междоусобная борьба приобрела более сложную форму. Хищнические племена объединились с деревнями, страдающими от непомерных налогов военного времени, которые с них взимали их господа; другие оставались лояльными Карфагену. Ветераны гарнизона горы Эрик, которым задолжали жалованье, возглавили восстание. Город не располагал опытной армией, которая могла

бы противостоять им. С другой стороны у восставших не было способных лидеров. Они прибегли к терроризму. Чувствуя грозящую опасность, Карфаген отобрал полномочия у семьи Ганнонов и призвал Гамилькара Барку взять на себя единоличное командование.

Гамилькар мобилизовал новые войска. Множество нумидийских всадников встали под его знамена. Караван слонов в кожаной броне потянулся из ворот города к дымам горящих деревень. Гамилькар, имея такое разношерстное войско, перехитрил полчища восставших и загнал их остатки в слепое узкое ущелье, из которого выбраться не удалось никому.

Когда снова были открыты дороги к Африканскому побережью, залечивающему свои раны, они были уставлены крестами, на которых умирали распятые лидеры восставших. Среди распятых тел, вокруг которых кружились тучи воронья, было и тело великана-ливийца с серьгами. Восьмилетний Ганнибал должен был видеть какие-то последствия этой «непримиримой войны», как назвали ее римские историографы.

Возможно, уже в этом раннем возрасте он почувствовал отвращение к войне и нежелание посылать людей на битву, что проявилось в последние годы его жизни.

«Гамилькар приказал всем другим отступить…»

На обессилевший Карфаген обрушилась новая угроза. Это привело к тому, что в 238–237 годах до н. э. городу пришлось принимать срочное решение.

Новое требование пришло из Рима, который еще недавно заверял в своей приверженности миру. Требование заключалось в том, чтобы карфагеняне ушли с островов Сардиния и Корсика и снова заплатили контрибуцию в 1200 талантов серебром, в соответствии с условиями, принятыми в 241 году до н. э.

Эти условия, принятые Гамилькаром как представителем Карфагена, были посильными. Карфаген отдавал всю Сицилию, оплачивая ущерб, нанесенный во время конфликта с Римом. Оба государства разграничивали сферы торговли на море и давали торжественное обещание не нападать на союзников друг друга. Тогда Гамилькар тоже отказывался выполнить приказ Рима выдать всех дезертиров и беглых рабов. Теперь, когда едва закончилось восстание в Африке, возник конфликт между карфагенскими гарнизонами в портах островов Тирренского моря (Сардинии и Корсики), которые на самом деле находились ближе к Итальянскому побережью. Неожиданно вмешался римский

сенат, чтобы, воспользовавшись усталостью Карфагена, потребовать вывода этих гарнизонов, что означало сдачу портов, под угрозой начала новой войны.

По мнению совета Бирсы, уступка Сардинии и Корсики означала больше, чем потерю некоторой части импорта древесины или руды; это означало потерю портов, которые давали выход в Западное Средиземноморье. Сдача позиций на сицилийском пути от нижней оконечности Италии до полуострова, на котором располагался Карфаген, лишала его Восточного Средиземноморья. После почти трехвекового господства торговцы африканского города могли потерять все сферы влияния — если не произойдет чего-то непредвиденного. Проблема выплаты двойной контрибуции была просто ничтожной в сравнении со сдачей стратегически важных островов.

Та часть карфагенского совета, которая тяготела к религиозному фатализму, усмотрела в этом зловещее предзнаменование, как в случае с Вавилоном. Самые непримиримые заявили, что Гамилькару не следовало уходить с горы Эрик. Большинство понимало невозможность нового сражения с римскими войсками, восстановившими свои силы за время трехлетнего перемирия.

Исторические записи свидетельствуют о том, что Карфаген отвел свои гарнизоны, оставил острова и собрал серебро для уплаты новой контрибуции. Но гнев лидеров, которые подчинились ультиматуму, и их постоянный поиск новых путей овладения Средиземноморьем, нашел отражение в действиях, которые были предприняты в этот год.

Таким образом, в это время был сделан первый шаг к еще большему конфликту в борьбе за господство над Средиземноморьем, конфликту, известному потомкам как «война Ганнибала».

Ганнибал в девятилетнем возрасте стал свидетелем первых приготовлений. В сухопутную часть города привезли столбы для возведения тройных стен. Самая внутренняя стена должна была быть гигантской по размерам: шириной в двадцать шагов и высотой в семикратный человеческий рост. На этом несокрушимом бастионе планировалось воздвигнуть башни, расстояние между которыми равнялось бы дальности полета стрелы. С внутренней стороны предполагалось соорудить загоны для стада слонов, стойла для тысяч лошадей и амбары для хранения корма для животных. Наверху широкой стены, на всем ее протяжении, должны размещаться новейшие метательные машины. По окончании строительства город станет

неприступным для атаки с суши. Во всяком случае, карфагеняне на это надеялись.

До окончания работ Гамилькар приготовился перебраться на новые земли на западе, недоступные для римлян. Вместе с Гамилькаром туда должны были последовать муж его старшей дочери, несколько военачальников и африканские тяжеловооруженные всадники-ветераны. Ганнибал узнал, что больше не существует армии наемников, которую он помнил по горе Эрик. Их путь лежал в сторону заходящего солнца, мимо геркулесовых столбов, к океанскому побережью. Путешествие должно было пройти незаметно, на отдельных судах, уходящих в неизвестном направлении.

Много времени спустя, далеко на востоке, при дворе Антиоха, великий Ганнибал узнает, что его отец счел необходимым, чтобы все аристократы и военачальники, решившие сопровождать его, принесли присягу. Для этого все они поднялись в храм Мелькарта на Бирсе, где вокруг них кружились голуби, и вошли из залитого светом внутреннего двора, заполненного толпой, в темноту святилища. У алтаря Гамилькар вознес молитву богу и принес в жертву ягненка, держа в руке кубок.

«Мой отец совершил воздаяние богу, — вспоминал Ганнибал. — Я стоял возле алтаря. Закончив обряд, он попросил всех остальных, приносящих жертвы, немного отойти. Потом подозвал меня к себе и очень ласково спросил, хочу ли я сопровождать его в этом путешествии. Как всякий мальчишка, я согласился и стал даже упрашивать его сделать это. Тогда он взял меня за руку, подвел к алтарю и попросил положить свободную руку на жертвенного ягненка. Он велел мне поклясться, что я никогда не стану другом римлян, и я исполнил это».

Об этой клятве Баркидов, отца и сына, перед их отплытием в Испанию, стало известно всем. Постоянно упоминаемая летописцами, она приобрела такое значение, какого не имела в свое время. Мы часто читаем о том, что Гамилькар заставил всех своих сыновей поклясться, что их вражда к Риму никогда не угаснет. И что жизнь его сыновей, особенно Ганнибала, впредь будет посвящена выполнению этой мальчишеской клятвы. Другие карфагенские военачальники дали такой же обет.

Сам Ганнибал вспоминает это как один из эпизодов во время их путешествия на новое выбранное место. Более того, его толкование клятвы имеет конкретное и в какой-то степени другое значение. Слова «никогда не становиться другом римлян» не означали, что антагонизм должен был продолжаться всю жизнь, но и не являлись пустой фразой. Выражение «друг римского сената и народа» имело в то время отчетливое политическое

значение, так же как понятие «союзник». Если вы становились другом Рима, вы подчинялись римским нормам поведения; как «союзник», вы это тоже делали, но вам оставлялись некоторые привилегии. Полибий изложил это так: «Когда люди идут на уступки после того, как сломлен их дух… им можно доверять как друзьям и подданным». То, чего требовал Гамилькар и в чем поклялся Ганнибал, означало никогда не подчиняться римским нормам поведения. Гнев этих людей был причиной, а не следствием их клятвы.

Полибий это тоже изложил по-своему: «Нам следует видеть первопричину войны между Римом и Карфагеном (войну Ганнибала) в негодовании Гамилькара по прозвищу Барка, отца Ганнибала… Когда римляне объявили, что хотят начать новую войну против Карфагена, этот город был готов уладить все разногласия. Но когда римляне отказались договариваться, карфагенянам пришлось подчиниться обстоятельствам. Хотя они были глубоко оскорблены этим, они были бессильны и освободили Сардинию, кроме того, они согласились выплатить двенадцать сотен талантов дополнительно к сумме, которую с них взыскали до этого… Это мы должны расценивать как вторую и главную причину конфликта. Потому что Гамилькар почувствовал, что его гнев разделяют все его соотечественники».

И греческий историограф добавляет: «Третьей причиной можно считать успех задуманного карфагенянами в Испании проекта».

С наступлением весенней погоды, благоприятной для судоходства, лоцманы отдали приказ. Огромный корабль Гамилькара был выведен из морского бассейна через канал в торговую гавань. Ритуальные светильники были зажжены перед божеством в каюте, и матросы вскарабкались на реи, чтобы поднять паруса. Столпившиеся на краю мола члены совета и судьи, облаченные в мантии, воздели к небу руки, моля о безопасном плавании.

Потом пентеконтор — галера, за длинными веслами которой сидели по пять гребцов, — повернул в сторону от Священной Горы. Сверкание мрамора на вершине Бирсы исчезало в синеве неба над красной линией берега. Маленький Ганнибал, который наблюдал за всем, стоя под навесом на корме, не мог предположить, что тридцать шесть лет пройдет, прежде чем ему доведется снова увидеть Карфаген.

Шесть дней и шесть ночей пентеконтор плыл на запад против господствующего ветра. Корабль держался вне зоны видимости со стоянок карфагенских судов на Африканском побережье и с

Питиузских и Балеарских островов с европейской стороны. Войдя в океанские воды, он миновал Геркулесовы столбы (нынешний Гибралтарский пролив). Потом, когда дельфины начали резвиться вокруг длинных весел, корабль повернул к северу, к островку у Европейского побережья.

Город на скалистом острове назывался Гадес (или крепость Гадир, ныне Кадис). Он был еще более древним, чем Карфаген, и вместе с тем во многом на него похожим. Узкий извилистый полуостров простирался к храмам и торговым лавкам Гадеса, как естественный мол защищая прекрасный глубоководный залив. Суда, которые стояли здесь на якоре, были тяжелыми парусниками. Облаченные в мантии судьи, встретив Гамилькара при высадке, по всей форме приветствовали его, ожидая узнать причину его прибытия. Здешние женщины не наблюдали за происходящим, стоя на ступенях храмов, как это было в Карфагене. Прибой, обрушивающийся внизу на скалы, ревел, как шторм, хотя небо оставалось безоблачным. Гамилькар со своей стороны поздоровался с жителями Гадеса с политичной любезностью. Хотя он имел скрепленную печатью дощечку с надписью, удостоверяющей его положение протектора Карфагена, он предъявил еще и ценную бумагу, которая убедила жителей Гадеса, что он берет на себя стоимость выполнения своей миссии.

Его задачей было освоить испанскую землю. В кратчайшее время эта западная оконечность Европы станет новой карфагенской базой, которая будет служить расширению торговли на западном побережье океана.

В таком объяснении Гамилькара заключалось много правдивого, но это была не вся правда. Огромный полуостров Испании был недосягаем для влияния Рима. Вход на полуостров со стороны материка преграждала стена Пиренейских гор. Новые богатства можно было добыть из недр полуострова, свежие армии набрать из его варварских племен. Земля Испании могла стать опорой для изнуренного Карфагена — своего рода горой Эрик огромного масштаба. Титул Гамилькара — протектор — можно было истолковывать двояко.

У него оставалось, однако, мало времени на то, чтобы выполнить эту задачу.

Сокровища Испании

Атлантический океан не был загадкой для карфагенских мореплавателей, хотя они всячески старались скрыть этот факт. В почти давно забытые времена финикийские путешественники под

командованием египетского фараона огибали Африканский континент. Половину тысячелетия Гадес (или Гадир) служил опорой атлантической торговли, которая приносила сушеную рыбу, амбру и олово, необходимое для производства бронзы. Соперники финикийцев так никогда и не узнали, откуда бралось это ценное олово. Когда Карфаген обрел могущество в VI веке до н. э., секреты атлантической торговли стали охранять с помощью силы. Гадес превратился в сторожевой пост на проливе, ведущем в открытый океан. Очевидно, такая блокада западного выхода в океан была очень надежной, потому что, когда один морской капитан соперников, Пифий Марсельский (Массилийский), прорвал блокаду, а возвратившись домой, попытался рассказать правду о том, что он видел, греческие ученые посчитали его рассказ вымыслом. И эта оконечность Европы получила название Испания — «Скрытая земля».

Под завесой тайны карфагеняне тем не менее исследовали Атлантику, добравшись до Канарских Островов, а возможно, даже и до далеких Азорских. Один из карфагенян, Гимилькон, проложил путь на север, следуя вдоль берегов, на которых шла торговля оловом, мимо Корнуолла и Британии, вдоль «белых скал» огромного острова, называемого Альбионом, и более маленького «Священного острова» (Ирландия). В своем разведывательном путешествии корабли Гимилькона неожиданно наткнулись на безветренный участок моря, служивший ловушкой как для рыбы, так и для кораблей. Хотя он напоминал Саргассово море вблизи Американского континента, это была скорее часть Бискайского залива, где в плавающих водорослях запутывались косяки тунца — рыбы, к которой карфагеняне всегда проявляли интерес. Сообщение Гимилькона о неподвижном море было добавлено к тем страшным рассказам, с помощью которых карфагеняне охраняли свои секреты.

Примерно в то же самое время, в 500 году до н. э., еще один карфагенянин, Ганнон, руководил флотом, который обогнул Африку. Это была не просто разведка. Флот, состоящий из 50 пентеконторов, перевозил 30 000 человек, включая членов команды судов и поселенцев. Ганнон выполнял определенный план, поскольку, двигаясь на юг, он высаживал поселенцев у плодородных устьев рек и обзаводился переводчиками, готовясь к встрече с коренными жителями на следующем этапе пути. Его карфагеняне слышали вдалеке удары местных тамтамов и узнали, как называется человекоподобное существо — горилла. Прежде чем повернуть назад, Ганнон, который, как и Гамилькар, был суффетом Карфагена, возвел город на острове вблизи устья реки. Он дал ему имя Керне, но где был этот город, никто сегодня

сказать не может. Если Керне находился, как многие думают, к югу от Карфагена, суда Ганнона могли попасть на реку Нигер. Существует вероятность, что прибрежные поселения, основанные Ганноном, были связаны с караванными путями в глубине континента, по которым в его родной город доставляли слонов, золото, одежду и рабов.

Если это было так, то во времена Гамилькара Карфаген имел свои торговые порты на западном побережье Африки, где европейские мореплаватели больше не появлялись в течение девятнадцати столетий.

Более того, финикийцы-карфагеняне были первыми в истории людьми, которые основали колонии за морями. Тем самым они сделали первый шаг к новой эре, положив *modus viverdi*, то есть принципу сосуществования между культурным городом и далекими дикими народами. До этого времени империя действовала методом завоеваний, касалось ли это безжалостного подчинения ассирийцев или более мягкого господства над египтянами. Власть самого Карфагена распространялась только на часть побережья между Киртой кочевников и пустынными заливами Сирта. Карфагеняне владели не более чем центрами на суше с широко раскинувшимися вокруг них поселениями. Эти центры не пытались управлять глубинными районами. Они помогали добывать ископаемые и вести сельскохозяйственные работы на окружающих землях. Иезекииль описывает один из таких древних торговых портов такими словами: «Фарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои серебром, железом, свинцом и оловом». Эти торговцы держались в стороне, жили своей собственной жизнью возле Гадеса, на Атлантическом побережье.

Таким образом, Гамилькар был призван впервые изменить древнюю систему экстерриториальных отношений и подчинить весь полуостров Испании вместе с его многочисленными обитателями правительству Карфагена.

Почти девять лет Гамилькар Барка безжалостно относился к самому себе и тем, кто последовал за ним. Он не мог позволить себе роскошь терять время, считаясь с интересами отдельных людей. Капель водяных часов в шатре суффета была подобна сигналу набатного колокола, извещавшего, что время истекло. Благодаря своей энергии он многого добился, но не меньше и потерял из-за своего нетерпения.

Хитроумный Гасдрубал, муж его старшей дочери, понимал и достоинства, и недостатки Барки, который всегда был лидером вооруженных людей. Гасдрубал Великолепный, как его называли,

владел горными предприятиями и обогатился. Юный Ганнибал, который был на стороне Барки, понимал разницу между ними двумя. В этом возрасте он был безгранично верен своему отцу.

Широкое поле деятельности ждало их в Испании. Плывя от Гадеса вверх по течению Бетиса (Гвадалквивира), они попали в прекрасную южную землю богатых и мирных городов. Жители встретили их кувшинами с вином и серебряными чашами с фруктами, а танцовщики прыгали до тех пор, пока их черные головные уборы не слетели под звуки флейт и громкие песни.

Это были южные иберы, напоминающие карфагенян по своим обычаям. Их предки берберского происхождения переселились сюда из Африки, преодолев узкий пролив. Их порты Малака и Абдера находились в руках карфагенян. У городских ворот несли вахту каменные сфинксы и сильные бородатые мужчины — удивительного вида стражники, которые в незапамятные времена попали сюда с берегов Нила или Тигра.

Путешествуя по приветливой долине Бетис, маленький Ганнибал мог прочитать в поэмах Гомера о том, что здесь, на далеком западе, были Елисейские поля — пристанище героев в смерти. «Боги препроводят тебя на Елисейские поля, на край земли, туда, где обитает златовласый Радамант, где жизнь прекрасна. Там нет ни снега, ни бурь…»

Нечто подобное могло существовать и в реальности.

Гамилькару, хотя он предвидел это, предстояло сделать многое на Иберийской равнине. Надо было заложить рудники там, где были обнаружены залежи соли, прорыть каналы между истоками рек, заготовить древесину в дубовых лесах, разбить тренировочные военные лагеря для молодых людей.

Гамилькар привез с собой инженеров и военачальников, чтобы помочь иберийцам построить лучшее государство.

У истоков Бетиса возвышались Серебряные горы (Сьерра-Морена), заключавшие в себе сокровища Испании, такие несметные, что завистливые массилийские капитаны клялись, будто карфагенские суда отплывали от берега на веслах из чистого серебра. Специалисты Гасдрубала открыли месторождения природного золота с большим содержанием серебра. Под их руководством появились новые плавильные печи, и потоки с гор, направленные в каналы, потекли через сверкающую золотом землю, вымывая из золота осадочную породу.

Цитаделью в горах был Кастулон, венчающий хребет, сложенный массивными каменными блоками. Гамилькар вошел в эту цитадель как гость владык Кастулона и остался там, чтобы ими править.

К северу от этого горного барьера простиралось более засушливое центральное плато, где обитали потомки кельтских завоевателей. Иберийская культура коснулась их в том отношении, что они обитали в круглых домах с тростниковыми крышами в окружении стад мелкого рогатого скота. Однако кельтская кровь побуждала их скорее к набегам, нежели к занятию торговлей. Гамилькар обрушился на них, как соответствующая его имени молния, уводя заложников от деревенских вождей, штурмуя древние каменные цитадели на одиноких высотах, занятых кельтиберскими царями. Его воинственность не знала предела. Эти варвары-испанцы при верховой езде пользовались поводьями. Им недоставало умения его нумидийцев, но они были способными кавалеристами. Высокую траву эспарцет в их долинах можно было собирать и плести из нее веревки. Их лошадей можно было использовать, поскольку они были если и не быстрыми, то, во всяком случае, выносливыми.

Чужеземный царь собрал грозную армию всадников, чтобы отбросить карфагенских владык назад к морю. Гамилькар выдвинулся им навстречу с развевающимися вымпелами и завывающими трубами своих нумидийцев. Он выслал вперед два десятка слонов в кожаных боевых доспехах. Эти животные всегда оказывали сильное психологическое действие на не знакомых с ними людей. И лошади тоже их пугались. Орда кельтиберов сразу растаяла. Их царя настигли, и он предстал перед Гамилькаром, который приказал ослепить его и распять на кресте. Но другие пленные были взяты на службу в растущую армию Испании.

Прошло девять лет. Покорено было не более трети страны. Потом Гамилькар Барка был убит.

Предание рассказывает, как он верхом на лошади, с Ганнибалом и другим своим сыном, попал в засаду, устроенную членами племени, которое вызвало его для заключения договора. Это произошло недалеко от Кастулона — Белого Замка. Гамилькар ускакал с мальчиками, но за ним погнались, когда он спускался с холма. На одном из поворотов Барка велел Ганнибалу и младшему сыну свернуть в сторону. Испанцы преследовали Гамилькара, которому удалось добраться до реки, но там они настигли его и убили.

Ганнибал стремительно поскакал к побережью. Там, в армейском штабе, собралась семья Баркидов. После того как возле усыпальницы рассеялся черный дым траурных костров, карфагенские военачальники предложили Гасдрубалу Великолепному командовать ими, заменив Гамилькара. Испанская армия вместе со слонами двинулась маршем, чтобы

отомстить за всеми любимого Гамилькара, стереть с лица земли деревни и поработить их обитателей, убивших его.

Новый Карфаген

Прошло еще восемь лет.

В Южной Испании, в условиях полной секретности, произошли перемены (в тех водах, в которые заход римских кораблей был запрещен по договору). Гасдрубал, прирожденный дипломат, сменил тактику Гамилькара, заключавшуюся в агрессивном покорении, на моральное подавление. Он крепил дружбу с иберийскими вождями, осыпал их великолепными подарками и взял себе невесту из иберийской семьи. Говоря современным языком, Гасдрубал постарался закрепить успехи, достигнутые Гамилькаром, и избежать ошибок, допущенных старым воином.

Легкие парусники исследовали реки; долины покрылись зелеными ростками пшеницы; в три раза возросло количество драгоценных металлов, которые везли с гор к пристани в корзинах на осликах и в телегах с впряженными в них волами. Иберия посылала серебряные дары в казну Карфагена, и Гасдрубал приготовился чеканить собственные монеты.

Более того, этот основатель испанского государства покинул древний Гадес на западном побережье ради нового порта на восточном, средиземноморском берегу, на расстоянии не более четырех суток плавания от его родного города. В прекрасной естественной бухте, защищенной мысом, изыскатели Гасдрубала подготовили участок размером в окружности свыше двух миль. Иберы, у которых на этом месте стоял древний храм, называли его Массия. Карфагеняне в предельно короткие сроки расширили канал под храмовым холмом, превратив его в лагуну, и построили вдоль защищенной лагуны верфи. На высоте будущего города они возвели храм в честь финикийского божества Эшмуна, а над внутренней гаванью — небольшой дворец для Гасдрубала. Кроме того, они заложили фундамент защитной стены. Как только заработали причалы, монетный двор начал чеканить новые деньги.

Однако портовый город таких размеров не мог долго оставаться незамеченным с проплывающих мимо судов. Он имел поразительное сходство с Карфагеном в Африке, и наблюдательные торговцы из Массилии (нынешнего Марселя) доложили о нем Риму как о новом Карфагене — Nova Cartago (Картахена). Было очевидно, что здесь строят новый флот.

Эти самые массилийские торговцы (потомки фокейских греков, искусных гребцов) имели торговый порт далеко к северу, выше устья большой реки Эбро, на восточном побережье Скрытой Земли. Живое воображение подсказало им, что хитрые карфагеняне прибирают к рукам прибрежную торговлю. Поскольку город Марсель был союзником Римской республики, он обратился к своему покровителю. По прошествии некоторого времени (римляне никогда не предпринимали таких действий без предварительного обсуждения в сенате) посланники с Тибра предстали перед Гасдрубалом. Они потребовали от него заверений в том, что карфагеняне не станут пересекать линию реки Эбро с оружием в руках.

Благоразумный Гасдрубал дал такое обещание от имени Карфагена.

Тем самым Гасдрубал отрезал свой будущий город от Пиренеев, естественной защиты Испании. Он фактически признал власть Рима здесь, на берегах Эбро, на расстоянии 650 миль от Тибра. Он выиграл, разумеется, бесценное время для собственных приготовлений. «Он проявил блестящее искусство, — сообщали шпионы Марселю, а потом и Риму, — склонив местные племена присоединиться к его империи».

Однако время было на исходе. Через пять лет после договоренности о реке Эбро Гасдрубала убили.

Как свидетельствует традиция, кто-то из вечно недовольных сторонников кельтов ухитрялся захватить власть в Южной Испании. Такой акт был бы типичным для какого-нибудь потомственного кельтского воителя. Существует вероятность, хоть и не доказанная, что убийство Гасдрубала было инспирировано могущественными врагами Карфагена.

Вслед за тем военачальники испанской армии собрались в Новом Карфагене и избрали своим главой Ганнибала. «В нем воплотился для них образ их горячо любимого Гамилькара».

Этот выбор вызвал споры в совете Карфагена. Испанский проект был успешным и уже пополнил казну родного города. Партия Ганнона, враждующая со сторонниками Барки, заявила, что Гасдрубал Великолепный, по сути дела, сделал себя царем по ту сторону моря. Он никогда не был суффетом Карфагена. Что касается юного Ганнибала, как считали старейшины совета, его никто не знал. Прежде чем вверить ему командование в другой стране, твердили приверженцы Ганнона, его следует отозвать в Карфаген, приглядеться к нему и по меньшей мере предостеречь. Старейшины совета терпеливо их выслушали (тройная защитная стена — неприступная защита самого города — была уже возведена) и присоединились к тому выбору, который сделала

далекая армия. Они передали вопрос на рассмотрение собранию граждан, которые всегда благоволили Баркидам. Собрание единодушно проголосовало за никому не известного Ганнибала. Это решило исход дела, тем более что в торговый порт из Нового Карфагена в только что построенных кораблях прибыли памятные дары, серебряные слитки, кожи и зерно.

Но вопрос оставался вопросом: чего можно ожидать от юного сына Гамилькара Барки?

В том самом 221 году до н. э. Ганнибалу исполнилось двадцать шесть лет — возраст достаточный для формирования характера. Те, кто замечал в нем сходство с Гамилькаром, вспоминали, как он бросился в бурную реку, наперерез катящимся по ней валунам, увлекая за собой других. Говорили, что он пренебрегал удобными палатками и нередко спал, закутавшись в львиную шкуру, прямо под открытым небом, на земле, под охраной часовых. Он быстро реагировал на возникающие трудности и всегда был начеку. Жару и прочие тяготы переносил не показывая усталости.

Подобное можно было сказать о многих сильных мужчинах. Но Ганнибал отличался некоторыми особенностями. Он ел умеренно, употреблял мало вина, носил грубошерстные темные плащи и головные повязки, а также испанские просторные кожаные сапоги для верховой езды. Выделялся он только красотой инкрустированного оружия и конской сбруи. Это не было свойственно карфагенянам, в том числе и Гасдрубалу Великолепному, зато очень свойственно иберам, отличным наездникам и искусным охотникам.

Ганнибал был к тому же человеком веселым, с иронией относился к себе и окружающим. И это тоже было характерно для народов, населявших юг Испании — экспансивных, живых людей, любителей празднеств, не испытывавших особого благоговения перед древними богами. Даже их быстрая речь имела сходство с финикийской речью Ганнибала. Его юношеские годы прошли в долинах Андалусии. Он знал дерзких женщин со сверкающими наколками на черных кудрях. Одну из них, принцессу Кастулона из племени олькадов, он взял в жены. Нам известно только ее имя — Имильке. По словам поэта, их любовь была необыкновенной. Этот брак, так же как и брак Гасдрубала, мог быть заключен и по чисто политическим соображениям, поскольку олькады были хозяевами на границе между Серебряными горами иберов и внутренним плато варваров карпетанов, которые не признавали ничьего господства.

Существуют предположения, что Испания больше повлияла

на характер Ганнибала, чем о том говорят скудные исторические свидетельства. Несомненно, что Скрытая Земля оказала на него сильное влияние. Впоследствии он оказывал предпочтение иберийским военным силам. Возможно, при известии о смерти Гасдрубала Ганнибал подумал об этой дорогой ему земле, а не только о Карфагене и враждебном Средиземноморье. Он скоро сделал свой первый шаг, распространив свою власть к северу.

Полуостров, на котором находилась Испания, был разделен, как и Галлия, позже покоренная Юлием Цезарем, на три части. Это значит, что и населяли ее три группы народов. Кто-то заметил, что прославленный Цезарь плохо знал галлов, и даже удивительно, как он сумел управлять ими. Все было не так в случае с Ганнибалом, сыном Гамилькара, который вырос среди испанцев, женился на испанке и приложил все усилия — это скоро станет очевидным читателю, — чтобы узнать как можно больше о других народах, населявших полуостров. А их было множество.

Первую, самую малую группу населения Испании, составляли тартессы и иберы, жившие на южном и восточном побережьях. Вторую группу представляли бывшие завоеватели кельты, которые осели здесь, усвоив многие обычаи иберов. Эти рослые, эмоциональные и беспечные варвары имели обыкновение сжигать тела своих усопших; иберы хоронили мертвых, снабжая их дарами для потусторонней жизни, в искусно сделанных гробницах, так поступали и с выдающимися карфагенянами. Кельтиберы теперь следовали обеим традициям. Они продолжали сжигать усопших, но хоронили пепел в искусно сделанных урнах, помещая туда оружие, которым человек владел при жизни. Кельтиберы занимали в основном равнины Месеты в верховьях реки Тахо, где ныне находится город Толедо.

Последняя треть Испании, на севере, была захвачена кельтами. Часть из них перевалила через Пиренеи уже в V веке до н. э., и они все еще мигрировали, смешавшись с воинственными германскими народами, которые оттеснили их к югу с берегов балтийских рек. Эти воинственные кельты, которых римляне называли галлами или галатами, щеголяли в одеждах из клетчатых шерстяных тканей, услаждали свой слух игрой на волынках, а их жрецы звуками трубы вызывали унаследованных от предков лесных богов, включая странного человеко-вепря. Где-то по пути они расстались со своими жрецами-друидами, но у них остались племенные советы старейшин, и они руководствовались предсказаниями. В ночь полнолуния все они неуклюже плясали вокруг церемониальных костров, на которых заживо сжигали

пленников. Они были сильны своим числом и, возбужденные, обладали агрессивной энергией.

Разбросанный по всем трем частям Испании молчаливый народ басков, ее древнейшие обитатели, нашли убежище под защитой гор.

Все это в той или иной степени было известно Ганнибалу, у которого оставалось мало времени, чтобы завершить покорение Испании. В сопровождении небольшого отряда военачальников из образованных карфагенян, при поддержке опытной африканской пехоты, недостаточно опытных иберийских формирований, а также внушительного строя слонов, он продвигался из света цивилизации прибрежных городов во мрак первозданной горной местности. Делая это, он выполнял двойственную роль: как глава правящего рода Баркидов он являлся верховным военачальником, служащим совету Карфагена; в глазах кельтов он был, вероятно, царем, обладавшим несметными сокровищами, и повелителем воинов. По необходимости Ганнибалу приходилось играть роль железного царя, от которого зависели жизнь или смерть. Иначе его бы не поняли живущие племенным строем кельты, которые, почувствовав его слабость, прикончили бы его своими длинными мечами, как убили Гасдрубала. Прошло много лет, прежде чем Ганнибал смог отказаться от вынужденного раздвоения личности и до конца дней играть одну определенную роль, как Юлий Цезарь после него.

В глазах Ганнибала Испания была калейдоскопом совершенно несходных между собой народов, враждующих друг с другом, отбирающих чужие урожаи, чтобы пополнить собственные запасы, и не имеющих представления о централизованной власти (даже его иберы держались замкнуто в долине Бетиса). Именно это представление собирался сначала навязать, а потом объяснить им Ганнибал.

Более того, ему приходилось во всем действовать личным примером. Говорят, он первый бросался в бой. В те времена каждый правитель должен был лично участвовать во всех важнейших событиях. Даже африканцы Ганнибала предпочитали следовать за ним, а не просто действовать по его приказу. Гасдрубал, и это правда, поручил формирование новой армии Ганнибалу, и воины с готовностью подчинялись сыну Гамилькара. Но у Ганнибала еще не было близкого друга и единомышленника, и даже ветеран Магарбал не мог внедрить непрошеный закон и порядок в хаотическую Испанию.

«Хитростью он завоевал дружбу вождей племен, — говорили о Ганнибале, — силой и подкупом заставил их подчиниться своей воле».

В течение года, играя двойственную роль царя, который может по своей воле покарать или наградить, Ганнибал вышел к среднему течению Тахо. Пополняя армию в процессе продвижения и штурмуя неприятельские города, он провел свое разрастающееся войско через Сьерра-Гуадараму и оказался среди удивленных ваккеев, дальних родичей всадников-карпетанов. Он потребовал у этих горцев только трех вещей: номинальной выплаты дани, провизии для своих воинов и добровольного вступления под его командование крепких молодых людей, которым по душе ежедневно готовить еду в котелках и получать плату серебром в монетах необычного вида.

Но у него было слишком мало времени. Первобытные люди не могли понять таких перемен в своих наследственных традициях. Им нужно было время на размышления. Они недоумевали, зачем этот неугомонный человек, наделенный властью, выходит из своего шатра, чтобы поговорить с ними. И они брали его за руку, чтобы отвести снова в его покои, где они могли сидеть на шкурах, погрузившись в размышления о странности его речей. (Он научился говорить на языке кельтиберов.) А меньше чем через год, как это произошло и с Гамилькаром далеко на юге, северные племена решили оказать Ганнибалу совместное сопротивление.

Ваккейско-карпетанские воины начали формировать внушительную конницу. Военачальники Ганнибала советовали ему незамедлительно начать битву. Ему не хотелось этого делать, к тому же ему было нелегко двинуть пехоту против всадников, рассыпавшихся по заросшим осокой равнинам. Вместо этого он повел свои войска в отступление, назад, к быстрой Тахо. Бросившиеся вдогонку многочисленные кельтиберы обнаружили, что карфагеняне растянулись вдоль южного берега реки. Когда варварские всадники кинулись переплывать реку или переходить ее вброд, они оказались в глубокой воде, в то время как ловкие копьеносцы отталкивали их от берега, а внушающие благоговейный ужас слоны быстро бежали вдоль реки, стараясь ударить всадников и заставить лошадей погружаться от страха в воду.

Деморализованная армия племен обратилась в бегство. Карфагеняне начали преследовать отступающих, чтобы положить конец дальнейшему вооруженному сопротивлению. Без всяких сражений влияние карфагенских захватчиков распространилось от центральной равнины до восточного побережья, вплоть до реки Эбро.

Здесь образовался центр сопротивления, сформировавшийся вокруг старого, окруженного крепостной стеной города на крутом

холме, который построившие его иберы называли Арсе, а римляне, которые теперь обратили на него внимание, — Сагунт.

Долгие месяцы перехода сюда, в глубинные районы, стоили беспокойному Ганнибалу самой чувствительной для него потери — потери времени.

Столкновение у Сагунта

В те эллинистические времена вожди были людьми разносторонними. После того как Александр и македонцы проложили путь даже в такие дальние края, как горы Индии, новые достижения науки и земледелия притекли из великих городов Азии в район Средиземноморья. Пролегли новые торговые пути, которые помогли развитию таких городов, как Родос, Эфес и только что возникшая в устье Нила Александрия. Потом торговля и новые идеи достигли западных портов, таких, как Сиракузы на Сицилии — «слава Греции». Греческий язык стал звучать повсюду — от Марселя до Индии. Аристотель был первым, кто осознал влияние новых открытий. Александр, которому он покровительствовал, послал философу из Стагиры не только образцы фауны и флоры, но и познакомил его с древними научными знаниями. В эпоху преемников Александра, которую называют эллинистической, люди Средиземноморья узнали об универсальных идеях, которые принизили значение ранних философских школ, даже выдающегося учения стоиков. Зенон, основоположник стоицизма, был наполовину финикийцем.

В Сиракузах стареющий Архимед работал над проблемами действия рычага и особой плотности металлов. Возможно, он никогда не говорил о том, что может перевернуть мир, если ему дадут точку опоры. Однако по настоянию Гиерона, тирана Сиракуз, в часы досуга Архимед набросал чертеж гигантской плавучей крепости и механических чудовищ, которые могли в случае необходимости защитить город. В Александрии, где находилась огромная библиотека, другой выдающийся математик, Эратосфен Африканский, создал астрономические таблицы со времен халдеев и географическое описание известного к тому времени мира. Эратосфен прояснил давно обсуждавшийся вопрос об истинных размерах Земли, экспериментируя в полдень с солнечной тенью в глубоком сухом колодце. О нем говорили, что это человек, у которого пять умов в одном теле.

Гасдрубал Великолепный тоже проявлял разнообразные способности как разведчик недр, строитель городов,

государственный деятель, организатор торговли, а также губернатор. Все эти обязанности пали и на Ганнибала, на гораздо более молодого человека, который был привязан к армейским лагерям десяток последних лет. И сразу стала ясной работа совершенно иного разума.

Ганнибал не тратил время на обдумывание строительных проектов или проектов развития торговли. Эти вопросы он доверил своему блестящему младшему брату. Сам же Ганнибал исследовал окружающее морское побережье. Возможно, он изучал «Периплус» — описание путешествия вдоль побережья, сделанное Хароном Карфагенским, а возможно, отчет о путешествии Гимилькона. Он вполне мог прочитать утраченную работу «О средствах и путях» другого африканца, Эратосфена, посвященную материальным ресурсам и их научному развитию. Эратосфен был выходцем из Кирены, родного города Баркидов. (Эратосфен Александрийский высмеивал мифы Гомера: «Вы узнаете путь Одиссея, если отыщете сапожника, который зашил мешок с ветрами».) Ганнибал пригласил врача Сингала из Александрии, а не с острова Кос, где знахари лечили с помощью чудотворства. Кроме того, Ганнибал серьезно интересовался историей окружающих народов, особенно римлян, о которых было еще мало известно. Почти наверняка он изучал жизнь Пирра, знаменитого солдата удачи, который ничего не выиграл от побед над римлянами.

В то время существовало не так уж много книг для чтения. Как и многие другие в те времена, Ганнибал сжег немало масла в светильниках, слушая по ночам рассказы возвратившихся из плавания капитанов, приезжих купцов, странствующих поэтов и собственных далеко забредающих шпионов о том, что они видели на других берегах. Любознательность Ганнибала, кажется, была ненасытной. Какие обычаи в других землях, какими способами убирают урожай и когда? Какие традиции в Марселе, какие куют металлы и как? Где и когда кельтские племена проходили через горы под названием Альпы?

Любопытство Ганнибала распространялось на загадочных людей, таких, как, например, этруски или лигурийцы — мрачные скотоводы. Он мысленно рисовал себе картину всего Средиземноморья. В то же время в течение драгоценных месяцев 220 года до н. э. он пересекал вдоль и поперек центральные равнины и обдумывал, как использовать возможности полупокоренных кельтиберов. Не такие сильные, как ливийцы, они, однако, были способны многое вынести, если захотят. Низкорослые, смуглые и веселые, энергичные, как пантеры, — из них вышла бы непревзойденная кавалерия, если их обучить как

следует.

А севернее, в Уксаме, паслись табуны лошадей, выносливых и легко поддающихся тренировке. Люди там поклонялись Эпоне, богине — покровительнице лошадей. Ганнибал имел в виду этих лошадей. Он всегда продумывал все до мелочей. Сидя верхом на лошади, можно было спокойно пользоваться кельтиберским мечом, длиной в два фута, обоюдоострым и слегка изогнутым. Эти воины придумали необычные пики, длиной примерно пять футов, с железными наконечниками толщиной не менее половины дюйма. Такую огромную пику можно было метнуть, сидя в седле, в щиты и доспехи. Если бы кельтиберских конников можно было убедить…

Испанские наемники, как прекрасно знал Ганнибал, были в высшей степени ненадежны. Вознаграждение не удовлетворяло их, а рассчитывать, что они будут служить по призыву, было невозможно. Всех этих разнообразных испанцев роднило с карфагенянами одно — свободолюбие. Их исключительная гордость не поддавалась описанию словами (нынешние испанские историографы называют эту гордость altivez — «врожденная надменность»), но она служила неким пробным камнем. Если какой-то кельгибер был предан вождю, он присягал ему на верность и соблюдал свою клятву вплоть до того, что убивал себя, в случае если тот, в верности кому он клялся, был убит. Каким-то образом Ганнибалу удалось добиться такой преданности от кельтиберских всадников.

Завоевав симпатии этих воинственных людей, он приспособил для перевозки грузов их неизвестные в Африке легкие повозки с впряженными в них малорослыми, но быстроногими быками.

Весной 219 года до н. э., прежде чем наступила благоприятная погода для мореплавания, в порту Нового Карфагена появились посланцы Рима, желавшие увидеть Ганнибала. Они встретились с ним — двое пожилых мужчин в простых тогах. Посланцы потребовали, чтобы Ганнибал соблюдал подписанный с Гасдрубалом договор не переходить реку Эбро и не приближаться к Сагунту, который стал союзником римлян.

Сагунт представлял собой крепость на побережье, на полпути между Новым Карфагеном и рекой Эбро, и, соответственно, относился к карфагенской зоне согласно договору. В нем находилась колония греческих купцов, а также диаспора сторонников Карфагена. Эту цитадель раздирали интриги, и, что там на самом деле происходило, понять было невозможно. Известно, что сагунтийцы истребили обитавших по соседству тартессийских поселенцев и что они обращались за

покровительством к Риму, будучи его союзниками. Это само по себе незначительное событие по своим последствиям оказалось равным убийству эрцгерцога австрийского на угрюмой земле Сербии в наше время. Реакция Ганнибала была основой дальнейших событий.

Согласно договору, заявил он, власть римлян не распространяется южнее реки Эбро. Что же касается сагунтийцев, то они расправились с таргессами и должны ответить за это. «В обычае карфагенян, — добавил он, — помогать угнетенным народам».

Это звучит в достаточной степени иронично, однако, возможно, молодой Ганнибал озвучивал цель, которая сложилась у него в мыслях. Так или иначе, но требование Рима было отклонено. Посланцы вернулись на свой корабль, чтобы доложить о результате карфагенскому сенату, как тот и требовал. Ганнибал отправил в Карфаген свое собственное донесение о событиях.

(Как обычно, когда это касалось внутренних дел Карфагена, не сохранилось никаких следов этого послания Ганнибала. С другой стороны, римские архивы сохранились и нередко переписывались. Спустя два столетия усердный Тит Ливий из Падуи написал свой монументальный труд «Римская история от основания города», и тогда, во времена великой эпохи Августа, рассказ о первой встрече в Новом Карфагене претерпел коренные изменения в сочинении Ливия. Причина «ганнибаловых войн» выглядит ничтожной. На страницах труда Ливия Ганнибал уже подверг Сагунт осаде (что он сделал только в следующем году), и, когда прибыли два посланца, «он отправил своих людей на берег встретить их и предупредить, что их появление у него небезопасно… к тому же у него нет времени выслушивать их в столь критический час». На самом деле Ганнибал виделся и разговаривал с посланцами в Новом Карфагене. Что касается его послания в Карфаген, Ливий утверждает, что если Ганнибал с послами и не виделся, он должен был предположить, что они направятся в Карфаген, и написал туда, советуя «не удовлетворять требование римлян».)

Именно так и произошло на самом деле в Карфагене. Там послы потребовали нейтрализации Сагунта.

Совет в Бирсе отказался вмешиваться в дела Ганнибала.

На страницах своего труда Ливий заставляет Ганнона Великого, вождя группировки, находившейся в оппозиции к Баркидам, пылко выступать против воли совета. Эта записанная речь красноречиво свидетельствует, что такая мысль пришла Ливию постфактум. Ганнон умоляет своих соратников-консулов «не провоцировать римлян на войну в Сагунте». Ганнон,

оказывается, отговаривал их посылать отпрыска Гамилькара в армию. Потому что «ни дух этого человека, ни его плоть, его дети, никогда не перестанут препятствовать договору с римлянами. Вы послали к войскам юношу, который одержим властолюбием и видит единственную возможность получить власть, сея семена войны. Сейчас ваши войска окружают Сагунт, к которому им запрещает приближаться договор. Скоро римские легионы окружат Карфаген. Вы раздули пламя, которое спалит вас».

(Теперь это, казалось бы, наивное предсказание одного из карфагенян вовсе не кажется таким уж наивным. Это — пролог к небылицам, написанным Титом Ливием и его соотечественниками о Ганнибале, сыне Гамилькара, и катастрофам последующих восемнадцати лет. Сюжет этот начинает вырисовываться таким образом: мальчик, поклявшийся во вражде к Риму, став взрослым, попытался добиться могущества, ввергнув Карфаген в войну против воли его мудрых правителей.)

В то лето армия Ганнибала атаковала Сагунт.

Свидетельство моря

Воды Средиземного моря могли бы рассказать об истинной причине того, что началось в 219 году до н. э. То был кульминационный пункт борьбы, которая велась 120 лет между двумя алчными и безжалостными силами за господство над этими водами.

Незримая граница всегда отделяла южную часть Средиземного моря от северной. Она отделяла Африканский континент от Европы, ливийско-семитско-египетское население от арийских посягателей, которые вторглись на греческий полуостров и на прекрасный остров Крит. Финикийцы с юга объединились с персами с востока против дорических греков. По-прежнему оставалось мало общего между обитателями юга и теми, кто жил на севере. Эратосфен, как географ, попросту провел основную ось Средиземноморья по прямой линии через Гибралтар и Сицилию над островом Родос. Сами побережья были совершенно различны. На севере миниатюрные моря лежали между полуостровами; большие реки собирали воды материковых земель; укрытые гавани манили к себе корабли, в то время как цепь островов вела к дальним берегам. На юге безгранично простиралось непривлекательное Африканское побережье, на котором почти не было гаваней и протекала единственная

большая река — Нил. На севере сильные ливни питали пастбища для скота (исключение составляла Греция) и кормили возрастающие массы людей. На юге карфагеняне должны были налаживать сельское хозяйство и оставались зависимыми от моря. Латиняне, жившие на Тибре, преуспевали в сельском хозяйстве и долгое время были, кажется, вполне удовлетворены этим.

Средиземное море имело одну точку, в которой разделенные побережья почти соприкасались — в том месте, где длинный полуостров Италии отделялся узким Мессинским проливом от острова Сицилия, западная оконечность которого находилась менее чем в 125 милях от Карфагена… Этот барьер суши, в свою очередь, отделял большую восточную часть Средиземноморья от западной. Время от времени беженцы переселялись с востока на все еще дикий запад, когда этруски совершали путешествие из Малой Азии в Северо-Западную Италию, а финикийцы — в устье Роны вблизи Марселя. Предприимчивые греческие поселенцы распространили и свои разногласия, и мастерство своих ремесленников на спокойные гавани каблука итальянского сапога, в Тарент и роскошный Сибарис, и вокруг носка полуострова, вплоть до Нового Города — Неаполя, где со временем они столкнулись с этрусскими торговцами. Они очень рано построили Сиракузы в закрытой гавани, создав этим в стороне от солнечной Южной Италии и Восточной Сицилии Великую Грецию.

С приходом переселенцев расширялась торговля на восточном побережье. Соперничая друг с другом за новые богатства, этрусские, массилийские и сиракузские корабли осваивали все более отдаленные пути и вели сражения на море, и все это ради того, чтобы карфагенский флот господствовал в Западном Средиземноморье. (Отрезанные от морских путей, марсельские торговцы вывозили ценное олово с берегов Атлантики вниз по Роне.) Благодаря своим фортам на Сардинии и Корсике африканские мореплаватели контролировали Тирренское и Лигурийское моря к западу от Италии. Хотя цивилизованные сиракузские тираны противостояли на своем побережье карфагенским кораблям, они не могли не пускать африканцев на западные глубоководные морские пути. А это становилось все более важным, поскольку добыча драгоценного золота и серебра в рудниках на восточном побережье начала сокращаться. У цивилизованного Восточного Средиземноморья все больше возрастала потребность в сырье с дикого западного побережья. На исходе третьего столетия попытка Пирра, царя и полководца эпирского, включить в империю юг Италии и

Сицилию (процветающую Великую Грецию) была следствием экономической необходимости, хотя это было вызвано первым появлением римских кораблей у свободного города Тарента.

Когда блестящий Пирр был наконец разбит римскими легионами (275 год до н. э.) и покинул берега Италии, он, по преданию, сказал: «Какое прекрасное поле боя я оставляю римлянам и карфагенянам». Возможно, он никогда и не произносил этих слов, но они оказались пророческими.

Ганнибал изучал все, что происходило в те годы.

Вероятно, ему было понятнее, чем нам теперь, как это скромному городу, стоявшему на холмах в низовьях реки Тибр (он не был даже морским портом), удалось подчинить себе большую часть Италии; как образованные этруски были покорены энергичными южными греками и как Великая Греция пошла по пути сибаритства, предаваясь наслаждениям. Флегматичные латиняне сделали свой первый шаг, завоевав город Вейи в Этрурии, в верховьях Тибра. Потом союз латинских городов распался после затяжного конфликта, и они становились поодиночке либо союзниками, либо субъектами римского гражданства. Благодаря настойчивости и непрекращающемуся конфликту Рим, вместе со своими союзниками, получил господство над Центральной Италией и подчинил себе Капую, богатейший и самый культурный город из всех южных греческих городов. Потом, когда железная настойчивость помогла Риму отправить Пирра назад на его корабль, продвижение римлян к морям ускорилось: знаменитый Тарент пал в 272 году до н. э., Регий на Месслнском проливе — в 270 году до н. э. Спустя шесть лет несколько римских отрядов, преследовавших в коварном узком проливе кучку наемников, которые именовали себя «людьми Марса», обнаружили одного карфагенского полководца, обосновавшегося в крепости Мессина на сицилийской стороне.

Незаметно для участников мессинских событий ситуация на Средиземноморье изменилась. Древние города-государства утрачивали влияние. Верховенству отдельных тиранов или диктаторов приходил конец. Пирр был последним из них. Господство империи, хотя еще и зачаточное, начинало принимать все более отчетливую форму.

До сих пор римская экспансия распространялась на сушу, в то время как карфагеняне господствовали на море. Поговорка, что льву незачем ссориться с китом, оказалась в этом случае верной. Дружелюбные каждое на своей орбите, эти государства часто вступали в свободный политический альянс, и не далее как во время победоносного шествия Пирра Карфаген предлагал свой

флот в помощь римскому сенату (чтобы удерживать армию Эпира подальше от стратегически важной Сицилии).

Теперь две орбиты пересеклись в Мессинском заливе. Схватка возле Мессины распространилась и на сушу. Гиерон II, последний тиран Сиракуз, отдал предпочтение римским легионам и предложил им использовать свой неприступный город в качестве базы, а флот — в качестве транспортного средства. Карфагеняне лишились укрытия на западной половине острова. Совет Бирсы запоздало осознал, что ключевые позиции на Средиземном море могут быть утрачены.

До этого времени африканский город вел политику ограничения войн. Снаряжавший боевые корабли только в случае необходимости, Карфаген привлек иноземных наемников, чтобы создать войско, с которым можно было бы расплатиться после того, как оно выполнит свою задачу. Когда эта цель была достигнута, Карфаген положил конец конфликту. Современные ученые пишут, что армия Карфагена служила государственной политике, в то время как римская государственная политика служила армии. Независимость Рима была отвоевана у более могущественных соседей только благодаря мощи его легионов — великолепной национальной армии. Как горько заметил Пирр. «В том, что касается войны, эти варвары совсем не кажутся варварами». Теперь в первый раз на Сицилии римским командирам противостояли умное руководство и чужеземная мощь.

Карфаген и Рим были чужды друг другу. Первый возрос на африканской почве, имел более древнюю культуру, поклонялся более древним восточным божествам. Второй возник из европейских племен, возвел их традиции в законы, нетерпимые к иному образу жизни. По этой причине столкновение армий в Мессине переросло в то, что получило название в истории как 1-я Пуническая война, но что в реальности было началом непримиримой борьбы за господство в средиземноморском регионе.

Регул предлагает свои условия

Размышляя обо всем этом, Ганнибал должен был задуматься над двумя вещами. Первое — поражение на море.

В течение первых трех лет лишенным воображения старейшинам сената и римскому народу становилось все более очевидным, что нельзя подчинить отдаленный остров до тех пор, пока не удастся установить господство на окружающих его водах.

Столкнувшись с этой практической проблемой, римляне, с характерными для них энергией и мастерством, принялись создавать свой первый боевой флот. (В разгар враждебных отношений их разведывательный отряд был полностью захвачен в бухте карфагенскими кораблями. Причиной случившегося, о чем никогда не говорилось публично, послужил приступ морской болезни, охвативший неопытную команду после шторма, от которого корабль укрылся в бухте.)

В течение года Рим собрал и укомплектовал личным составом 100 галер с пятью гребцами на каждое длинное весло и 20 разведывательных галер с тремя гребцами на более короткое весло. Этот подвиг со стороны сухопутных жителей, которые не любили моря, был чудом, легенда о котором жива и поныне. Согласно легенде какие-то римляне обнаружили севшую на мель карфагенскую галеру с пятью гребцами на весло и, скопировав ее конструкцию, построили свои, а их сограждане тем временем учились управлять веслами на тренажерах, установленных на суше.

Боевые галеры того времени были хрупкими конструкциями, похожими на гигантские раковины, с водруженными на них длинными скамьями, на которых размещалось до 300 гребцов. Только более крупные суда были «крытыми», то есть имели палубы. Галеры плохо передвигались по бурному морю и должны были искать укрытие от шторма. Их вооружение состояло из железных или бронзовых таранов. Парные тараны обычно стояли вертикально на носу судна, готовые вонзиться в неприятельскую галеру выше или ниже ватерлинии или сокрушить скамьи гребцов на ней. Галера могла также сблизиться с другим кораблем, чтобы дать возможность вооруженным воинам — не гребцам — перебраться на неприятельский корабль и одолеть врага. Во время сражения мачты опускали, чтобы они не пострадали от удара при столкновении. Из всего этого следует, что боевыми галерами должны были управлять опытные моряки. Находиться в открытом море продолжительное время такие галеры не могли. Парусные суда, транспортные и торговые, легко уклонялись от них во время сильного ветра. Но в безветренную погоду они оказывались беспомощными против атаки гребных галер с их таранами.

Римские военачальники, создав как по волшебству свой боевой флот, поступили в высшей мере разумно, обратившись к подвластным им морским портам, которые уже владели галерами, — Таренту, Неаполю, Пизе в Этрурии, не говоря уж о флоте в Сиракузах. Эти порты носили прозвание socii navales — «друзья кораблей». Суда, построенные этрусками и греками, уже

были укомплектованы опытными командами. Что же касается каких-то гребных механизмов, то их никогда не существовало. По закону (а законы города на семи холмах были строгими, как в более ранние времена у жителей Мидии и Персии) гражданам разрешалось служить только в легионах пехоты, а неграждане не имели права вставать под знамена легионов. Вольноотпущенники и рабы могли быть членами экипажа или гребцами на скамьях.

Вооруженные легионеры тем не менее пришли на новый флот. Методичные военачальники планировали использовать их, когда судно шло на абордаж, а для этого галеры были оборудованы огромными крюками corvi («клювами») и широкими перекидными мостиками, по которым могло пробежать плечом к плечу свыше полудюжины воинов. Надо было зацепить неприятельское судно, чтобы опытные римские воины вступили в рукопашную схватку с врагом на палубе.

Такой план полностью удался. Боевые корабли встретились в первый раз при Милах, недалеко от Мессины, в 260 году до н. э. Карфагенский флот, привыкший маневрировать, располагал лишь небольшим контингентом воинов. Скорее всего, сыграл свою роль и фактор неожиданности. Большая часть карфагенских галер была захвачена или потоплена. Римский военачальник забрал бронзовые тараны врага в качестве трофеев и триумфально провез их вокруг Форума. Это была первая победа римлян на море.

Триумф в битве при Милах, разумеется, не сразу установил господство Рима на море. Другие карфагенские флотилии действовали успешно и даже доплывали до побережья Италии. К тому же римские военачальники никогда не обладали знаниями о море. Их упрямство и отсутствие опыта приводили к кораблекрушениям, в которых погибло десятки тысяч человек. Но то, что произошло при Милах, повлияло на отношение лидеров карфагенян к морю. После этого они, кажется, начали испытывать страх перед испытанием своих кораблей в битве с римской армадой.

Гамилькар понял, что его город больше не господствует на море, а Ганнибал должен был понимать, что карфагенская армия уже не может надеяться совершать переезды через открытое море.

Подтверждением тому послужило еще одно напоминание — слова римского консула Регула. Триумфальная победа при Милах открыла новые горизонты жителям города на семи холмах. Она проложила им путь на другие берега. Отцы-сенаторы четко осознали, что борьбе за Сицилию может быть положен конец, если завоевать Карфаген. Через три года после битвы при Милах флотилия из 330 судов покинула Мессину с четырьмя легионами

на борту. Она прорвалась через карфагенский флот к южному побережью Сицилии и перенесла войну в Африку. Два консула, Регул и Вульсон, возглавили командование экспедиционными войсками. Не нашлось силы, которая бы встала между ними и Карфагеном, который не имел в то время защитной стены. Когда посланники совета пришли в римский укрепленный лагерь, чтобы выиграть время, Регул принял их почти неуважительно. (Неожиданное появление европейской армии привело беспокойное население Африканского побережья в смятение. Вспомнив это через пятнадцать лет, римские власти позволят Гамилькару Барке взять с собой с горы Эрик дезертиров и беглых рабов, которые еще больше разожгли недовольство наемников.) «Если вы считаете себя храбрецами, — сказал Регул, — вы или побеждаете, или принимаете множество побежденных».

Регул говорил как командующий европейскими племенами, все еще входящими в союз тридцати пяти племен, и как человек, простой кодекс храбрости которого побуждал его стремиться убивать, чтобы не быть убитым. Гораздо более развитые и сложные африканцы не хотели ни того ни другого.

Тогда Регул напрямую предложил им условия мирного исхода для их города. Вот они:

Уступка Сицилии и Сардинии.

Выдача без выкупа пленных римлян и выкуп карфагенских пленных с ежегодным возмещением Риму военных расходов.

Карфаген должен заверить, что не будет объявлять войну или заключать мир без согласия римского правительства.

Карфаген не должен использовать флот в военных целях. Ему разрешается снарядить одну галеру.

Карфаген должен передать, если потребуется, 50 галер с тремя гребцами на весло в распоряжение римлян.

То, что случилось после, было так же неожиданно, как полная перемена ситуации при Милах. Эти условия означали уничтожение города, который был владыкой морей. И город воспрянул духом перед лицом невиданной до той поры опасности. Корабли вышли в море, чтобы доставить назад Гамилькара Барку и его опытных наемников с сицилийского фронта. (Римские галеры стояли в гавани Туниса, а их командиры располагались лагерем на берегу.) Еще одному опытному воину, Ксантиппу, командиру наемников-спартанцев, были переданы нумидийские конники и слоны, которых он попросил ему дать, чтобы сразиться с легионами Регула на открытой равнине, используя новую тактику. Против разношерстного войска Ксантиппы — Гамилькара римские легионы выступили чересчур самоуверенно — на свою погибель. Регула, примерно с половиной

его штаба, взяли в плен. Остальные были отправлены назад к месту высадки и к транспортным судам. Другие галеры прибыли, чтобы забрать их. Однако по пути домой римские военачальники настояли вопреки совету опытных лоцманов на том, чтобы проложить курс вдоль южного побережья Сицилии. Шторм настиг их на подветренном берегу. Галеры утонули. Пошли на дно 284 судна почти со всеми, кто был на борту.

Характерно, что, когда стали известны масштабы катастрофы, римский сенат приказал построить новый флот. В течение трех месяцев должно было спустить на воду 220 полностью снаряженных кораблей. Для этого количества галер устроили постоянные зимние укрытия.

После долгих лет в равной мере измотанные соперники заключили мирное соглашение, согласно которому Сицилию уступили Риму за 1200 талантов.

Это был мир 241 года до н. э., заключенный Гамилькаром в то время, когда он защищал гору Эрик. По условия мира Карфаген сохранял верховную власть без ограничения флота. Не прошло и трех лет, как римляне нарушили этот мир.

«В складках моей тоги скрыты и война, и мир…»

Куда бы ни отправлялся верхом на коне Ганнибал, он всегда брал с собой карту и постоянно пользовался ею, а его греческие писцы наносили на нее берега, горные цепи и гавани северной части Средиземноморья. На картах того времени обычно были обозначены расстояния между пунктами и названия обитающих на землях народов. За последние девять лет небольшие, но существенные изменения произошли на карте берегов Италии. Слухи об этом доходили до Ганнибала от благожелательно настроенных торговцев или его тайных агентов.

В сообщениях из Рима говорилось, что закрыты двери храма Януса, поскольку в великой республике наконец воцарился мир. Однако флот пересек Адриатическое море с целью наказать «пиратов». (Пирр появился на другом побережье Адриатики.)

После 226 года до н. э. — года мирного договора Гасдрубала — перемены происходили быстро. На севере Италии, на берегах реки По, восстали кельтские племена. Войска двинулись с Тибра, чтобы их усмирить и возвести на реке По пограничные посты. Эта граница играла такую же роль для Рима, как река Эбро для Нового Карфагена, который стал теперь процветающим портом. В 224 году до н. э. армии пересекли По и спустя два года захватили Милан, главный город кельтов. Одновременно другая военная

экспедиция подавила остатки сопротивления островитян Сардинии.

В 219 году до н. э. вооруженные галеры поспешно покинули порт, чтобы снова пересечь Адриатику, высадить свои легионы и провозгласить Далмацию (Иллирию) римским протекторатом. Мятежников возглавлял Деметрий Фарос, который укрылся в Македонии. Римлян, без сомнения, провоцировали самыми различными способами. При этом Деметрий и кельты (в Италии их называли галлами), а также горцы Сардинии взяли в руки оружие на своей собственной земле.

Изменения на карте свидетельствовали о том, что Ганнибал не мог ошибиться. На востоке Адриатика стала римской; к западу от Италии, у Сардинии и Корсики, римляне завладели Тирренским морем. Как долго будет продолжаться и насколько далеко зайдет вторжение в Средиземноморье? Карфаген все еще господствовал в западной части Средиземного моря, там, где сходились Африканское и Испанское побережья. Где-то посредине лежали Питиузские и Балеарские острова и находился порт Сагунт.

Потом римские посланцы вступили в Испанию, объявив Сагунт своим протекторатом. Внушительные сухопутные силы были мобилизованы внутри Италии, и около 200 галер спущено на воду из зимних укрытий. Не против Испании ли была направлена эта мощь?

В начале лета 219 года до н. э. Ганнибал принял решение действовать. Его армия, в основном состоявшая из испанских рекрутов, сделала попытку взять штурмом цитадель на высотах Сагунта и потерпела неудачу. У нее не было ни осадных орудий, ни приспособлений, помогающих взобраться на скалистые откосы. Ганнибал взял Сагунт в кольцо и стал ждать, чтобы его защитники сдались. Он поручил командование Магарбалу, а сам поскакал на пустынные кельтиберские равнины. В течение этих месяцев его жена Имильке дала жизнь ребенку.

Обитатели Сагунта ждали помощи от Рима, своего признанного союзника. Но помощь эта не явилась. Через восемь месяцев карфагеняне ворвались за городскую стену, и сопротивление осажденных было сломлено. Ганнибал распорядился, чтобы его сторонники были награждены, а серебряные сокровища и различные захваченные товары отправлены в Карфаген.

И тут примчавшиеся с бешеной скоростью гонцы привезли новости из Карфагена.

Что происходило в палатах римского сената в эти месяцы 219 года до н. э., остается неясным. После того как флот вернулся с

Адриатики, должны были начаться дебаты по вопросу о Карфагене и споры, вызванные наступлением Ганнибала на Сагунт. Такие титулованные особы, как Клавдий и Сципион, выступили за тотальную мобилизацию сил против Карфагена, в то время как не менее влиятельные сторонники Фабия Кунктатора, то есть Медлителя, носившего также прозвище Бородавчатый, ратовали за переговоры. Сам Фабий, один из старейших в сенате, предостерегал: «Одно дело обсуждать военные действия здесь, в палате, и совсем другое — вести их на поле брани».

Кажется, это был один из тех случаев, когда всемогущий сенат разошелся во мнениях с римским народом. Новые перспективы на море увлекли многих вождей. На дальних берегах ждали неиспользованные ресурсы и маячили выгоды торговли, которых патриции до этого времени были лишены. (Законом от 219 года до н. э. впервые было разрешено людям в ранге сенаторов заниматься торговлей.)

С другой стороны, в народных собраниях по трибам (округам), кажется, слишком хорошо помнили ужасные потери в живой силе во время войны 264–241 годов до н. э. и упадок земледелия из-за отсутствия мужчин. Люди хотели выращивать собственную пшеницу, им не было дела до ее ввоза владельцами судов из только что обретенной Сицилии. Труженики земли выдвинули лозунг: «Земледелие и Италия — итальянцам!»

Действия против объятых страхом галлов поддерживались народными собраниями (comitia centuriata) и их трибунами, потому что они призывали к расширению общественных земель и к повышению безопасности. (Каждый гражданин помнил те черные дни, когда галлы под предводительством Бренна дошли до самого Рима.) Но по их убеждению, еще один конфликт с «пунийцами» не принес бы реальной пользы и не предотвращал зримой опасности.

Таким образом, дебаты продолжались, двери храма Януса оставались закрытыми, и флот не был отправлен на помощь Сагунту. Новость о сдаче этого города Ганнибалу дала фракции Клавдия — Сципиона в сенате сильный аргумент в пользу объявления войны. Атаке подвергся союзник сената и римлян. Что касается вопроса о выгодах и потерях, расходы могли быть покрыты за счет серебряных рудников Испании. Так заявляли посланцы потерпевших поражение жителей Сагунта и взбудораженного Марселя, также союзника Рима.

В начале 218 года до н. э. сенаторы согласились на компромисс, а народные собрания приняли его. Согласно пожеланию фабианцев, на переговоры с Карфагеном должна была

отправиться делегация. Если переговоры потерпят неудачу, делегация объявит войну.

Существовала большая вероятность, что карфагеняне согласятся на ультиматум. У них тоже была группировка, настроенная на мирное решение вопроса. Они выступали за мирное соглашение в 241 году до н. э. Потом они отдали Сардинию и Корсику с обязательством дальнейших выплат. Не более чем за восемь лет до этого они заключили соглашение относительно реки Эбро. Но они могли и отказаться от принятого соглашения.

Пятеро посланников-легатов отплыли из Рима в марте 218 года до н. э. Трое из них принадлежали к партии Клавдия — Сципиона, еще один, старейший, был фабианцем. Возглавлял легатов Фабий Максим Кунктатор, который предупреждал сенат о том, что военные действия выглядят совершенно иначе на поле брани, нежели при обсуждении в сенате.

На холме Бирсы, на закрытом заседании в палате карфагенского совета, Фабий задал вопрос: передаст ли карфагенская республика Ганнибала, сына Гамилькара, и его ближайшее окружение в руки римских властей?

Совет ответил: нет.

Тогда Фабий спросил через своего переводчика: одобряет ли карфагенская республика действия своего полководца Ганнибала, сына Гамилькара?

Совет не дезавуировал действия Ганнибала и стал задавать вопросы чисто юридического порядка. Находится ли римский сенат в союзе с городом Сагунт, вопреки своему прежнему договору с Карфагеном? С каких пор Сагунт стал союзником Рима? Если до соглашения с Гасдрубалом, то оно не включало Сагунта, поскольку он находится южнее реки Эбро. Если позже…

Фабий встал.

— Такие речи удручают меня. — Он прижал руки к груди. — В складках моей тоги скрыты и война, и мир. Карфагеняне, выбор за вами.

Старший суффет испросил разрешения побеседовать со своими советниками. Фабий согласился.

Когда карфагеняне возвратились, суффет дал совершенно неожиданный ответ:

— Решайте сами.

Фабий ответил:

— Тогда это будет война.

Раздались голоса:

— Принимаем!

Весть о том, что Рим объявил войну, быстро была доставлена

Ганнибалу гонцами, которые стремительно промчались по Африканскому побережью и переправились через пролив.

Когда пятеро легатов возвратились на Тибр, они доложили о происшедшем сенату. Двери храма Святого Януса распахнулись, и двуликий бог мог наблюдать восходы и закаты, а римляне поняли, что вступили в состояние войны.

Глава 2
Переход через Альпы

Загадка реки Роны

После мартовских ид, официально ознаменовавших начало нового года, Публий Корнелий Сципион был избран консулом из патрициев. Это был невзрачный человек, кичившийся не своим званием, но большим здравомыслием. Род Корнелиев и Сципионов дал государству удачливых вождей во многих поколениях, и это обстоятельство, видимо, повлияло на избрание Публия. Он много сделал вместе со своим соратником-консулом для подготовки двух армий, и то войско, которое должно было вторгнуться в Испанию, отдали под его командование. Большинство признавало решение верным, так как группировка Корнелиев — Сципионов в сенате финансировала территориальную экспансию на море с целью превратить Испанию в римскую провинцию, но проект этот был отложен почти на год из-за сопротивления народного собрания.

Фактически подобная отсрочка делала необходимым изменить военные планы. Сагунт больше не мог служить базой для высадки на Испанском побережье. Было решено поэтому начать войну на два фронта. Большой экспедиционный корпус отплывает с базы в Сицилии, высаживается на Африканском побережье и как можно быстрее приступает к осаде самого Карфагена. Менее многочисленная экспедиция поплывет под командованием Публия через дружественный Марсель, чтобы преодолеть потом барьер Пиренеев. В любом случае она будет сдерживать полевую армию карфагенян в Испании. Этот план совершенно очевидно ставил карфагенскую армию перед дилеммой: возвращаться в Африку, чтобы оказать помощь родному городу, или оставаться вдали от Карфагена.

Последнее сообщение от наблюдателей в Марселе гласило, что карфагенская армия во главе с Ганнибалом наступает, пересекая реку Эбро.

Из-за всех этих изменений и поспешных приготовлений Публий Сципион не смог добраться к морю до наступления лета. Он отплыл из нового порта Пизы, построенного этрусками, с двумя легионами и вдвое большим количеством войск союзников (в общей сложности 24 000 человек), а также с 60 довольно старыми галерами в сопровождении транспортных судов.

Возможно, потому, что флот держался у берегов, он был крепко потрепан сильными ветрами, и большинство легионеров, непривычных к морю, страдало от морской болезни.

Но то была не единственная неприятность для римского консула. На севере непокорные галлы снова устремились на свои поля вдоль реки По, отданные поселенцам-латинянам. Впереди него, на западе, римские легаты, те самые, которые с таким достоинством вели себя в совете Карфагена, отказавшись вступать в пререкания с финикийцами, встретили враждебный прием, когда попытались завоевать расположение племенных вождей севернее Пиренеев. Варвары смеялись над ними, говоря, что было бы глупо жертвовать собственными полями, защищая поля далеких римлян. К тому же сами Пиренеи носили имя неведомой римлянам богини Пирны, гордой и всемогущей. Казалось, какая-то невидимая сила мешает продвижению римского войска. Услыхав об этом, Публий не стал тратить время на пустые размышления. Он был человеком трезвым и практичным.

Однако он был доволен, найдя укрытие для своей флотилии в устье большой реки Роны. Там, как он и предполагал, на сторожевых башнях побережья его ожидали встревоженные марсельские военачальники. Они прервали его церемонные приветствия своими криками, сообщив ошеломляющие новости. Ганнибал был уже здесь, на Роне.

— Вы хотите сказать — на Эбро, — отважился поправить их Публий.

Он не мог поверить, что карфагенская армия, находившаяся в Испании, на самом деле была уже на берегу этой галльской реки на расстоянии двухдневного марша от места его высадки. Тем не менее он отправил отряд лучших всадников на разведку и укрепил свой лагерь, где изнуренные морской болезнью легионеры восстанавливали силы. Через пять дней конники вернулись и подтвердили, что на Роне и в самом деле разбит большой лагерь карфагенян. В нем много странно одетых всадников, как видно африканцев. Кроме того, разведчики заметили среди повозок слонов и людей с топорами в руках, сооружающих плоты.

Их рассказ о столь поразительных вещах ничуть не уменьшил скептицизм Публия. Что могло привести карфагенян на земли, лежащие по ту сторону Альп? Публий собрал полковых трибунов — обсудить дальнейшие действия. Всем было ясно, что карфагеняне, их заклятые враги, затевают что-то на реке. Следовало вступить с врагами в битву. Публий отдал распоряжение привести легионы в боевую готовность. Они начали

со всей осторожностью продвигаться вверх по реке. И обнаружили опустевший лагерь противника, а в нем орду пьяных галлов, которые колотили в свои щиты и горланили песни вокруг пепелищ, оставшихся на месте костров.

Битва не могла состояться. За три дня до того карфагеняне переправились через реку и ушли в северном направлении. Но куда?

Новый консул оказался перед ситуацией, подобной которой не бывало в его короткой военной жизни. Враг, вместо того чтобы вступить в битву, скрылся в неизвестном направлении. Река текла с гор, называемых Альпами, а за этими горами лежала его родная Италия. Перед Публием стояла дилемма: то ли ему поворачивать назад по собственной инициативе, то ли продолжать свою миссию, отплыв вместе со своим флотом.

Консул решил проблему, опираясь на здравый смысл. Отдав приказ своей армии двигаться в Испанию на судах, эскортируемых марсельскими сторожевыми кораблями, под командованием своего брата, он вернулся на быстрых галерах в Пизу, чтобы выполнять свои консульские обязанности. Такое решение практичного Сципиона возымело немедленные последствия.

Его первейшей обязанностью было защищать границы Рима. И если это невозможно делать на Роне, Публий Корнелий Сципион станет делать это на реке По. Видимо, он понимал, что ему предстоит долгий возвратный путь. Сомнительно, чтобы он осознавал, что направляется следом за Ганнибалом.

Вымысел и правда о великом походе

Шаги, предпринятые Публием, были четко отражены в документах, относящихся к 218 году до н. э. В противоположность этому действия Ганнибала, сына Гамилькара, окутаны молчанием. Он и сам приложил усилия к тому, чтобы его намерения не были известны. Однако то тут, то там можно обнаружить следы его замыслов.

Прежде всего, он уже за год до этого предчувствовал, что будет объявлена война, еще с тех пор, как два римских посланника предстали перед ним в Новом Карфагене. В течение следующей зимы он сделал перестановку в вооруженных силах, послав испанских рекрутов в Африку и отозвав оттуда некоторые гарнизоны. Он поступил необычно, разрешив своим испанцам перезимовать в их домах. Он отправил посланцев с дарами за Пиренеи, через Альпы к кельтским вождям в Северной Италии.

Эти посланцы должны были наблюдать за всем по пути своего следования, а потом сообщить данные о размере урожаев и времени их сбора, а также сведения о людях, воинственное ли у них настроение, враждебно ли они настроены к Риму или нет.

Кроме того, Ганнибал в течение той зимы наведывался в южную, иберийскую часть Испании. Он даже посетил Гадес на краю земли и там снова увидел безбрежный океан. Представим его в тот момент, когда он стоит на ступенях храма, куда закрыт путь для женщин. Необычно высокий для карфагенянина, он слегка сутулится под черным испанским коротким военным плащом. У него коротко остриженные кудрявые волосы и бородка; глаза на тонком загорелом лице смотрят загадочно; над плотно сжатыми губами — прямой нос. Это человек, не выделяющийся среди остальных своим одеянием, неугомонный; но погруженный в размышления.

Ганнибал прискакал верхом через андалусские долины ранней весной. Археологи обнаружили доказательства его деятельности в возведенных вдоль побережья глинобитных сторожевых башнях, которые вошли в историю как «башни Ганнибала», и в спешно сооруженных цитаделях из древних квадратных камней, уложенных по-новому. В то же время укрепилась власть иберийских правителей на подвергающемся опасности восточном побережье.

Пока не было никаких признаков того, что Ганнибал намерен покинуть Испанию, которая была родной для семейства Баркидов в течение двадцати лет.

Римская легенда о Баркидах, возникшая позже, гласит, что сыновья давали клятву стать врагами Рима; что их отец перебрался в Испанию вопреки воле Карфагена; что Ганнибал сам разжигал пламя войны; что Гамилькар использовал Испанию в качестве трамплина для сухопутного броска своих сыновей через Альпы, чтобы атаковать Рим. Легенда эта не лишена логики и столь же драматична, как трагедии Еврипида. Но она не соответствует действительности.

Баркиды были отправлены в Испанию от имени и по поручению их города Карфагена.

Не существует никаких доказательств того, что Гамилькар обдумывал неслыханный поход через Европу и завещал этот план своему сыну, передавая его от одного поколения другому. Похоже, то была незыблемая традиция, потому что перед смертью Гамилькар предупредил Гасдрубала Великолепного и его сыновей, что они едва только приступили к выполнению своей задачи в Испании и у них еще недостаточно сил, чтобы противостоять армии Рима.

Ганнибал закончил свою зимнюю инспекционную поездку во дворце над оживленным портом Нового Карфагена, где торговля ширилась с каждым годом. Караваны повозок доставляли из рудников в порт серебро, ежегодная добыча которого соответствовала доходам самого Карфагена. Клятва у алтаря храма Мелькарта связывала Ганнибала и его братьев обещанием никогда не покоряться римскому господству, и где еще, как не в далекой Испании, он мог лучше этому следовать?

Более того, во всех своих действиях Ганнибал должен был зависеть от живой силы своих иберов и кельтиберов. Ни один лидер, такой впечатлительный, как он, не мог не понимать главных черт испанского народа с его непомерной гордостью. Эти жители Серебряных гор и огромных долин будут сражаться как дьяволы за свои дома и города. Увезенные куда-то, связанные клятвой или нет, они будут пропадать с тоски. Скоро он получил доказательства этой черты испанцев, которые были главной опорой его новой армии.

Было очевидно, что на том этапе Ганнибал готовился защищать берега Испании. И тут, в апреле, гонцы из Карфагена принесли весть о том, что Фабий избрал путь войны. Ганнибал отдал приказ всем воинам, находившимся в отпуске, возвратиться в лагеря, разбитые вокруг Нового Карфагена.

Вскоре после этого он должен был получить сведения от карфагенских агентов в сицилийских портах о том, что там готовится флот для вторжения на побережье Африки, находящееся в 100 милях к югу. Неприятельские галеры уже совершали пробные набеги на побережье вблизи Карфагена.

Независимо от каких бы то ни было клятв, Гамилькар и его сыновья следовали одной цели — служению карфагенской республике. Разве «Молния» не покинул свою твердыню на горе Эрик, чтобы вести переговоры о мире, о котором мечтал совет? Разве не вернулся потом, чтобы помочь своему городу, когда грянула катастрофа с восстанием наемников? Гасдрубал Великолепный заключил мирное соглашение с врагами по требованию своего родного города. Чего бы ни собирался добиться Ганнибал на своей новой родине — вплоть до независимого царства, как утверждали его противники в совете, — теперь он столкнулся со смертельной опасностью вторжения из Сицилии, грозившей Карфагену.

А Карфаген не располагал флотом, способным отразить это вторжение. За стенами Карфагена был гарнизон, но не было армии, способной противостоять опытным римским экспедиционным войскам. Но если Ганнибал вернется защищать свой родной город, он оставит Испанию на растерзание врагу.

Нет никаких свидетельств о его размышлениях. Он действовал без промедления. Он посадил Имильке, свою жену, и их годовалого сына на корабль, отплывающий в Карфаген. Он видел, как корабль вышел из гавани и, миновав маяк, исчез в темноте, скрывающей его курс на Африканское побережье. Отправил ли он свою семью, чтобы уберечь ее от опасности, или в качестве заложников его будущих военных действий? В любом случае семья была ниточкой, связывающей его с африканским городом.

В мае Ганнибал последовал за своей армией, которая уже продвигалась вдоль побережья на север.

Армия двигалась не спеша отдельными отрядами. Эти отряды были сформированы по национальному признаку и разительно отличались один от другого. Нумидийские и марокканские всадники ехали верхом без поводьев, играя на свирелях, пока их лошади щипали траву. Эти всадники пустынь держались особняком; придавая большое значение мелочам, они тратили все свободное время, заплетая волосы, чистя зубы и надраивая до блеска золотые украшения. Они скакали, закутавшись в белые накидки и сидя на леопардовых шкурах; когда они атаковали, их длинные копья во много раз превосходили в скорости метательные снаряды врагов. Сражаясь плечом к плечу, они ловко укрывались за слонами и орудовали длинными кинжалами, пользуясь обеими руками, в то время как у врага была только одна рука свободна, поскольку другой он держал поводья коня. Сила берберов заключалась в их стремительности; они могли догнать более неповоротливых всадников или при желании оторваться от них. Ливийская и берберская пехота в железных доспехах, но кожаных шлемах, со щитами и длинными копьями, смыкались на тропинках. Они находились под строгим командованием Магарбала, служившего еще Гамилькару.

Рядом с колоннами тяжеловооруженной пехоты двигались проворные выходцы с Балеарских островов — «метатели» — каждый с тремя кожаными ремнями разной длины, намотанными на плечо или вокруг пояса. Подобно испанцам, они отличались независимым нравом. Один из их метательных снарядов представлял собой пылающее зажигательное ядро, второй — ядро свинцовое, способное пробить бронзовый щит.

Конница составляла необычно многочисленную часть движущегося войска. Головы и шеи массилийских воинов были укрыты под кожаными капюшонами с вшитыми в них железными пластинами. В то время как проворные нумидийцы рассчитывали на свои колчаны, полные дротиков, которые они умели метать

любой рукой, тяжеловооруженные всадники пускали в ход пики; кельтиберы, прежде чем орудовать короткими кривыми саблями, применяли железные копья. Во время боя бесценных для них лошадей защищали кожаные нагрудники.

Африканские полки составляли ядро армии, но сердцем ее были испанцы — горцы Кастулона и Месеты, выходцы из Вакеи и Уксамы в шлемах в виде волчьих и львиных голов; упившись вином, эти воины плясали по ночам вокруг костров. Только иберы, которые строго подчинялись дисциплине, шли полками под знаменами с изображением солнца и полумесяца. Они сопровождали караваны.

Ганнибал, который разрешал этим разношерстным воинским подразделениям устраивать их народные празднества, заботился, чтобы нагрузить караваны резервным оружием, инструментом, зерном, лекарствами и ящиками с огромными запасами серебра. Хотя в походе принимало участие немного басков, были здесь и запасы их своеобразных топоров с двумя лезвиями — для рубки леса.

Как армия это воинство, к сожалению, не отличалось дисциплиной и сплоченностью. Всего оно насчитывало 50 000 человек и 40 слонов. Полностью войско собралось впервые. Оно было способно защитить страну и вынести привычные тяготы между празднествами. Но как эти отряды будут взаимодействовать в бою?

Очень незначительную по количеству группу составляли карфагеняне. Это были главным образом инженерные части и конница, отборная, на лошадях под живописными красными попонами. На самом деле то был резервный отряд молодых военачальников. Они выполняли и роль переводчиков в столь многоязычной армии. Ганнибал мог находиться в любом месте войска (он говорил на нескольких языках). Его было трудно узнать, если не видеть лица и не обратить внимания на инкрустированное золотом оружие и серебряные украшения на сбруе коня. Его алтарь и изваяние божества везли в маленькой палатке.

Впоследствии враги Ганнибала воздадут должное его армии. «За шестнадцать лет… он ни разу не расформировывал свои войска и не отпускал их с позиций. Объединив всех, он удерживал всю эту огромную армию от бунта против него самого и от внутренних раздоров, хотя его воины не принадлежали к одной нации и даже к одной расе — это были ливийцы, испанцы, карфагеняне, лигурийцы, кельты и балеары, а также италийцы и греки. Только опыт и умение военачальника заставляло людей столь различных подчиняться его, и только его воле».

Римские писатели приподняли завесу над загадкой армии Ганнибала. Она была укомплектована людьми, населявшими берега Средиземноморья от Сиртов до проливов, а в этот период даже до реки Эбро. Объединенные в национальные группы, эти люди пошли за Ганнибалом по своим личным мотивам — пока у него не было лигурийцев, италийцев и греков.

Армия беспрепятственно переправилась через широкое устье реки Эбро. Ганнибал, должно быть, с иронией думал о том, что карфагенянам пришлось переправляться через реку, о которой шла речь в договоре, с оружием в руках после того, как мирный договор был нарушен римлянами.

«Тем из вас, кто хочет вернуться назад…»

После того как армия переправилась через Эбро, произошло нечто странное. Даже нечто очень странное, если принять во внимание, что армия собиралась до наступления зимы совершить переход через Альпы. Но она три с половиной месяца преодолевала путь между рекой и пиренейскими перевалами, расстояние в 180 миль, которое эта армия была в состоянии пройти за шесть дней.

Путь вдоль побережья проходил по сильно пересеченной местности, населявшие ее кельты-илергеты чуждались карфагенян, а главные порты, Эмпория и Тарракон (Таррагона), были враждебными, так как представляли собой традиционные форты массильских греков. Однако не это создавало серьезные препятствия для продвижения войск. Отсрочка зависела от воли самого Ганнибала.

Причина этого по зрелом размышлении кажется совершенно ясной. Ганнибал еще не принял решения продвигаться дальше в Европу. Он делал то, что считал нужным. Последнюю треть Испании за рекой Эбро, с ее варварами-илергетами, большими любителями пива, и враждебными портами, следовало поставить под контроль карфагенян для достижения главной цели Гамилькара: открыть движение по прибрежной дороге и охранять восточный перевал в Пиренеях, чтобы защитить Испанию.

Новый Карфаген и южные гарнизоны были в свое время вверены попечению Гасдрубала, брата Ганнибала. Хотя ему исполнилось всего двадцать три года, Гасдрубал был наделен даром импровизации и живого воображения, когда дело шло о принятии решения. Стремительный в своих действиях, он не обладал твердой уверенностью Ганнибала. Их младший брат Магон был отчаянным смельчаком, любимцем солдат. Он быстро

мчался в легкой колеснице, его алый плащ развевался на ветру. Ганнибал оставил его в городе под присмотром Гасдрубала. Все три брата были очень молоды по сравнению с римскими военачальниками.

Сам Ганнибал не был суффетом Карфагена. Он командовал армией в Испании, полагаясь только на себя и выполняя волю совета, который с одобрением относился к действиям Баркидов, пока Ганнибал ему подчинялся.

Штаб Ганнибала составляли карфагеняне. Магарбал и Ганнон, сын прежнего суффета Бомилькара, были ветеранами прошлой войны, искусными в бою и непреклонными в своей ненависти к римлянам. Еще один ветеран, зрелый возрастом Герт, обычно присутствовал на совещаниях. Более низкие по званию военачальники ранее были вождями испанцев или ливийцев. Разного рода специалисты в разных областях тоже принадлежали к разным национальностям: египтянин Сингал — главный врач; два грека, Сосилос и Силенос, выполняли роль старших секретарей; а Бог, астролог экспедиции, был выходцем из Азии. Сосилос, уроженец Спарты, учил Ганнибала греческому языку.

Такому необычному штабу помогали люди, которые оставались в тени, поскольку они собирали сведения в средиземноморских портах и районах Центральной Европы. Известно имя только одного из них, Карталона, который выполнял тайную миссию. Ганнибал опирался на этих безымянных агентов в значительной степени: они пробирались на тайные совещания торговцев, учитывали предзнаменования и пророчества, вероятно, пользовались и советами астролога Бога; в чужих городах они прислушивались к разговорам в цирюльнях и прощупывали настроение простых крестьян.

Пока Ганнибал медленно продвигался к Пиренеям, тайные агенты заставили его серьезно встревожиться, сообщив о том, что римские морские силы вторжения снаряжаются в Сиракузах и Пизе.

Так Ганнибалу стало известно, что готовится вторжение в Африку.

Последовали внезапные изменения в армии. Дивизия численностью в 10 000 человек была направлена на покорение высокогорных земель за Эбро и портовых городов. Передовой отряд начал продвигаться на север с целью захватить Пертус — ближайший перевал через Пиренеи. Войска двинулись в предгорья, вызывая изумление в общинах беженцев-басков.

Чем было вызвано изменение плана? Нет никаких указаний на это, кроме, пожалуй, одного. К тому времени или даже раньше карфагенские эмиссары возвратились из самой отдаленной

северной части Италии. Более того, они привели с собой кельтов, и в их числе вождей по меньшей мере двух племен — бойев и инсубров. Эти галлы из долины реки По, видимо, разожгли любопытство своих дальних родичей с южного берега Эбро. Те явились на совещание в военных доспехах — в рогатых шлемах, со щитами, украшенными свидетельствами их подвигов, с тяжелыми золотыми браслетами на руках. Оруженосцы оберегали их со спины, а жрецы охраняли от порчи. Они принесли Ганнибалу неожиданные известия.

На их родных полях, сообщили бойи и инсубры, им пришлось взять в руки оружие, чтобы прогнать пришельцев, слуг чужеземного бога войны. Тоскуя по своему городу Милану, кельты напали на римские форты. Они захватили в плен преторов, изгнали колонистов. Их кони снова напились чистой воды из реки По. Они не станут вкладывать свои мечи в ножны, пока не вернут последнее из своих полей.

Ганнибалу пришлось сверить хвастливые заявления итальянских кельтов со свидетельствами своих агентов. Лазутчики утверждали, что римские легионы, направленные в Испанию, были отозваны обратно, чтобы подавить вооруженное восстание на севере, которое ни в коей мере не должно было затянуться надолго.

В какой-то момент во время долгих разговоров с кельтами-прорицателями сын Гамилькара принял решение. Он взял их дары и предложил свой — дружбу и помощь от имени Карфагена, которую он окажет им сам в Италии.

Решение повести армию в Италию, должно быть, родилось в дни трудных размышлений. При неизбежных тяготах и опасностях рассчитывать на успех было возможно лишь в одном случае. Добравшись своевременно до реки По, Ганнибал мог рассчитывать на то, что союзники обеспечат его ресурсами. В этом случае он удержал бы римские армии в самой Италии, избавив от войны Карфаген. Впервые все затраты и бедствия военного времени падут на римлян и их земли. Помимо этого ясности не было ни в чем, кроме необходимости спешить.

Обеспокоенные бойи и инсубры были удовлетворены.

Что бы ни обсуждалось ранее Гасдрубалом и далеким советом, свои решения за рекой Эбро Ганнибал принимал самостоятельно. Отправляясь в седле на север, в поросшие соснами предгорья, он повернулся спиной к минувшим двадцати годам жизни, Новому Карфагену и народу, который стал его народом. Остаться в Испании значило сохранить обеспеченную жизнь, личные удовольствия, лошадей в собственной конюшне, книги, которыми он так наслаждался. Он не находил радости в

военных действиях и, воюя, должен был защищать тысячи своих сторонников. Ждать легкой победы над римлянами не приходилось. Он слишком хорошо помнил слова консула Регула: «Побеждай или смирись с судьбой побежденного».

Это была глупая альтернатива.

Однажды ночью 3000 карпетанов бежали из лагеря в предгорьях.

Вместо того чтобы послать другие отряды испанцев и заставить карпетанов вернуться, Ганнибал призвал к себе на разговор их военачальников. Зная их темперамент, он объяснил, что война, которая уже разгорается, настигнет их, где бы они ни находились. Римляне требовали от Ганнибала и его братьев, чтобы они сдавались, но они не собирались покоряться (эхо клятвы Баркидов).

Испанские вожди заявили в ответ, что не испытывают страха. Они не хотят идти в незнакомые горы, которые находятся во власти чужих богов. Они страстно мечтают увидеть снова свои равнины, а не двигаться дальше.

Ганнибал понимал их; он снова столкнулся с их гордым упорством. Никакими силами не заставить их куда-то идти, если они сами того не хотят.

— Тем из вас, кто хочет вернуться, — наконец сказал он, — я даю на это разрешение. Тех из вас, кто захочет сопровождать меня, я приветствую. Они получат вознаграждение.

Еще семь тысяч кельгиберов предпочли вернуться домой. Ганнибал отправил их к Гасдрубалу. В гранитном ущелье Пиренеев он оставил одного из военачальников с достаточным количеством воинов охранять перевал и обеспечивать свободный проход в Испанию. По ту сторону гор он пригласил на встречу вождей племен. (Агенты Карфагена сновали между ними с дарами.) Он быстро договорился с ними: баски не пострадают от оружия карфагенян, если не будут причинять вред армии.

Была середина августа, оставалось немного времени до того, когда осенние снега закроют альпийские перевалы. Через четыре дня войска вышли к берегам широкой Роны.

Приняв решение идти на Рим, Ганнибал больше не терял времени.

«Эти горы не упираются в небо»

Противоположный берег реки был занят враждебными племенами, которые готовились помешать любой попытке переправиться через эту реку.

Войска столкнулись с новыми трудностями. Дождь лил с серого неба, мрачные лесные дебри угнетали африканцев и иберов, привыкших к сухой земле и высокому чистому куполу неба. Когда эти жители южных земель разжигали костры из мокрых поленьев, они рассыпали вокруг себя золу, чтобы отгонять злых духов темного неба, которое непостижимым образом опускалось на верхушки деревьев.

Ганнибал, глядя на реку и ее шумных защитников на противоположном берегу, уловил угнетенное настроение людей и заставил их работать. Лагерь стал центром подготовки к переправе через реку. Лодки всех видов были доставлены сюда из ближних деревень. Когда жители этих деревень обнаружили, что им платят серебром, они энергично принялись делать лодки из тростника и вязать плоты, чтобы получить побольше серебра от чужеземных воинов — и ускорить их уход. Люди Ганнибала взялись за топоры и рубили сухие деревья для постройки судов. Они раздобывали козьи шкуры, в которые можно сложить вещи при переправе вплавь. Они уже не раз преодолевали такие реки.

Ганнибал велел Ганнону, сыну Бомилькара, вместе с колонной иберийской конницы подняться вверх по Роне к броду у острова.

К полудню следующего дня было сделано достаточно, чтобы форсировать реку. Черный дым поднялся на севере — знак того, что Ганнон переправился на другой берег незаметно для военных отрядов галлов. Ганнибал велел трубить сбор. Резко запели флейты, когда полки с воинственными криками устремились вниз, на берег. Приняв вызов, галлы храбро загорланили в ответ, колотя древками копий в длинные деревянные щиты и срывая с себя одежду, чтобы это событие запомнилось навсегда.

Увы, галлам такое было не суждено. Когда шум достиг предельного накала и ряды карфагенян под зашитой больших лодок с пращниками вступили в воду, увлекая за собой лошадей, в лесу, за спинами людей из враждебных племен (они были подняты на борьбу агентами из Марселя), появились облаченные в воинские доспехи всадники Ганнона. Галлы храбро повернулись к ним, но были сметены с берега стремительной атакой вооруженных воинов с лодок. Сломленные, галльские воины ринулись туда, где путь был свободен — вниз по течению. Карфагеняне прекратили военные действия и начали переправлять армию и обозы. Легковозбудимых слонов переправили с помощью еще одной уловки. Погонщики загнали самок на массивный плот с земляным настилом. Часть самцов двинулась следом, плот столкнули в воду, тогда оставшиеся самцы поплыли за ним или пошли вброд.

Все слоны, за исключением одного, лучшего, были африканскими животными. Их высота не превышала девяти футов, и они были более подвижными, чем одиннадцатифутовые индийские животные. Эти слоны привыкли работать в воде, но им не нравились холодные воды Роны, питаемой ледниками.

Успешная, почти без потерь, переправа не особенно воодушевила людей. Те, кто взобрался на высокие деревья, сообщили, что далеко впереди, на востоке, темные вершины холмов поднимаются к затянутому серой пеленой небу. Стало ясно, что дорогу преградили горы, которые поднимаются до самого неба! Кроме того, никто не мог ни обсушиться, ни согреться в сыром лесу. Что их на самом деле пугало, так это расстояние, на которое они отошли от родного побережья, и странный вид северной земли, казалось устремленной к царству неведомых богов.

Вернулись конные нумидийцы и принялись перевязывать раны. То была уцелевшая часть патруля, который вступил в схватку с хорошо вооруженной римской кавалерией в устье Роны.

Ганнибал немедля собрал всех военачальников национальных отрядов, чтобы выразить гнев по поводу их растущей неуверенности.

Прежде всего он представил им Магала, главного вождя бойев, который жил вместе с карфагенскими военачальниками. Магал стоял перед вооруженными людьми. Он сказал, что он и его спутники пришли с востока, с заснеженных гор; что кельтские племена часто переходили через горы, и хотя это дорога нелегкая, зато, более короткая для людей и вьючных животных. Потом Ганнибал выступил перед своими соратниками и призвал их думать о реальных трудностях, а не воображаемых страхах. Он устроил им жестокий разнос, потому что знал, какие тяжелые испытания их ждут впереди.

— Что такое эти Альпы? Всего лишь высокие горы! Они не упираются в небо; вы пройдете по ним под небесами. Кельтские семьи живут в горах и обрабатывают поля.

Он напомнил им, какой длинный путь они уже преодолели.

— От Нового Карфагена до этой реки вы прошли шестьдесят четыре сотни стадиев. Преодолейте еще двадцать шесть сотен стадиев, и вы окажетесь в долине первой итальянской реки.

Он просил их подумать о римлянах.

— Вы говорите, что римская армия появилась здесь, прибыла с моря. Это правда. Вернетесь вы в долину Бетис или станете искать убежища у иберов в Новом Карфагене, вам все равно придется увидеть, что римская армия движется со стороны моря. Отправитесь в Гадес — они и туда последуют за вами. Неужели

вы будете сидеть в хижинах, готовить пищу и дожидаться прихода легионов, которые поработят вас? Ваши жены и сыновья ждут вашего возвращения. Кем вы вернетесь? Беглецами от врагов, которых даже не видели?

Ганнибал в резких выражениях высказал то, что было у него на уме: если они смогут победить римлян в самом Риме, то лишат Рим возможности развязать войну. В результате они будут свободны жить где хотят и как хотят.

Он больше не спрашивал, хочет ли кто-то из них вернуться назад. Он отпустил их — готовиться к долгому переходу. Вместо того чтобы двинуться на восход солнца, как они ожидали, он повел их на север, вдоль левого берега Роны, используя проводников из здешних деревень. Первый переход был, как он и предсказывал, долгим, всего с несколькими остановками. (И Публий Корнелий Сципион обнаружил их опустевший лагерь.)

Ганнибал не пошел вдоль побережья, там, где нагорье спускалось к кромке моря. Эта дорога проходила мимо враждебного Марселя и вела к Лигурийскому побережью, за которым поджидали римские гарнизоны. Северный путь, через высокие Альпы, вывел бы карфагенян к верховьям реки По и пролегал бы среди их новых союзников, бойев и инсубров. Это ясно дали понять Магал и его соратники. (В своем усердии вожди племен наобещали больше, чем были в состоянии сделать.)

Третий путь вел прямо по морю к побережью Италии. Ганнибал, очевидно, не рассматривал такой вариант. У Испанского побережья карфагеняне имели в своем распоряжении 32 галеры против находящихся, по их сведениям, 200 галер у берегов Италии. Если можно было бы обеспечить транспортными судами такую армию, с ее животными, припасами и сухопутными средствами передвижения, путешествие на восток вынудило бы карфагенские суда пройти мимо неприятельских фортов на островах Корсика и Сардиния и столкнуться с почти неизбежным риском встретить римский боевой флот, который мог уничтожить весь караван судов.

Однако Ганнибал не выбросил из головы морской путь. С течением времени ситуация могла измениться. Со временем во внутреннюю гавань Карфагена могло быть спущено большее количество судов. Если бы великий город смог отдать свои средства на вооружение при отсутствии угрозы римского нападения…

В начале сентября армия Ганнибала ускользнула от первого римского экспедиционного отряда и исчезла в верховьях Роны.

В то же самое время приказом из Рима была остановлена высадка второго экспедиционного отряда в южных портах

Сицилии. Легионы, направлявшиеся в Африку, были снова переправлены в Италию. При втором консуле, Тиберии Семпронии Лонгусе, они двинулись в долгий поход на север, к реке По, где теперь ждали появления Ганнибала.

Восхождение

Альпы не представляют собой единого грандиозного барьера. Многочисленные горные цепи то спускаются к озерам, то поднимаются на огромную высоту, где лежат вечные снега. С какой бы стороны вы к ним ни приближались, вы всегда заметите определенную закономерность. Во-первых, внешний гребень должен восходить к высокогорной долине. Поскольку вода всегда находит самый легкий путь вниз, река представляет оптимальный путь для перехода. Вы следуете по такой реке мимо поселений в высокогорных долинах и продолжаете придерживаться ее берегов после того, как она превращается в стремительный поток, образованный талым снегом, ледниками и дождями. Теперь перед вами лежит внутренняя твердыня Альп, более высокие, покрытые снегами горные цепи. И тут ваша река перестает быть путеводной, потому что она разветвляется на потоки и водопады, падающие с гребня и скрытые к тому же густыми лесами.

В этом месте проводник должен вести вас вверх, к просвету на горизонте, которым отмечен «проход», — иначе вы будете блуждать вслепую в оврагах или неожиданно выйдете к краю пропасти. Поселения остались позади, и холод по ночам, если это не середина лета, становится опасным. Осенью тем не менее еще есть подножный корм для животных ниже линии снегов. Выше линии леса, над последними мхами и вереском, возвышаются каменистые осыпи и гранитные стены летних перевалов. Снежные склоны обступают вас, и внезапный буран может сделать все вокруг невидимым. Восходитель должен брать с собой запас еды и как можно быстрее перебираться на соответствующие склоны и к истокам реки.

До прихода Ганнибала члены племен перемещались через Альпы, и кельты, живущие на берегах Роны, скорее всего, были знакомы с ближайшими тропами. Но нет никаких свидетельств того, что какая-то чужеземная армия совершала такой переход. Карфагенское войско насчитывало 30 000 пехоты и 8000 конницы. Ее запасы находились в повозках и на вьючных животных, и все обозы надо было переправить через горы. Армию сопровождало 37 слонов, которым предстояло передвигаться в необычных условиях.

Предстоящий поход и завершающий его спуск не представляли особой проблемы для этой армии, привыкшей к бесплодным возвышенностям Испании. Но успех перехода на критической высоте зависел от двух вещей: от проводников, которые должны были указать нужный путь, и от переправы животных в двух-трехдневный срок, чтобы они могли пастись на пастбищах внизу.

В дополнение к этому Ганнибал должен был держать открытой дорогу за собой, ведущую от Пиренеев к итальянским рекам. Если бы ему не удалось это сделать, его армия оказалась бы отрезанной от своей базы в Испании.

Какой путь избрали находящиеся в сложном положении карфагеняне?

Загадка перехода Ганнибала через Альпы не давала покоя ученым и географам спустя столетия после его смерти и волнует их и по сей день. Она разгадана не до конца. Серьезные старания были приложены к тому, чтобы сузить ее координаты до возможных пределов. Главный перевал в Альпах, Большой Сен-Бернар, не мог быть использован во времена перехода карфагенян. Не мог быть использован и перевал Малый Сен-Бернар. К тому же латинские писатели той поры — Полибий, грек по происхождению, проследил путь Ганнибала через шестьдесят лет после него, — похоже, верили, что он шел ближе к югу и побережью, то есть между горой Женеврой и морем. Страбон, например, описывает путь Ганнибала как «путь к Тауринскому заливу». Он, безусловно, шел среди тауринов в верховьях реки По (в окрестностях нынешнего Турина). Самый близкий путь по рекам к Тауринскому заливу был, конечно, южнее горы Женевры. Но какой рекой он воспользовался, чтобы выйти к По на противоположном берегу?

Загадка того, где он шел, тем не менее меркнет перед загадкой того, как он перевел свое войско. Существует относительно ясное свидетельство того, как это было сделано.

Четыре дня карфагеняне пробивались на север вдоль левого берега Роны, оставив римских разведчиков далеко позади. Начало их марша сопровождалось дурными предчувствиями, которые усугублялись из-за проливных дождей. Войско вышло к развилке в месте впадения маленькой речушки, которая текла с Альп — по правую руку от карфагенян. В этой развилке лежала плодородная равнина, занятая кельтскими деревушками: эту местность солдаты назвали «островом». Жители деревень собрались именно в это время поспорить или повоевать — что было для кельтов равнозначно — по поводу того, кто может считать себя хозяином

здешних мест. Ганнибал, видимо не теряя времени на этом «острове», сделал две вещи: во-первых, выступил в роли арбитра и положил спору конец, объявив хозяевами карфагенян, а во-вторых, получил от местных жителей запас верхней шерстяной одежды, портянок и высоких сапог. Тем самым он обеспечил зимней одеждой свое окружение для перехода через горы. Помимо этого он взял еще с собой проводников и, возможно, расплатился с поселянами заверением, что его армия немедленно покинет их территорию. Таким образом он сохранил возможность вернуться к «острову» по той же дороге, по которой отсюда уходил.

Дальше он совершил нечто необъяснимое, что озадачило пытливых ученых будущего времени. «Идя в Альпы, он не устремился сразу направо, а повернул влево». Объяснение может быть довольно простым: он не повернул на развилке направо, по реке, спускающейся с гор, а пошел налево, по главному руслу Роны. Другими словами, он прошел мимо первого входа в горы по реке, чтобы воспользоваться более отдаленным. Кажется, то был Дром. Когда долина сузилась, тропа исчезла и карфагеняне были вынуждены переходить реку вброд. Они привели обоз в заваленное валунами ущелье. Продрогшие в горах от непривычного холода, они отыскали укрытие под защитой гранитного гребня. Эти каменные бастионы оказались обиталищем множества волосатых варваров с оружием в руках.

Горные кельты знали о карфагенской армии лишь одно: она несет с собой богатства цивилизации, лошадей, товары, а также инкрустированное серебром оружие. Ганнибал и его полководцы увидели у себя над головой это скопище и остановили войско. Меньше всего им было нужно атаковать странных на вид варваров на гребне горы. В связи с этим они отправили наверх парламентеров из числа сопровождавших их представителей племен с «острова» вместе с карфагенскими офицерами-ветеранами, чтобы оценить ситуацию. Переговоры проходили под знаком перемирия.

Кельтско-карфагенские посланники возвратились с сообщением, что защитники гор — аллоброги, промышляющие грабежами и вряд ли склонные враждовать. Их главный торговый город лежал внизу, в долине. Со своей стороны Ганнибал выяснил, что аллоброги брались за оружие днем и имели привычку возвращаться в свои хижины ночью.

Время торопило, непрекращающийся дождь мог перейти в снег, который скрыл бы под собой тропу. На носу был сезон буранов. В эту ночь Ганнибал распорядился разжечь в лагере костры, несмотря на малые запасы дров. Кроме того, он созвал

тяжеловооруженную кельтскую пехоту, провел своих воинов вдоль ущелья и вывел на выигрышную позицию на гребне, которую аллоброги покинули с наступлением темноты. Этот переход стоил многих травм и падений со смертельным исходом. По сигналу, поданному факелом, Ганнибал направил войско, находившееся внизу, к гребню. Но повозки медленно двигались в темноте, и к рассвету обоз и всадники все еще тянулись по дороге. Спуск на противоположной стороне сузился до ширины тропинки вдоль пологого склона.

Перед восходом солнца появились воины-аллоброги, которые начали подниматься к своим укреплениям. Обнаружив, что они заняты карфагенянами, в то время как их обоз мало-помалу спускается по склону, горцы на мгновение оцепенели. Потом бросились вниз, на тропу, устремившись к повозкам с богатой добычей. Вьючные животные в панике вставали на дыбы, а раненые лошади понесли, сбрасывая и людей, и животных в пропасть.

Ганнибал удерживал свои сторожевые войска на гребне, пока не уяснил, что происходит в тумане и грохоте внизу. Тогда он повел своих легковооруженных испанцев очистить откос от представителей племен. Подвергнувшись нападению, горцы ринулись, словно козы, вниз, в долину.

Тут в действие вступила карфагенская конница. Разъяренные всадники смели селения у нагорных пастбищ и ворвались в окруженный стеной город на дне долины. Жители покинули город, бросив запасы зерна и стада убойного скота, которым можно было прокормить нею армию в течение трех дней.

Ганнибал привел обоз с бесценными запасами вниз, чтобы разбить лагерь в городе. Но проводников у него больше не было. Представители бойев и инсубров выступили вперед, чтобы подготовить его прибытие на реку По. В городе проводники с «острова» повернули назад, объявив, что дальше начинаются неизвестные для них места и что карфагенской армии надо постоянно держать путь на восход солнца. Ганнибал начал по-новому понимать оказавшихся ненадежными европейских кельтов.

Невозможно было ни оставаться в долине на полдороге, ни возвращаться. На следующий день армия двинулась по равнине, настороженно посматривая на унылое нагорье, на котором крытые тростником хижины лепились к уступам, а из хижины украдкой выглядывали мужчины, облаченные в звериные шкуры. На третий день на тропе появилась группа старцев, дружелюбно размахивая ветками. Они предложили скот и проводников, которые помогли бы неожиданно появившейся армии на пути ее

следования. Карфагеняне приняли предложение с большой опаской. Новые проводники вывели их на второй день на берег небольшой реки, бурным потоком бегущей но камням; над рекой нависали гранитные скалы. Здесь приветливые старцы исчезли, а на тропу обрушились камни, в то время как банды грабителей набросились на повозки с припасами. На какое-то время Ганнибал вместе с арьергардом пехоты оказался отрезанным от обоза. Ему удалось положить конец дикому нападению, поднявшись на скалистый гребень и очистив его от мародеров. На плоской вершине он ждал, оберегая последних восходителей с перепуганными вьючными животными. Ждал еще по одной причине.

С этой высоты карфагенянам была хорошо видна громада Альп. Впереди серые скалы поднимались к заснеженным вершинам, то ослепительно сияющим на солнце, то прячущимся за облаками. Каждый раз, когда солнце скрывалось, становилось холоднее. Где же переходы через эти вершины?

Возможно, оставив русло реки и держась на юго-восток, как советовали «островитяне», карфагеняне могли найти наиболее доступный по высоте перевал и миновать его до снегопадов. Держась ущелья вдоль ревущей реки, они начали последний подъем на северо-восток.

«Вот и стены Рима»

Предстоящий путь был карфагенянам совершенно незнаком, и они так и не получили четкого представления о нем. Запомнили необычные происшествия и усталость, которая наваливалась все сильней по мере восхождения. Ганнибал поставил слонов во главе своего кортежа, возможно, для того, чтобы вызвать страх у местных горцев, которые никогда не видели таких зверей, а может быть, потому, что инстинкт огромных животных мог облегчить войску путь. Как бы там ни было, но слонов надо было понуждать подниматься вверх, а враги скоро исчезли, поскольку их жилища остались позади. Позади остались также и деревья, и трава. Однажды на рассвете астролог заметил появление на небе Плеяд — это значило, что наступил конец октября.

Карфагенянам то и дело приходилось переправляться с одного берега бурного потока на другой, волоча за собой повозки. Они постоянно мерзли в ледяной воде. Вскоре ветер нагнал черные тучи, и на людей повалил снег. Речка превратилась в каскады отдельных потоков. Чтобы слоны продолжали двигаться,

погонщики укрыли их шерстяными попонами. Топлива для костров больше не было.

По их подсчетам, на девятый день, после того как они покинули гребень горы с населявшими его аллоброгами, они обнаружили, что движутся по заваленной снегом ровной поверхности, преодолевая обрушивающиеся со всех сторон удары ветра. Когда облака рассеялись, они увидели небо. Они добрались до верхней части перевала.

Ганнибал приказал устроить двухдневный привал. Это было необходимо. Все эти дни в лагерь стекались отбившиеся от войска группы. Ковыляя, подходили раненые. Лошади, потерявшие вьюки, возвращались в армейский табун. Много больных солдат умерло здесь, на снегу.

На третье утро небо прояснилось. Белые бастионы Альп вздымались по другую сторону. Уцелевшие люди нехотя повиновались, когда военачальники призвали их под полковые знамена. Солдат мучил голод. Ганнибал, который ехал впереди вместе с разведчиками, повернул назад и призвал к себе вождей разных групп. Он мог говорить на балеарском, а также на кельтиберском языках. Как только предводители приблизились к нему, он повел их на вершину скалы.

С этой высоты открывался вид далеко на восток, где всходило солнце. Там, внизу под ними, темнел лес и зеленели возделанные поля, сверкая вдали, как драгоценные камни, — то были поля Италии.

Ганнибал дал людям время осознать, что это значит. Ужасная буря на вершине напомнила ему об ужасном предзнаменовании, услышанном в детстве, когда облака неслись над горой Эрик. Он надеялся, что дорога назад, в Испанию, останется открытой для него. Теперь он точно знал, что путь между гребнем горы с аллоброгами и вершиной тропы закрыт. Еще одна буря — и армия будет отрезана от Испании.

Поняв это, он распахнул свой черный плащ, чтобы стали видны драгоценные камни на рукоятке его меча, и, улыбаясь, показал вокруг.

— Это, — сказал он предводителям, — стены не только Италии, но и Рима. Вы преодолели их. Там, — он направил руку вниз, — богатые города и много женщин. Вам надо только спуститься, чтобы завладеть всем этим.

Вожаки передали его слова измученным воинам, и вскоре их стали передавать из уст в уста, пока не услышали замыкающие: «Худшее позади… Мы спускаемся вниз, в города, к еде, и вину, и огню, и золотым сокровищам… и — подумать только — к женщинам, которые будут разливать вино».

Армия взбодрилась в надежде.

Спуск оказался более крутым, чем подъем. Тропа часто исчезала под снегом. Новый снег падал на старый снежный наст. Три дня животные шли некормленые. От слабости они скользили и падали. Людям запомнились только некоторые эпизоды. Случившийся однажды обвал завалил крутой склон, перекрыв проход. Длинная шеренга людей расчищала снег, чтобы переждать ночь, пока не будет сооружен деревянный настил для прохода.

А когда заснеженные склоны остались позади, дорога к лесу оказалась заблокированной камнепадом. Инженеры приняли решение убрать завал, сжигая над ним кусты и деревья, а потом вылив бочку уксуса на раскаленные камни. После этого мужчинам удалось тяжелыми кирками откатить обломки; тем временем все прочие — люди и животные — укрывались под деревьями. Они вышли к текучей воде и кустам, которые дали пищу изголодавшимся лошадям. В ту ночь в лесу жгли костры.

Армия Ганнибала совершила переход через Альпы с первого гребня за пятнадцать дней. Уцелела большая часть войска: 12 000 африканской пехоты, 8000 испанцев и 6000 всадников. Таким образом, Ганнибала сопровождало в общей сложности 26 000 человек, когда он спускался по ручью, который вел к истокам реки По. Примерно 12 000 составили потери на пути от Пиренеев.

Когда они добрались до первого поселения галлов среди холмов, то не нашли там того, чего ожидали.

Стычка у истоков

Галлы итальянских Альп, как римляне называли этих кельтов, были рослым племенем, наделенным гордой душой и чрезвычайно нерешительным разумом. Диодор Сицилийский, который жил во времена Юлия Цезаря, утверждает, что они носили цепочки из чистого золота на шее, чтобы подчеркнуть свое достоинство, зачесывали длинные волосы назад, как конские гривы, и отращивали такие длинные усы, что они попадали им в суп во время еды. Они угощали своих гостей отборным мясом и вином. «У них в обычае даже во время трапезы затевать споры из-за обычных вещей, а потом вызывать друг друга на поединок и сражаться, не щадя жизни».

Такое легковесное отношение к жизни объяснялось не только тем, что галлы были физически крепкими людьми, но и утверждением их друидов, что души не умирают, а переселяются

в другое тело, может быть даже в тело животного. Эти воины гордились своими выдающимися подвигами. «Они воспевают также деяния своих отважных предков, — говорит Диодор. — Они украшают свои бронзовые шлемы рогами, чтобы шлемы выглядели более внушительными. Они носят щиты длиной в собственный рост, украшенные бронзовыми головами животных. Они говорят загадками, превознося при этом себя до небес. Безобразные внешне, они имеют угрожающий вид. При этом они отличаются острым умом и быстро все схватывают».

Они напоминают Диодору их дальних родичей, «британцев Ириды», то есть Ирландии. Хитрые и очень эмоциональные, галлы предоставляли право учиться своим друидам, которые читали заклинания, раздавали амулеты и предсказывали будущее. На них влияли, кроме того, их крупные, сладострастные женщины, которые носили прекрасные одежды и пользовались великолепной хозяйственной утварью, как этруски. Женщины ревностно ухаживали за посевами на обрабатываемых полях, в то время как их мужчины, которые поселились в городах, смутно помнили о славных победах своих воинственных предков, бурей носившихся по Европе с мечами в руках. На деле галлы все еще носили длинные мечи древнего образца, ни на что не годные, кроме как рубить тела врагов. Эти мечи висели у них на поясах, украшенных серебряными пластинами и синей этрусской эмалью.

Эти галлы оставались первобытными людьми, которые держались за сельскохозяйственные земли плодородной долины По (древнего Падуса), хотя с завистью взирали на более счастливую жизнь предприимчивых латинян с Тибра, у которых ничему не научились. «Даже Ганнибалу, — предсказывали римлянам посланцы Марселя, — будет не так легко обуздать свирепый нрав галлов».

Когда Ганнибал вступил на землю цизальпийских галлов в ноябре 218 года до н. э., он, должно быть, ужаснулся тому, что обнаружил там. Здесь не осталось и следа от его клявшихся в верности союзников, бойев или инсубров. Ближайшие трибы готовились зимовать в своих городах и обсуждать свои враждебные намерения. Ни те ни другие, кажется, не собирались оказывать сопротивление римскому вторжению. С другой стороны, римские войска, отнюдь не намереваясь впадать в зимнюю спячку, укрепляли свои новые гарнизонные форты по берегам могучей реки, протекавшей внизу. На пути следования Ганнибала галлы-таурины объединились с оружием в руках, недружелюбно следя за странной армией карфагенян, спускающейся с высот. Безусловно, эта армия, одетая в темные накидки ронских кельтов, передвигающаяся на заморенных

лошадях, гонящая перед собой стадо сдерживаемых слонов, производила не такое сильное впечатление, как это расписывали представители бойев. Больше того, поскольку в тот год таурины находились во враждебных отношениях с бойями, карфагенян они могли воспринимать как возможных врагов.

Карфагеняне жестко отреагировали на такую враждебность. Они устремились в главный город тауринов (современный Турин) и изгнали его жителей. Здесь Ганнибал дал возможность своим людям передохнуть, тщательно проверить снаряжение и восстановить силы столь ими любимых лошадей. Слоны тем не менее так и не оправились в северном зимнем климате, который должен был вскоре их уничтожить.

Ганнибал спешно повел свою армию на запад, через верховья реки, к Милану и городам бойев и инсубров. Карфагеняне продвигались под холодным дождем, по чужой земле, больше не доверяя проводникам. Когда они подошли к реке Тичино, то обнаружили, что римская армия движется по ее берегу им навстречу.

Публий Корнелий Сципион, не теряя времени, спешил снова встретить Ганнибала. Патрицианский консул (после завершения похода на Рону) высадился в Пизе, и направился на север, чтобы двинуть легионы в путь и положить конец мятежу галлов.

Вероятно, ни Публий, ни граждане Рима не ожидали, что молодой карфагенянин сможет провести свою армию через Альпы в такое время года. А если он это сделал, консул был обязан преградить ему путь. Публий двинулся к перевалам и убедился в том, что Ганнибал уже находится на открытой равнине у реки По. Удивившись, он повернул к северу, по берегу Тичино, к тому месту, где она впадает в По. Здравый смысл подсказал ему немедленно бросить опытные легионы в схватку с неуловимым врагом. Ганнибалу не удастся ускользнуть от него на этот раз.

Моральное состояние команды консула было высоким. Более молодые рекруты ничего не знали о конфликте с Карфагеном во времена их отцов. Ветераны из триариев, самые опытные воины, которые занимали третий, последний ряд легиона, помнили, что «пунийцы» купили мир ценой Сардинии и Корсики. Они говорили и верили, что «пунийцы» не осмелятся воевать по-настоящему. Центурионы (командиры сотен-центурий) добавляли, что войско Ганнибала проиграло схватку с конницей консула где-то на Роне и пустилось в бегство.

Публий продвигался на север осторожно, укрепляя с большей, чем обычно, тщательностью разбитый на ночь лагерь. Созвав своих трибунов и военачальников на последнее

совещание, он сообщил им довольно странную вещь:

— Не думайте, что этот неприятельский военачальник проявил отвагу, перейдя через Альпы. Он сделал это вынужденно, опасаясь, что у него не хватит сил на такой переход. И это стоило ему большой части его армии. Уцелевшие до сих пор страдают от холода и недостатка еды. Их лошади находятся в плачевном состоянии. Вам повезло, что у вас есть такие преимущества над ними.

Говоря это, Публий был недалек от истины. Его, видимо, хорошо информировали, а он не привык бросаться словами.

Все тревоги выпали на долю Ганнибала, который никогда ранее не встречался с легионами. За спиной у Сципиона был человеческий резерв Римской республики, 770 000 человек (согласно последней переписи населения), способных взять в руки оружие. За спиной у сына Гамилькара в Италии не было ничего. Снег завалил его дорогу через Альпы. А римская армия перекрыла дорогу через Пиренеи. С другой стороны путь преграждало море, и море было открыто для передвижений его врагов. То же самое по всем признакам наблюдалось на всех побережьях, но сведения об этом больше не доходили до Ганнибала. В Испании он получал информацию через морские пути и поддерживал контакт с Карфагеном с помощью гонцов или почтовых голубей. Здесь его кругозор был сужен тем, что он мог видеть в непосредственной близости от себя. Возможно, это было самой главной причиной его тревоги.

В долине По карфагеняне оказались в неопределенном положении, когда их союзники, галлы, на которых возлагались надежды, не присоединились к ним. Многие из галлов, как они подозревали, пошли на службу в римскую армию за деньги.

— Одно ясно, — сказал Ганнибал, обращаясь к старшим военачальникам, Герту, Магарбалу и сыну Бомилькара, который с таким рвением давал ему советы. — Назад пути нет.

Вместо того чтобы говорить с войском, он разыграл перед ним пантомиму. Когда отряды собрались на склонах лощины, он приказал вывести на середину группу пленников. Это были галлы с гор, закованные в цепи, грязные и слабые от голода. Военачальники бросили перед ними два набора дорогого оружия, с излюбленными кельтами щитами и доспехами. От имени Ганнибала пленникам было сделано предложение. Оружие будет дано любым двум добровольцам. Они сразятся друг с другом, и победивший получит свободу.

Все пленники вызвались пройти испытание. Вывели двоих и освободили от цепей. Внимательно наблюдавшие карфагеняне заметили, какими гордыми выглядели оба, получив вооружение.

Они чувствовали направленные на них взгляды и яростно сражались, пока один из них не упал замертво. Даже в смертельном поединке воин выглядел достойнее, чем закованные в цепи рабы.

Тысячи зрителей поняли пантомиму. У них тоже был выбор — испытать радость победы или погибнуть.

В этот вечер военачальники ходили среди костров и повторяли слова Ганнибала: «С этого дня люди других народов в армии будут иметь одинаковые привилегии с карфагенянами. Все рабы, которые находятся здесь со своими хозяевами, получат свободу, а Ганнибал заплатит за них их хозяевам».

Это уравнивало всех. Было воздано должное и бесправным. За этим шагом, естественно, следовало ожидать дальнейших. И очень скоро так и произошло: Ганнибал провозгласил, что все желающие вернуться домой могут сделать это после того, как будет достигнута победа в Италии.

Наутро, когда над берегами Тичино повис туман, армии предстали друг перед другом. Дисциплинированные римские войска автоматически продвигались вперед, легионы выстроились в боевое положение, конница прикрывала фланги. Римляне двинулись навстречу нестройным массам карфагенян, но далеко продвинуться не смогли.

Появились кельтиберские и берберские конники, нестройные массы стремительно атаковали конницу римлян. На этом все закончилось.

Численное превосходство африканцев вынудило римскую конницу рассеяться. Она представляла собой воинов, которых посадили на лошадей, в то время как испанцы и африканцы были искусными наездниками. Консула ранили. Говорят, что его младший сын и какой-то Лигурийский раб спасли ему жизнь, но его рана оказалась серьезной.

Подоспевшая Лигурийская пехота охватила широким полукругом толпы легионов. Триарии из последнего ряда повернулись кругом со своими длинными копьями. Нумидийцы тут же пустили в ход свое метательное оружие. То ли Публий, то ли его легат отдали разумный приказ. Поскольку они лишились кавалерии на флангах, легионы были возвращены в защищенный лагерь, в котором провели предыдущую ночь. Они возвращались плотным строем, унося с собой раненых. Африканцы просто следовали за ними на некотором расстоянии, словно увидев непривычное зрелище, и не делали никаких попыток атаковать обнесенный стеной лагерь римлян.

Она была странной, эта схватка на Тичино. Было очевидно, что Ганнибал удерживал свои войска от битвы.

Делая это, он получил первую возможность изучить боевые качества римского легиона в действии. Возможно, пока он наблюдал за происходящим, Карталон, начальник его разведки, и некоторые опытные галлы объясняли детали и значение команд, которые подавались с помощью трубы и горна.

Галлы сказали, что этот легион был даром бога войны трибам с реки Тибр. В него время от времени вступали все юноши, являвшиеся гражданами. Они проходили усиленную подготовку, а муштровали их до тех пор, пока они не приучались выполнять все приказы автоматически. На знамени каждого легиона был изображен серебряный или золотой орел. Их несла привилегированная когорта, тысяча, которая располагалась на правом фланге переднего строя и всегда находилась под наблюдением других когорт, несших собственные знамена. В течение срока службы рекрут переходил из последней когорты в избранную тысячу и, возможно, из командира десятка превращался в центуриона тысячи. Даже внутри когорт (из 550 воинов) людей передвигали, как марионеток, на фиксированные позиции. В первых рядах (principes) находились самые сильные; тех, что послабее, ставили во второй ряд, копьеносцев (hastati); самые опытные занимали последний, третий ряд (triarii). Они выступали в случае необходимости в поддержку других. Легион имел собственный резерв из триариев.

Хотя в легионе насчитывалось только 6500 пеших воинов, он также располагал конницей из 400 всадников и легковооруженными отрядами, способными изматывать и преследовать противника. На флангах он имел верные войска италийцев, которые, пожалуй, и были более сильными физически, но не обладали железной дисциплиной римских легионеров.

В этой дисциплине, насколько знал Ганнибал, заключалась сила римской военной машины. Легионеров учили никогда не нарушать боевой порядок, спасаясь бегством или преследуя противника, что могли делать легковооруженные воины или наемники. Легионеры, кроме того, снаряжались по установленному образцу. За спиной они несли шанцевый инструмент, еду и спальные принадлежности для лагеря. Они разбивали лагерь, находясь в полной боевой готовности, и так же шли походным порядком. Обоз перевозил части разобранных понтонных мостов, катапульты для метания камней и стрел, а также грозные катапульты со щитами и бревнами для сооружения штурмовых деревянных башен. Таким образом, римский лагерь всегда находился в готовности либо осаждать, либо выдерживать осаду.

Римляне создали военный механизм, который не имел

изъянов. Однако Ганнибал сразу понял, что легионеры едва ли способны делать то, чему их не учили. Они полагались на отдаваемые им приказы, а это значит — на ум своих военачальников. Что будут делать эти самые военачальники, если встретятся с совершенно незнакомой для них ситуацией? И как они поведут себя, если заставить их поверить в то, что они допустили ошибку?

Честолюбие Тиберия Семпрония

Ганнибалу удалось немалого добиться на берегах Тичино. Непостоянные нумидийцы вновь завоевали доверие после того, как разгромили части римлян на Роне. Ганнибал лично три дня наблюдал за тем, как ведут себя в бою обученные легионы. И самое главное, карфагеняне обрели уважение в глазах галлов. Представители этих обитателей берегов По внимательно следили за тем, как римляне отступали под натиском карфагенян.

В ту ночь 2000 галльских воинов, служивших в рядах римской армии, убежали из лагеря, убив нескольких военачальников и угнав лошадей. Они разыскали Ганнибала, чтобы предложить ему свое оружие. Он дал дезертирам мяса и вина, одарил серебром и посоветовал вернуться в свои деревни, чтобы объяснить там, что трофеи и честь могут быть завоеваны и другими, теми, кто захочет прогнать римлян со своей земли. Некоторых из наиболее сообразительных галлов он оставил при себе, чтобы они проникли к тем своим товарищам, которые еще оставались под знаменами с орлами, и рассказали о происходящем. Так зародилась его служба лазутчиков.

Вскоре после событий на реке Тичино прибыли посланцы бойев, они приветствовали Ганнибала пространными речами и передали ему трех пленных римлян в ранге полководцев. Ганнибал учтиво ответил и посоветовал бойям держать у себя пленных для обмена на галлов, находящихся в плену у врага. Пленники, захваченные нумидийцами, оказались в основном союзническими застрельщиками. Это были легковооруженные воины из покоренных Римом народов. Ганнибал отпустил их без всякого выкупа, чтобы они разошлись по своим домам и рассказали обо всем увиденном. (Они были первыми из многочисленных пленников, отпущенных карфагенянами, проявившими неожиданное милосердие, чтобы вести пропаганду в Италии.)

Между собой галльские вожди обсуждали такой удивительный способ ведения войны и недоумевали по поводу

того, что он может дать (если вообще что-то даст) в борьбе с наводящими ужас легионами. Они с готовностью принесли Ганнибалу весть о приближении еще одной римской армии, с юга. Казалось, что карфагенян это нисколько не встревожило. Они продолжали пользоваться плодами рук поселенцев, возделывающих заново поля, и захватывать армейские зернохранилища, иногда заставляя хранителей этих складов отдавать зерно под угрозой смерти.

Второй консул, Тиберий Семпроний Лонг, выбранный народным собранием, был честолюбив. Возможно, он чувствовал себя в более низком положении, чем патриций Публий Корнелий, род которого имел вековые заслуги, включая по крайней мере одну триумфальную победу. Семпроний в Сицилии добился некоторого успеха, захватив остров Мальту и совершив набег на Африканское побережье. Успех добавил ему уверенности. Он повел свое большое соединение форсированным маршем по дороге через Римини, собираясь предпринять действия против далеко продвинувшейся армии карфагенян. Оказалось, что его земляк-консул ранен и скрывается в Плацентии (Пьяченце) — наиболее удаленном из новых гарнизонных фортов на реке По. Это было надежное место, хотя в тот момент форт не соответствовал своему названию «Веселый», будучи наводненным беженцами и угрюмыми легионами чужой армии, которые вернулись из лагеря Тичино. Больше того, Публий Корнелий, раненый и прикованный к постели, не имел желания снова появляться на поле брани.

Публий и в самом деле казался тяжелобольным. Он без конца повторял, что большинство новобранцев не проверено в бою. Они только и могли удерживать укрепленные форты на всем протяжении от Плацентии до Кремоны в зимнее время до тех пор, пока не подоспеет весеннее пополнение новобранцев. Он неодобрительно относился к поведению галлов.

Публий не говорил — поскольку это было бы неуместно, — о том, что беспокоит его больше всего. В какой-то момент у Тичино, прежде чем он был сброшен с лошади, его окружили чужеземные всадники. Он никогда еще не видел таких наездников.

Плебей Семпроний обнаружил, что рассуждения этого больного человека его раздражают. Как это так — два консула Римской республики сидят за стенами укрепления с легионом в 14 000 человек, с вооруженными латинскими новобранцами в количестве 22 000 человек и всеми гарнизонами северной границы, а тем временем африканские конники отбирают фураж у окрестных земледельцев. В самой Италии! Такое поведение, возмущался Семпроний, противоречит римским традициям.

Он не упоминал о том, что то был период зимнего солнцестояния (декабрь) и канун новых выборов, на которых ему и Публию Корнелию предпочтут других консулов, если (как думал про себя Семпроний) хотя бы один из них не одержит кровавую победу над финикийскими захватчиками. Дальше — больше. Поскольку упрямый патриций все еще прикован к постели, Семпроний и один в состоянии привести армию к победе. Вот если бы он мог начать боевые действия до выздоровления Публия и до выборов в Риме! Он представил, как въезжает на коне в ворота Рима у Квиринальского холма, как его опережает слава о победе над карфагенянином Ганнибалом и народные собрания объединяются, чтобы потребовать его переизбрания. Такому, без сомнения, не суждено произойти, если Семпроний будет ждать окончания зимы, позорно прячась за фортификационными сооружениями.

Случилось так, что армия предприняла общевойсковой маневр, покинув Плацентию, и двинулась вверх по течению Треббии, чтобы разбить просторный и удобный лагерь. И тут никудышный воин Семпроний воспользовался возможностью взять на себя командование, пока Публий, прирожденный солдат, превозмогал слабость от полученного ранения.

Случай действовать подвернулся довольно быстро. Верховой разведывательный отряд наскочил на нумидийцев, опустошавших близлежащие поля, и вынудил их искать защиты у более тяжеловооруженной карфагенской кавалерии. Римское войско выступило в поддержку разведчиков, и Семпроний вывел два легиона за пределы лагеря. Он хотел сразиться, но карфагеняне исчезли за разлившейся Треббией. Это убедило Семпрония в том, что неуловимые враги не устоят перед его легионами.

Зимнее солнцестояние обернулось дождями и ледяным холодом. Улицы в лагере тонули в грязи. Семпроний злился на погоду, которая, видимо, не оставляла никаких шансов на успешные военные действия. Поэтому он был вне себя от радости, когда в последние часы ночи его разбудили помощники и сообщили, что нумидийские всадники у ворот лагеря. Проснувшись в ту же минуту, он не стал тратить время на размышления о том, почему африкацы появились в такой час. Не думал он и о завтраке. Он отдал приказ кавалерии седлать коней и перейти в наступление, всем легионам — выстроиться в полном вооружении на улицах лагеря, а сам тем временем отправился проверить, все ли знамена подняты.

За стенами казармы снег сверкал вокруг факелов. Стоял лютый холод.

«Он никогда не считал, что сделал достаточно для того, чтобы подготовить своих людей», — сказал о Ганнибале позже один из латинских авторов.

Теперь нам ясно, что Ганнибал начал подготовку к той зимней ночи заблаговременно. Он проанализировал сообщения лазутчиков из римского лагеря, раскинувшегося за рекой, и, вероятно, составил собственное мнение о возможностях Семпрония. Потом он проскакал верхом по всему полю брани, которое находилось с карфагенской стороны реки (и которого никогда не видел Семпроний), и спешился, чтобы подняться на поросшие кустарником холмы в дальнем конце поля. За холмами обнаружился узкий, глубокий и достаточно длинный овраг. В свою разведывательную поездку Ганнибал взял с собой молодого полководца Магона и показал ему этот овраг. Магон, сказал он, выберет десять человек из разных отрядов, на которых можно положиться при самом скверном развитии событий. Потом каждый из этой десятки отберет сотню таких же, как он сам. Эта резервная тысяча под командованием Магона займет позицию в овраге.

Магон согласился с тем, что глубокий овраг послужит прекрасным укрытием.

Ганнибал имел привычку шутить перед тяжелым испытанием.

— Разумеется. По одной причине: никто не станет искать тебя здесь.

После этого он дал нетерпеливому молодому полководцу несколько точных указаний.

На расстоянии полумили от оврага в сторону карфагенского лагеря у небольшого взгорка находилось грязное болото. Ганнибал распорядился выкопать здесь мелкий ров с земляным валом, который невозможно было бы заметить ни с какого места. С детства он помнил слова Гамилькара: «Заставьте землю сражаться на вашей стороне». Еще Пирр, царь эпирский, большой знаток стратегии, сказал это в свое время, а Гамилькар так и поступил, превратив гору Эрик в крепость. Здесь же не было ничего, кроме болотистой равнины у полноводных после дождей рукавов реки. Последний вечер Ганнибал посвятил беседе с вожаками своей разношерстной армии об их задачах. Не позволяя себе расслабиться, он сидел среди них, не только давая распоряжения, но и выслушивая их мнения и принимая дельные предложения.

В ту ночь, после того как пять сотен нумидийцев двинулись к реке и римскому лагерю, а Магон повел тысячу отборных воинов

к глубокому укрытию, Ганнибал сказал своим офицерам:

— Послезавтра дороги на города латинян будут открыты. Вы и в самом деле уверены в том, что у них там хранятся несметные богатства? Или это только слухи?

Офицеры постарше сказали, что они уверены.

— Тогда сообщите об этом своим людям.

Они поняли: как бы ни считал сам Ганнибал, он хотел, чтобы воины думали, что после битвы их ждет добыча.

В ту ночь, в ужасное ненастье, сын Гамилькара решил дать сражение легионам бога войны, дисциплинированным шеренгам, которые двигались как автоматы, получив команду. Он сделал все, что мог, чтобы сама земля мешала легионерам и помогала его воинам.

Перед тем как вооружаться возле жарко пылающих костров, карфагеняне взяли масло из заранее подготовленных кувшинов и начали растирать конечности, чтобы лучше предохранить их от холода. Было еще темно, когда они наспех поели из котелков тушеного мяса и ячменной каши. Как только рассвело, в долину вышли пращники, а иберийская и ливийская тяжеловооруженная пехота двинулась вперед, к подготовленной траншее. Они укрылись там накидками из козьих шкур. Слоны с погонщиками и всадники, вооруженные дротиками, верхом на лошадях, снабженных кожаными нагрудниками, двинулись вместе с тяжелой кавалерией на фланги. Лошади карфагенян, привычные к запаху огромных животных, нисколько их не боялись.

То, что произошло, получило впоследствии название битвы при Треббии. К этой битве готовились в тот день перед рассветом в обоих лагерях.

Римские легионы, которые последовали за кавалерией, преследующей нумидийских всадников, несколько миль продвигались в полной темноте. Люди ничего не ели перед тем, как поспешным маршем вышли из холодных временных казарм. На них была только боевая одежда, и они порой переходили вброд рукава вздувшейся реки в воде, которая доходила им до подмышек. Они продрогли до костей, когда центурионы остановили их, чтобы выровнять ряды. Едва они двинулись следом за отступающими неприятельскими застрельщиками, как почувствовали, что им трудно придерживаться нужного направления в сумеречном свете, под сильным градом и шквалами снега. Они с трудом протащились еще одну милю и наконец встретили поджидавшую их африканскую пехоту, укрытую за земляным валом. Из-за вала засвистели камни, выпущенные из балеарских пращей.

Что могли сделать легионы, которые и продвигались-то

неуверенно? Их поражение началось с флангов, когда понесли римские лошади, испугавшись надвигающихся слонов, и большинство всадников было рассеяно или отброшено назад в ряды пехоты ринувшимися в атаку испанскими и африканскими конниками. Уцелевшие легионы, отступая, образовали дугу, похожую на тетиву натянутого лука.

К середине утра усталых римских воинов, вооруженных тяжелыми мечами и вязнущих в грязи, начал мучить голод. Когда умолкли сигнальные трубы, легионеры увидели, что неприятель наступает с трех сторон. Тысяча Магона появилась из укрытия и атаковала легионы с тыла.

К тому времени встревоженные легаты и трибуны полков начали формировать колонны, чтобы прорвать окружение.

На этом все письменные свидетельства прекращаются. Примерно 10 000 римлян вернулось в лагерь. Большая часть воинов Семпрония, консула, бежала с поля боя под падающим с неба снегом и была взята в плен либо погибла. Тех пленников, которые были людьми союзников, Ганнибал отпустил по домам. Легионеров, которые были римскими гражданами, карфагеняне удержали с целью выкупа.

Сам Семпроний отправил весьма сомнительное по смыслу сообщение в сенат. В этом рапорте с предельным лаконизмом было сказано, что армия вступила в борьбу с карфагенянами, но ненастье помешало ей одержать победу. Оставшиеся в живых покинули берега Треббии и нашли убежище за стенами укреплений Плацентии, где теперь уже не было тесно.

В январе, месяце, посвященном Янусу, богу начала года, Тиберий Семпроний уехал на юг, как повелевал ему долг, чтобы принять участие в выборах. Он не был переизбран. По иронии судьбы, единственная похвала за битву при Треббии досталась его собрату-консулу Публию Корнелию, который так настойчиво высказывался против этой битвы. Более того, Публий, выведенный из строя, не присутствовал при этом сокрушительном поражении.

(Когда его рана затянулась. Публий обратился за разрешением принять командование своей прежней армией в Испании. Это не значит, что он хотел избежать третьей встречи с безумным карфагенянином, как стали называть Ганнибала. Наделенный здравым смыслом, Публий был убежден в том, что завоевание Испании сыграет большую роль для Римского государства. Его собратья-сенаторы из группировки Корнелиев согласились с тем, что было бы разумно добиваться победы на той земле, где не может появиться Ганнибал.)

Тревожные предчувствия охватили Рим, когда наступил

новый год. Авгуры, которые слышали обо всех подробностях отступления армии в Плацентию, заявили, что все признаки предвещают гнев родовых богов: в небе видели призраки кораблей; молния ударила в храм Надежды; метательные копья в храме Марса были охвачены огнем, а воды Цере обратились в кровь. Чтобы очистить город от грехов, Юпитеру была принесена в дар золотая молния весом в 50 фунтов, а к изображениям менее значимых божеств возложены угощения. Когда ритуальное жертвоприношение было завершено, все жители обратили взоры на север, чтобы понять, что за человек этот Ганнибал и что он предпримет далее.

Зимние квартиры на берегах По

Два месяца в середине зимы карфагеняне отдыхали под крышами домов. Это был первый перерыв в их походе с того момента, как они увидели Пиренеи. Они поделили трофейное оружие, деньги и снаряжение, вынесенное с поля боя. Латинские историографы скажут позже (легко быть умными задним числом!): «Ганнибал никогда не считал, что сделал все, чтобы достойно наградить своих людей за стойкость в сражении».

Слово «достойно» здесь — ключевое. Оно значит гораздо больше, чем простое обещание вознаграждения. Армия уже чувствовала себя расформированной. Она получила привилегии. Какой-нибудь ливийский водонос, воспитанный в ненависти к его карфагенским хозяевам в Африке, теперь стал свободным человеком, которому не надо было почтительно склонять голову при приближении карфагенского инспектора. На самом деле этот темнокожий ливиец, как и раньше, продолжал разносить воду, но чувствовал себя совсем иначе. Кельтиберский всадник, который мечтал снова увидеть свою родную Месету, получал несколько акров земли в Италии, отданных в его владение, или (если он отказывался) стоимость этой земли, которую ему выплачивали в серебре. Оборванный кельтибер чувствовал себя не хуже почитаемого торговца. Если бы французское выражение esprit de corps («чувство солидарности») существовало уже тогда, так бы и было. Умные латиняне писали об этом впоследствии: «Они были солдатами, доверявшими своему полководцу, который, в свою очередь, полагался на них».

Ганнибал не слишком много требовал от них в ненастную погоду на Треббии. После того как он дал им возможность использовать все преимущества ландшафта, он просто призвал пехоту держать линию фронта перед боевым строем римских

легионов. Что касается его конницы, она составляла треть его армии, в то время как римская кавалерия была не больше чем десятой, частью армии неприятеля. В ближнем бою африканские и испанские всадники Ганнибала превосходили италийских всадников. После того как последние были убраны с дороги, легионы не могли сохранять привычный для них боевой строй и отбивать многочисленную конницу на флангах. Это было так же просто, как уравнение: единица равна одной трети от трех.

Однако это уравнение не работало так, как должно. Легионы имели одну постоянную особенность. Их было не так легко уничтожить. Большинство сражалось, снова собравшись под знаменами в полевом укреплении, которое мудрость Ганнибала не позволяла ему атаковать. «Он никогда не рисковал в сражении, — писали хронисты, — если не было полной уверенности в том, что из этого можно извлечь какую-то пользу».

Пользой, которую извлек Ганнибал в битве при Треббии, был прочный союз с цизальпинскими кельтами.

Они приходили к нему со всех земель, прилежащих к реке По, даже издалека, с востока, как это сделали венеты. Вожди варварских лигурийцев прискакали верхом с западного побережья. Пока Ганнибал чествовал их в строгом соответствии с рангом и героическими заслугами каждого, разделяя в соответствии с наследственной враждой, они более двух месяцев восхваляли в своих речах его победы. Все они обратили внимание на бронзовые жезл и секиру — символы консульской власти, потерянные знаменосцами Семпрония при его побеге. Вожди, обильно сверкавшие золотом, не могли не заметить эти предметы, лежащие на львиной шкуре, распростертой у обутых в кожу ног Ганнибала. Гордые инсубры, которых связывали родственные узы с племенем бойев, снова поклялись в верности Ганнибалу и заявили о готовности посылать с ним своих воинов, искусно владеющих холодным оружием, куда бы он ни направлялся.

Ганнибал терпеливо объяснил, что они были в союзе не с ним, а с государством Карфаген, хотя он считает себя обязанным защищать их земли. Ни он, ни Карфаген не посягали на их территорию. И он показал им высеченную четкими латинскими буквами надпись на камне, которую некоторые из вождей были в состоянии разобрать. На камне был высечен закон. Этот закон предписывал римлянам относиться к галлам на реке По не как foederate et immunes, а как lex provinciae, что означало: галлы были не союзниками в совместной обороне, а субъектами права любой провинции, будь то Западная Сицилия, Сардиния или Корсика. В провинциях Римская республика давала право на

землю и обращалась с жителями по законам войны.

До сих пор, сказал им Ганнибал, они боролись против вторжения латинских триб с Тибра. Теперь они могут положить конец этому вторжению и избавиться от всех порабощающих законов. Они могут сделать это, если помогут ему уничтожить римскую военную мощь. Тогда слово «Рим» будет значить не более того, что оно значило на протяжении трех столетий до этого, когда галлы впервые вышли к реке По.

Галльские вожди с готовностью согласились. Они — его верные союзники; они пойдут маршем на Рим, подобно тому, как это сделал их героический предшественник Бренн в дни их великой славы. Барды бойев запели песни о победоносной силе галлов; юные друиды под звуки своих длинных горнов с бронзовыми головами зверей окружили костры. Ганнибал с трудом помешал им заживо сжечь нескольких римских пленников в качестве священного жертвоприношения перед походом.

Галлы требовали, чтобы он выступал немедленно. Нетерпение толкало их искать победы на Тибре, поскольку перед их глазами были успехи карфагенян на Треббии. Кроме того, огромная карфагенская армия уничтожала их оскудевшие к концу зимы запасы провизии. Они просили Ганнибала, чтобы он увел свою армию, и она освободила римские поля.

Галлы добавили в общей сложности от девяти до четырнадцати тысяч к войску Ганнибала. Скорее всего, на самом деле это количество было менее десяти тысяч. Важнее было то, что у Ганнибала появилась новая база в долине По, с новым резервом совершенно неуправляемой живой силы. Оставшаяся часть полуострова была отрезана от Альп и простирающегося за ними континента. Гарнизоны в Плацентии и Кремоне оставались нетронутыми, под наблюдением быстрых нумидийских всадников.

Хотя Ганнибал мог оставаться в безопасности в Цизальпинской Галлии, существовали причины, по которым он не должен был этого делать. Северная зима была трудной для его людей, привыкших к более мягкому климату Африки и Иберии. Большинство слонов умерло от холода. Говорят, что один из них взял в свой хобот зеленую ветку, чтобы помахать ею проходившим мимо карфагенянам, словно взывая к милосердию.

Существует еще одна странная история о Ганнибале того времени. Говорят, что у него было несколько париков разного цвета в комплекте с соответствующей им разнообразной одеждой. С их помощью он скрывал свой возраст и менял внешность, чтобы не быть узнанным. Такую странность римские аналитики объясняют обычно не самым лестным для грозного

карфагенянина образом. Они говорят, что он маскировался потому, что боялся покушения на свою жизнь. Возможно, это было правдой, такое произошло в Испании с Гасдрубалом. Но не исключено, что Ганнибал просто играл двойственную роль: в приличествующих случаю одеждах он появлялся на народных собраниях как главнокомандующий Карфагена; изменив внешность, занимался сбором сведений. Он прилагал все усилия к тому, чтобы попасть в Италию римлян, чтобы увидеть своими собственными глазами, что там. Такое вряд ли мог сделать полководец, перемещаясь через всю страну верхом на коне в сопровождении своего штаба.

А на реке По в тот месяц март у него были проблемы, которые не могли облегчить ни Карталон, ни шпионская сеть. Только слухи доходили до него из Карфагена и с морей. Возможно, он не знал о происходящем в Испании ничего, кроме того, что там высадилась внушительная римская армия. Ему было необходимо как можно раньше наладить связь со Старым и Новым Карфагеном, как только на морях откроется навигация.

Ганнибал прекрасно понимал, что после поражения при Требии римские военачальники привлекут огромные резервы, чтобы противостоять ему. С каждым месяцем хорошей погоды все более крепкие силы будут подходить по мощеным дорогам с юга. Скорее всего, именно тогда Ганнибал произнес горькие слова по поводу войны: «Если вы одержали победу, даже те, кто ненавидит вас, будут с вами; если вы потерпели поражение, даже ваши друзья отвернутся от вас».

Итак, Ганнибал вместе с галлами выступил на юге против мобилизованных армий Рима. Этот ранний старт еще до окончания зимы дорого ему обошелся.

Дорога через болота

Цепь Апеннинских гор тянется вдоль полуострова наискосок сверху вниз. Начинаясь на побережье над Генуей, этот горный хребет идет к юго-востоку и едва не касается другого побережья — побережья Адриатического моря. Узкие долины открывают путь для переходов, но горная цепь, не прерываясь, доходит до носка итальянского сапога. Карфагеняне могли выбрать более долгий и легкий путь к Риму, следуя вниз по хребту и перевалив через него вблизи от Рима. Вместо этого они пошли прямо на юг через горы.

Это в чем-то напоминало переход через Альпы. Первая долина, в которую они вошли, поднималась к гребню, на котором

они вновь подверглись испытанию градом и проливным дождем. Они вернулись той же дорогой в укрытия лагеря, чтобы переждать ненастье. Вероятно, следующую попытку они предприняли в другом месте и на этот раз перешли на западный склон. Они спустились в низину, тонущую после дождей в грязи. Дальше лежали болота, скрытые туманом. Прямой путь оказался трудным.

Ганнибал не стал ждать, пока будет найдена сухая дорога. Вьючные животные погружались в болото под тяжестью груза, и повозки приходилось тащить вручную. Четыре ночи и три дня люди не могли найти сухого места для лагеря. Во время привалов они садились на свои вещевые мешки, чтобы подремать.

Тех, у кого был опыт перехода через Альпы, отправили вперед, и галлы держались между ними и нумидийцами, которые подбирали отставших и больных. Галлы, физически самые выносливые, бездельничали во время перехода по болотам. Безропотные испанцы, наверное, с удивлением думали о том, где же богатые плантации, мощеные дороги и беломраморные города легендарного Рима. Замерзшие во время перехода через Апеннинский хребет, они были ослаблены приступами болотной лихорадки и малярии.

Снова лошади остались без корма. Уцелевшие слоны, не выдержав холодной температуры воды, погибли… Живым остался только один, самый крупный (должно быть, это был единственный в стаде индийский слон), у которого все еще оставались силы.

Лекари не могли бороться с распространением лихорадки на болотистых землях. Из-за тумана одежда пропитывалась влагой. Казалось, боги на небесах послали эту кару на армию. Ганнибала трясла малярия, он страдал от головной боли. Лекари только и могли, что укутывать его и настойчиво советовать передвигаться верхом на уцелевшем слоне, подальше от мокрой почвы.

Ганнон, сын Бомилькара, в поисках выхода из болотистого района вышел на ручей, который вывел его к деревьям, росшим по левому берегу. Направив в ту сторону берберских всадников, Ганнон различил в тумане вершины холмов. Обогнув их, всадники оказались у входа в долину, ведущую на юг. Туман рассеялся, и солнце осветило зеленый выгон и рассыпанные по нему белые домики. Карфагеняне назвали это место Долиной Света. На самом деле это была прекрасная долина Фьезоле.

Только здесь и теперь стало известно, как страдал Ганнибал от головных болей. Зрительный нерв не выдержал, и он ослеп на один глаз.

В долине он отказался от слона и снова пересел на своего

коня. Он устремился вперед по широкой грязной дороге. Когда показались утесы из известкового туфа, на склонах долины стали видны темные провалы, обрамленные древней, полуразрушенной каменной кладкой. Рабы, вспахивающие поля на быках, сообщили, что это гробницы этрусков, разграбленные много лет назад.

Дорога вывела карфагенян на реку Арно. Возле бродов через реку поджидали неописуемого вида коробейники, в тюках у которых тем не менее находились дорогие благовония и слоновая кость. То были члены шпионской сети Карталона. Они искали Ганнибала, якобы с целью продать ему свои редкие товары, а на самом деле, чтобы тайно от всех сообщить ему на финикийском языке собранные ими сведения. Они рассказали, что в долинах, которые лежат впереди, отличные пастбища и много еды. Люди там мирные, не воинственные. Но на восточных холмах, в полудюжине маршей отсюда, Ганнибала поджидает сильная римская армия.

Ганнибал заставил свои колонны двигаться быстрее. Он вышел к югу, чтобы пройти мимо римлян в месте соединения холмов. Это была дорога на Рим.

Она вела карфагенян через самую сердцевину древних этрусских земель. И опять, так же как у реки По, их ожидания не оправдались.

Глава 3
От Тразименского озера до Канн

«Я пришел воевать не с вами»

Народ не может умереть так, как человек, в один миг. У народа есть его язык, его собственный путь развития, своя религия, и прежде всего цель или мечта, которые заставляют двигаться вперед. Даже порабощенный кем-то, народ не исчезнет до тех пор, пока не исчезнет эта его опора.

Сильный и одаренный богатым воображением этрусский народ прекратил свое существование незадолго до прихода Ганнибала. Латинский язык занял господствующее положение в его долинах; его города, даже Вейи и священные Тарквинии, превратились в муниципии, подчиняющиеся законам Лациума. Поклонение солнцу, которое пришло к этрускам в незапамятные времена с побережья Азии, уступило место поклонению Аполлону — богу в прекрасном человеческом облике.

Удивительно, но, покоряя этрусков, варварские народы латинского союза впитали большую часть этрусской культуры. Римские инженеры возводили прочные каменные мосты и акведуки, подобные тем, что строили северяне; армия, состоящая из легионов, была скопирована с этрусской вплоть до таких деталей, как нагрудники, наколенники и прочные щиты. Гладиаторы, которые участвовали в смертельных играх этрусков, начинали устраивать театрализованные бои в римских амфитеатрах, развлекая толпу.

Но у северной культуры было заимствовано гораздо больше: секира и пучок прутьев ликтора — символы консульской власти; искусство авгуров, которые предсказывали будущее по книгам сивилл; ритуальные песни прорицателей и речи на панихидах по тем, кто ушел в подземное царство Аида. В таких мудреных вещах сильный народ с берегов Тибра полагался на мудрость новых субъектов римского права и заимствовал этрусский ритуал.

Последним умерло этрусское искусство. Еще в IV веке до н. э. этруски рисовали на стенах гробниц фигурки танцовщиц неземной красоты, кружащихся в полупрозрачных одеяниях. Это был пламенный танец на тлеющих красных угольках. Теперь этрусские художники искусно писали на загрунтованных полотнах мирские портреты усыпанных драгоценными камнями аристократов. Мастера по художественной обработке металлов

изготавливали хирургические инструменты и утилитарные жаровни, по-прежнему вырезая на них крылатых грифонов или квадриги белых коней, впряженных в колесницы забытых царей.

Сами этруски потеряли всякую волю к сопротивлению. Они делали прекрасное вино для римлян, которые установили здесь власть и сдерживали свирепых кельтов на далеком севере.

Входя в римско-этрусский город, Ганнибал должен был замечать в банях и театрах признаки культуры, которой ему недоставало с тех пор, как он покинул иберийские дворцы. Он встретился, не найдя у них никакого отклика, с несколькими должностными лицами, которые ждали его прибытия. Он им сказал:

— Я пришел воевать не с вами, а только с властью Рима. Вы сможете освободиться от этой власти.

Они ответили уклончиво, на латыни, и отправили сообщение в Рим о том, что здесь появилась армия даже не африканского происхождения, а собранная со всего мира. Они не оказали сопротивления Ганнибалу, но и не оказали ему внимания.

До сих пор, кроме того времени, когда его войска совершали переход через Альпы, Ганнибалу удавалось склонять на свою сторону по пути следования по крайней мере часть населения. В этом месяце, июне, за его спиной лигурийцы нападали из засады на римских военачальников на их же территории и поставляли ему вооруженных людей. Римские гарнизоны, находившиеся в изоляции на реке По, начинали бунтовать.

Впереди находилась популяция примерно шесть миллионов человек, говорящих на умбрийском, этрусском и греческом, а также на других языках и на латинском как языке официальном. Среди 770 000 воинов из этой популяции не более чем 358 000 были гражданами Рима. Бросить свою армию против такой силы было бы актом отчаяния.

Если Ганнибал и не знал точного числа этих войск, то понимал количественное соотношение, которое представляло для него проблему. Ему надо было завоевать поддержку многих союзников Рима, чтобы получить шанс на успех. А он всего лишь нейтрализовал жителей Этрурии, через которую спешно проследовал. Он вел свои угрюмые дивизии на следующую битву, которая должна была как можно сильнее подорвать престиж Рима.

Проходя мимо неприятельского лагеря на холмах (там, где у него не было ни малейшего желания вступать в борьбу с легионами), он послал своих всадников в долину, чтобы они разграбили и сожгли деревни. Это пополнило запасы и могло

заставить вражеских военачальников спуститься с холмов. Стало ясно, что карфагеняне двинулись на Рим. Если на холмах командует Семпроний, он, не теряя времени, спустится оттуда, чтобы выступить против карфагенян.

Полуослепший Ганнибал был в нетерпении. Когда шпионы доложили сведения о расположенных неподалеку римских войсках и о новом консуле Гае Фламинии, он рявкнул на них:

— Что толку, что вы как попугаи твердите о численности? Дайте мне хоть как-то понять, что происходит в голове Фламиния.

Лазутчики послушно сообщили все, что узнали о характере нового консула.

Фламиний идет по следу

Гай Фламиний, консул из плебеев, был известным человеком, заслужившим лютую ненависть глав аристократических семейств и, соответственно, летописцев, которые писали о нем после его смерти. Ливий говорит, что «у него не было ни военного опыта, ни каких бы то ни было способностей к военному делу». Но так ли это?

В качестве народного трибуна Фламиний провел против воли сената далеко идущий аграрный закон; в качестве претора он достаточно успешно управлял Сицилией, заслужив благодарность сицилийских римлян; в качестве консула он в 223 году до н. э. вопреки указанию сената повел армию на битву с цизальпинскими галлами и добился победы, которая держала инсубров в повиновении вплоть до прихода Ганнибала; в качестве цензора он построил великую Фламиниеву дорогу на север, остатки покрытия которой до сих пор можно видеть около современного скоростного шоссе. Переизбранный консулом в 217 году до н. э., в соответствии с народным требованием сменить незадачливого Семпрония, он не стал задерживаться в Риме на ритуальное жертвоприношение, а поспешил на север — против воли сената — к своей армии, на поле боя.

Пользующийся ненавистью среди аристократических семей, особенно Фабиев, Фламиний обладал твердой волей и немалыми способностями. Его недостатком была самонадеянность.

Рассмотрим его действия на поле брани. Вместе со своим соратником Сервилием он решил на время оставить долину По и ждать Ганнибала на пороге римской территории. Такой план ожидания врага вызвал возмущение в сенате. У римлян было в запасе две армии. Проницательный Фламиний пошел на запад

Апеннинских гор, на высоты Ареццо. Сервилий ждал на востоке, в Римини, в конце Фламиниевой дороги. Заметив, что карфагеняне движутся мимо него по долине, Фламиний не поддался искушению, которому его подвергал Ганнибал, и не спустился вниз, ввязавшись в сражение на открытом пространстве. Вместо этого он отправил срочное предписание Сервилию быстрее продвигаться на юг. Потом, услышав, что Сервилий с восточной армией уже находится в пути, Фламиний спустился с холмов, чтобы следовать за карфагенянами. Их путь был четко обозначен горящими деревнями.

След поворачивает на восток, и Фламиний заставляет свои войска ускорить шаг. Дорога ведет мимо Кортоны, к Тразименскому озеру. Два-три дня таким шагом — и Ганнибал пересечет Фламиниеву дорогу, по которой торопится Сервилий. Тогда он неизбежно будет стиснут между двумя римскими армиями, и эта встреча на пересеченной холмистой местности станет выигрышной для римлян. Фламиний уверен, что сможет захлопнуть ловушку.

Фламиний не был неспособен к военному искусству. Он просто ничего не знал об уме Ганнибала.

Нумидийские застрельщики шли следом за карфагенянами чуть ли не на виду у преследовавшего их римского дозора. Застрельщики отходили ночью, чтобы передать сведения и охранять лагерь. Обычно днем Ганнибал и его небольшой эскорт верхом на конях устремлялись вперед для рекогносцировки местности. Продвигаясь по длинной долине у Кортоны, Ганнибал заметил впереди сине-зеленую ленту озера. Озеро было очень широким (гораздо шире, чем теперь). На северной стороне, где находились карфагеняне, его полукругом окаймляли полуразрушенные бугры, которые вряд ли можно было назвать холмами. Это был лабиринт каменистых бугров, поросших кустарником и оливковыми деревьями.

Отсюда дорога вела вокруг озера, как обычно, по самому удобному пути: узкая полоска берега у кромки воды. Далее возвышались уже настоящие холмы.

Увидев все, что хотел, Ганнибал решил разбить на берегу Тразименского озера карфагенский лагерь. На исходе короткой июньской ночи подошла большая часть его армии и под покровом утреннего тумана свернула налево, к холмам, возвышавшимся над озером.

Отряд усталых африканских застрельщиков держался дороги, окружавшей озеро, нумидийские всадники, как обычно, прикрывали их с тыла. Было 20 июня.

На следующий день, 21 июня, рассвело рано. Но еще до рассвета армия Фламиния, численностью более 40 000 человек, выдвинулась из своего лагеря, располагавшегося в конце долины. Легионеры и рекруты их союзников несли свое оружие. Это было высокоорганизованное войско. Как обычно, передовой легион устремился вперед, по следу, оставленному лошадьми карфагенян на дороге вдоль озера.

Основная часть войска следовала авангардом в приподнятом настроении. Консул, командовавший ими, одержал победу над свирепыми цизальпинскими галлами, которые сейчас отступали. Еще полтора дня, заявили трибуны, и они достигнут пересечения с Фламиниевой дорогой и встретятся с другой консульской армией. Рабы, торговцы и разносчики, следовавшие за армией, тащили за собой пустые повозки для трофейной добычи, а также цепи, чтобы сковывать пленников.

Солнце встало, но все еще было сумеречно. Густой утренний туман окутывал озеро. Войско двигалось сквозь серую пелену. Не обошлось без происшествий, когда кавалерийские фланги налетели на пехоту в месте сужения дороги. Произошло нечто похожее на свалку, когда надо было обогнуть первый крутой выступ. Сбившиеся когорты выправили строй и продолжили движение. Туман начал рассеиваться, но все еще заволакивал правую сторону озера.

Сначала они услышали рев, перекрывавший шум походного движения. Казалось, эти звуки несутся откуда-то сверху. Опытные триарии поняли, что подвергаются атаке, но атакующие оставались невидимыми, и триарии не могли себе представить, откуда ждать нападения. Туман закрывал все на расстоянии брошенного камня. Сквозь туман доносился лязг оружия в сомкнутых рядах.

Дисциплина сковывает. Она вынуждает опытных воинов идти в строю, подчиняясь командам. Лишенные возможности видеть то, что происходит впереди, легионы продолжали идти вперед походными колоннами. Потом они начали сбрасывать ранцы и брать в руки щиты.

«В таком тумане уши служили им лучше, чем глаза, и они услышали стоны раненых и крики и начали оглядываться по сторонам».

Знамена невозможно было различить. Вместо легатов, галопом разносящих приказы, лошади без всадников врезались в ряды. Центурионы старались криками сдвинуть фронт влево, и ряды направились туда, чтобы занять привычные места. Стесненное пространство не позволяло двигаться должным образом. Первая шеренга, прорвавшись через кустарник и валуны,

обнаружила холмы, усеянные людьми, которые прыгали на них сверху. Многие римские легионеры клялись потом, что в тот момент на берегу озера произошло землетрясение.

Неожиданная атака привела колонны римлян в замешательство. Группы, штурмовавшие склон, были окружены. «Пока они соображали, что делать, их поубивали».

Одновременно Ганнибал бросил в атаку свои отряды с гребней, где они ждали. Туман на высотах рассеялся, когда солнце поднялось над горизонтом. Теперь полки африканцев, иберов, кельтиберов и галлов видели друг друга, а Ганнибал наблюдал за всеми со своего места над отдаленным концом дороги у озера. Галлы, в частности инсубры, яростно бросились в атаку на Фламиния, римского полководца, который опустошил их земли и покорил их самих. Так свидетельствуют очевидцы.

Их атака не утрачивала напора, потому что они нападали на врагов сверху, а те были не в состоянии образовать боевой фронт. Сражение происходило на взрыхленной почве между откосами и водой, что было вполне удобно проворным испанцам и выросшим в лесах галлам. Бой шел на этом берегу, потому что грозная тяжелая кавалерия карфагенян напала на римскую колонну с тыла. Всадники примчались из скрытой среди холмов долины. Каким бы плачевным ни было состояние их лошадей, не нашлось организованной силы, которая могла бы противостоять кавалерии. На том конце изогнутого полумесяцем берега, где находился Ганнибал (скорее всего, этот полумесяц простирался между мысом Пассиньяно и склонами Монте-дель-Лаго), выход был закрыт передовыми частями африканской пехоты под командованием Магарбала.

Фламиний, а не Ганнибал оказался в ловушке.

Хотя некоторые группы римлян отступали, чтобы занять позицию, деморализованные легионы охватила паника. Пути к отступлению не осталось. Толпы беглецов наталкивались одна на другую и ломали строй. «Многие легионеры, не видя пути к бегству, входили в озеро на такую глубину, что над водой поднимались только их головы и плечи. Их настигали конники, которые бросались в воду следом за ними».

К десяти часам утра битва на Тразименском озере была окончена. Солнце разогнало туман. Передовой легион римлян, оставшийся незамеченным в тумане, отошел на взгорье с восточной стороны. Оттуда легионеры могли видеть, что берег внизу заняли карфагеняне и что остальная часть римской армии исчезла.

Ганнибал поворачивает на восток

Уцелевший легион попытался спастись бегством. Он был настигнут и окружен карфагенской конницей под командованием Магарбала. Случилось нечто небывалое: легион численностью в 6000 человек сложил знамена и сдался в плен карфагенянам, приняв условия капитуляции.

Фактически битва у Тразименского озера была беспрецедентной для Италии. Карфагеняне, больные, на истощенных лошадях, почти уничтожили более, сильную римскую армию. Ее остатки так больше и не воссоединились. 15 000 уцелевших воинов стали пленниками карфагенян.

Когда в этот вечер Ганнибал объезжал поле брани, он воочию увидел результаты: поверженные священные серебряные орлы и знамена манипул; груды частей переносных мостов и механизмов. Он приказал предать земле тела убитых карфагенян. Всего было убито или ранено 2500 воинов, в основном галлы. Ганнибал приложил все усилия, чтобы найти тело Фламиния и похоронить его со всеми приличествующими почестями, но его так и не нашли. Инсубрские всадники ликовали по поводу того, что расправились со своим недругом-консулом. Возможно, его тело было извлечено из общей массы останков и выброшено.

Это было не столь важно по сравнению с тем, что грозные легионы распались на отдельных беглецов, всеми путями пытавшихся скрыться. Легионеры редко теряли отвагу, но когда это происходило, они были похожи на овец.

Так случалось, когда нарушался их строй. В век тяжеловооруженной пехоты (о ком бы ни шла речь, о греческих гоплитах или римских легионерах) люди, стоящие в строю, защищали друг друга. Это были ряды шлемов, щитов и наколенников, ощетинившиеся ручным оружием. Метательные снаряды того времени, когда еще не существовало огнестрельного оружия и мощных луков, не могли нанести серьезный ущерб такому защищенному доспехами строю. Говорят, и возможно, так было и на самом деле, что не более 192 афинских гоплитов пали под Марафоном. Они долго удерживали ряды целыми, но, когда эти ряды нарушались, происходили большие потери. Беглецы обычно бросали щиты и погибали либо от метательных копий и брошенных камней, либо пронзенные пиками всадников. В руках стремительных карфагенян это оружие было смертоносным. (На поле брани при Каннах огромное количество римских пехотинцев беспомощно лежало с перебитыми подколенными сухожилиями.) Никогда до битвы при Тразименском озере римские легионы не испытывали неудач в сохранении своего боевого строя.

В ту ночь карфагенские жрецы раскладывали ритуальные лепешки и лили жертвенное вино перед идолом в молитвенной

палатке. А у Ганнибала произошел жаркий спор с прямолинейным Магарбалом. Последний заверил сдавшийся легион, что его воинов отпустят, как только они отдадут все свое оружие. Ганнибал не одобрил этого. Никто из римских граждан не должен быть отпущен. Захваченных Магарбалом легионеров следовало продать греческим работорговцам. Тем временем они, наряду с остальными гражданами республики, получали урезанный рацион и подвергались суровому обращению. В отличие от них, пленных из числа союзных армий, находившихся на службе у римлян, хорошо накормили и отпустили по домам. Ганнибал заверил их, что зла против них не держит; его врагом был город на Тибре, и только он.

— Я пришел не воевать с италийцами, — сказал он им, — а поддержать их против Рима.

Потом, как обычно перед новым выступлением, он созвал военачальников и представителей племен, которые составляли его армию. Некоторые из галлов, опьяненные успехом, должно быть, призывали его поскорее идти на юг и подвергнуть осаде или опустошить этот самый город Рим. Нет сомнения, что Магарбал и ветераны Гамилькара страстно этого желали.

Выслушав их, Ганнибал отверг их совет и согласился с более молодыми военачальниками, а также с испанцами, которые настаивали на том, что армия находится на пределе возможностей и должна отдохнуть. Он сказал, что больше, чем в отдыхе, армия нуждается в объединении. В оставшуюся часть лета надо заняться этим в безопасном месте.

Где же, потребовали ответа ветераны Карфагена, они найдут такое безопасное место при римском правлении?

Ганнибал повел их по дороге на восток. Оставив позади сонные этрусские города, они устремили взоры на величественную Перуджу и широкую долину Ассизи. Они снова должны были пересечь Апеннины, чтобы дойти до побережья Адриатического моря. Они покидали малярийный район низин, чтобы идти через плодородные пастбища в сопровождении пленных и обоза с военным снаряжением римской армии.

В самом начале похода на восток они дошли до перекрестка с Фламиниевой дорогой и нарвались на 4000 римских всадников. Это была головная часть армии другого консула, Сервилия, которая двигалась из Римини. Удивившись этой неожиданной встрече не меньше, чем римляне, карфагеняне окружили конницу Сервилия и взяли в плен 2000 оставшихся в живых.

Примерно в тот же день в римский Форум стеклась масса народа. Слухи о катастрофе распространились от северных ворот в дома горожан, и они хотели услышать правду из уст старейшин

сената. Всего за несколько месяцев до этого тех же людей успокоил своим сообщением консул Семпроний, возвратившийся с Треббии, а оказалось, что дела там обстояли гораздо хуже, чем говорил консул в своем выступлении.

Двери сената оставались закрытыми перед взволнованной толпой. В конце концов к людям вышел и поднялся на трибуну претор Помпоний Матон. Дождавшись тишины, он сказал:

— Мы побеждены в большом сражении. Консул убит.

Выборы диктатора

«Поодиночке или все вместе, — как заметил позже Полибий, — римляне испытывали страх только тогда, когда им грозила реальная опасность».

Такая непоколебимая отвага, писали греческие историки, была присуща как отдельным личностям, так и дисциплинированной массе римлян. Они были приучены к трудностям. Их город, который они ценою многих трудов возвели на семи холмах, не имел никаких природных преимуществ, зато обладал несколькими серьезными недостатками. В отличие от большинства крупных городов Средиземноморья, Рим не был портовым городом. Расположенный среди болотистой равнины Тибра, он не имел естественной защиты. Он не был даже благоприятным для здоровья до тех пор, пока римские инженеры не осушили болота, как это делали задолго до них этруски. В ранние времена для защиты города среди семи холмов была воздвигнута Стена Сервия.

Тогда Рим был намного меньше и значительно менее впечатляющим, чем величественные Сиракузы или просвещенная Александрия с ее городской библиотекой и знаменитым маяком — одним из чудес света. (Карфаген, хотя и был меньше по площади и имел меньшее население, обладал достоинствами этих двух знаменитых городов: стратегическим положением и устойчивой культурой.)

Рим состоял из тридцати пяти территориальных единиц — триб с их зачаточной культурой. Римские ораторы, пока еще не Цицероны, ограничивались влиянием на избирателей и восхвалением усопших. Музыка представляла собой попурри в подражание греческим мелодиям. Литература включала записанные предания или переводы героических поэм, таких, как «Илиада». Народу Ромула, имевшему смутное представление о своих корнях, нравилось фантазировать, что он ведет свое происхождение от легендарных троянцев. На самом деле народ

этот пришел с берегов далеко не героического Дуная и сохранил недостаток воображения и долготерпение обитателей берегов, продуваемых северными ветрами.

Стоицизм римлян не имел связи с греческой стоей; он был в их натуре. Большая часть их была чудовищно суеверна. А храм Фортуны, спроектированный греческими архитекторами, получал жертвенные дары от плебейских семей, равно как и от семей богатых, которые, возможно, и не предполагали, что роковая судьба оказала влияние на их жизнь. Обычный гражданин никогда не выходил утром из дверей своего дома, не проверив по стае ворон над головой или по расположению листьев под ногами, каким будет по приметам этот день. Следовать приметам стало официальной обязанностью, и стайка священных кур помогала консулам в принятии важных решений. Всеобщее поклонение богам войны возникло из присущей римлянам суеверности, усиленной убеждением, что эти боги им покровительствуют. Двуликий Янус, возможно, имел власть и над другими, но Марс был божеством, покровительствующим потомкам Ромула. Даже сестре Марса, Беллоне, был посвящен великолепный храм, в котором служили жрецы и женщины, до крови царапавшие себя в диких ритуальных танцах.

Готовность к войне хранила город, его могущество росло и в конце концов породило Римскую империю. Римляне с их организованностью разработали систему присоединения территорий, чего никогда не удавалось сделать менее практичным грекам. Колонисты занимали очередную завоеванную провинцию; порабощенных изгоняли с насиженных мест и отправляли жить туда, где они могли приносить наибольшую пользу. Что касается рядовых римлян — таких, у кого были небольшие фермы и большие семьи, — они смотрели на военные кампании, в которых их народ был поразительно удачлив, как на желанный источник денег и других средств, дающих им возможность работать на своей земле. Еще не сложился класс торговцев. Знаменитые патрицианские семьи, Фабии, Клавдии, Сципионы, Эмилии и Валерии, образовали сильную военную аристократию, привычную как к опасностям, так и к выгодам сражений. Один из них со всей серьезностью заметил: «В мирное время мы теряем преимущества, которые нам дает война». По традиции они должны были находиться на военной службе, так же как и Фламиний. Римские победы достигались ценой крови и пота, но без слез.

Дисциплина римлян, не равная их боеспособности, на самом деле произрастала из традиционной самодисциплины. Главы семей — отцы — превратились в неоспоримых судей своих

домашних. Еще недавно они правили людьми, не принадлежащими к их кругу, как цари. Поскольку римский гражданин из самого высокого слоя общества имел такие привилегии над людьми из более низких слоев, какие были неведомы никому другому, он руководствовался жесткими стандартами в своем поведении, которые ни во что не ставили человеческую жизнь. Военачальники жестоко наказывали своих сыновей за нарушение дисциплины. Это было больше чем гордость. Это была этика, которую ничто не могло изменить. Это была римская реакция на опасность, а римляне ничего не боялись, пока не сталкивались с реальной опасностью.

Катастрофа на Тразименском озере была воспринята как еще один «черный день», хотя это поражение было пострашнее тех, что случались в прошлом. Парадоксально, однако новость о потере конницы Сервилия, дошедшая через несколько дней, вселила куда больший ужас. Напряженные нервы, казалось, сдали от меньшего несчастья. Женщины, которым не разрешали участвовать в собраниях, подняли отчаянный крик на улицах. Возникли слухи, что город будет эвакуирован при приближении карфагенян.

В кои-то веки народные собрания находились в полном согласии со своими лидерами, сенаторами. Консулы, как все чувствовали, ошиблись в стратегии войны. Ганнибал одурачил Семпрония, Фламиния и Сервилия. Теперь, когда городу грозила опасность, следовало назначить диктатора, способного успешно защитить Рим. Соответственно «они сделали то, чего никогда не делали до сих пор; они избрали диктатора путем всенародных выборов».

Характерно, что объединившиеся группы избрали уже немолодого человека, который давно предупреждал сенат, что война на поле брани коренным образом отличается от споров в сенате, — Фабия Бородавчатого, Медлителя.

Этого главу Фабиев всю жизнь награждали прозвищами. В детстве, когда он был молчаливым и усердно учился, школьные товарищи прозвали его Ягненочком. Вскоре, ненавидимый одними и обожаемый другими, он стал Кунктатором — Медлителем и, наконец, благодаря своим заслугам, получил у римских историков прозвище Максимус — Великий. Молчаливый Фабий, прежде чем решить проблему, должен был хорошенько обдумать ее без чьего-либо вмешательства. В качестве полководца он вывел свирепых лигурийцев из Цизальпинской Галлии. Он отличался безграничным терпением, немилосердной решительностью и тщательно скрываемым тщеславием.

Остановив на нем свой выбор, сенат потребовал от него укрепить городские стены и защитить мосты. Старый Фабий не стал делать ничего подобного. После того как по его приказу децемвиры изучили Сивиллины книги, чтобы понять причину катастрофы, он объявил, что богам не было сделано достойное жертвоприношение. Чтобы искупить вину, необходимо заложить новые храмы, а Юпитеру принести в жертву 300 быков. Такой ритуальный акт покаяния должен был отвлечь простонародье и вселить в людей надежду, что благосклонность богов может изменить все к лучшему! К тому же Фабий впечатляюще продемонстрировал свою новую власть, появившись верхом на коне в сопровождении двадцати четырех ликторов (их было в два раза больше, чем полагалось), которые несли перед ним атрибуты власти.

Потом Фабий спокойным голосом потребовал от города новых налогов и вербовки на военную службу. И того же самого он потребовал от союзников. Когда он отправился верхом на север, чтобы собрать и привести остатки войска Сервилия, он приказал уцелевшему консулу, чтобы тот распустил своих ликторов, сбросил с себя официальную тогу и приблизился к нему, как обычный смертный, пешком.

Больше того, Фабий, как диктатор, потребовал применить стратегию выжженной земли. Куда бы ни двинулись карфагеняне, урожаи везде должны были быть сожжены, скот угнан, а люди ушли. И почти немедленно до него дошли ужасные вести. Армия Ганнибала все выжигала на своем пути. Во время десятидневного перехода через горы Умбрии карфагеняне все жгли и уничтожали, забирая с собой пленных и убивая все мужское население, которое могло пополнить ряды римской армии. (В этом регионе, верном Риму, Ганнибал впервые применил тактику терроризма.)

Новая волна страха прокатилась по городу. Чтобы ослабить ее, Фабий обратился к лидерам. «Почему вы произносите имя Ганнибала с ужасом? Это всего-навсего один человек, который находится очень далеко от Карфагена. При нем осталось не больше трети из той армии, которую он повел за собой через Альпы. Он должен постоянно думать о хлебе насущном. С каждым днем он становится слабее, в то время как мы набираем силу».

Хотя сказанное Фабием было не совсем правдой, что он, должно быть, прекрасно осознавал, его рассуждения были правильными. Время работало на римлян. И Фабий решил любой ценой выиграть время.

Действия Ганнибала удивляли лидеров сената. Почему этот победоносный карфагенянин направился в сторону от Рима, на восточное побережье, где были бедные земли, где нет гаваней,

мало городов, а люди находятся почти вне сферы влияния Рима?

Фабий не стал искать ответы на такие вопросы. Оставив большинство своих опытных военачальников на Тибре, где они должны были готовить новую и более многочисленную армию, он устремился со своим отрядом на восток, чтобы перехватить Ганнибала и следить за его действиями.

Фабий выступает против Ганнибала

В то лето карфагеняне восстанавливали силы в гористой местности на Адриатике. Жители Пицентина не задумывались о том столкновении, которое происходило на западе, и все они, кроме римских землевладельцев, воспринимали приход карфагенян как некий поворот непредсказуемой судьбы. Преодолев за последние 15 месяцев путь в 1800 миль, карфагеняне были рады отдохнуть в лагере. Лекари выхаживали больных лихорадкой. Ослабевшие лошади были отправлены на пастбища, а паршу, возникшую у них из-за недоедания, лечили втирая в кожу крепкое вино.

Ганнибал занялся восстановлением своей армии. Кустарное обмундирование заменили римским, так же как кольчуги и наколенники. Большую часть трофейного оружия Ганнибал продал греческим купцам. Щиты можно было передать галлам, которые были хорошо знакомы с римским оружием и римской военной тактикой. А испанцы предпочитали свои обоюдоострые мечи прямым, похожим на обрубки, мечам латинян.

Вооружив своих воинов, Ганнибал начал обучать их новой тактике, как делан когда-то с дикими кельтиберами. Он хорошо постиг римскую тактику и больше не нуждался в советах своих опытных военачальников. Конница была оснащена более тяжелым вооружением и разбита на более мобильные отряды по 500 и 150 единиц. Особое внимание Ганнибал уделил неуправляемым нумидийцам, передав их под неусыпное наблюдение Магарбала, а возможно, удалив таким способом Магарбала от крайне важной африканской тяжеловооруженной пехоты.

Еще до окончания обучения Ганнибал не спеша двинулся вдоль побережья, к югу, в Апулию. Появившиеся на горизонте воины Фабия наблюдали за передвижением карфагенян. Они старались держаться на высоких горных кряжах, укрепляясь каждую ночь. Хотя римляне этого нового отряда часто в полном составе совершали вылазки, чтобы отогнать конные дозоры Ганнибала, они не спускались в открытые долины, не навязывали и не принимали боя.

Понаблюдав за ними несколько дней, Ганнибал вдруг сказал:

— Мы выиграли войну. Боевой дух римлян сломлен.

Возможно, как это часто бывает, он сказал это, чтобы воодушевить своих военачальников. Но в тот момент этот карфагенянин мог вкладывать особый смысл в свои слова. Его главной целью было сломить волю и силу римлян перед войной. И он почувствовал изменения в духе отряда, который видел перед собой.

Ганнибал двинулся к югу, на высокую равнину у сходящихся дорог вблизи Лучерии (Лучеры). Его конники пасли лошадей, явно не обращая внимания на неприятеля. Фабий наблюдал за ними с дальнего кряжа. Карфагеняне продолжали опустошать земельные владения римских землевладельцев, не причиняя вреда деревням, достаточно бедным в этой области. Они даже набрали рекрутов среди голодающих охотников и пастухов. Римляне продвигались вдоль кряжей, где не могли быть подвергнуты атаке.

«Финикийцы дразнили своего врага, опустошая поля на его глазах; они быстро шли вперед, а потом устраивали засаду где-нибудь за поворотами дороги».

Фабий знал об этих ловушках, ведя разведку. Каждую неделю увеличивалось количество легионов, тренировавшихся в его тылу, в Риме. Во время одного из их взаимных маневров Ганнибал пересек небольшую реку Офид вблизи деревни под названием Канны. Он знакомился со здешней сельской местностью, но при этом предпринимал нечто, не замечаемое римлянами, нечто, ускользнувшее от их наблюдения.

В секретные планы карфагенян было не так легко проникнуть. Ганнибал никогда не составлял к ним письменные комментарии, и его планы можно было понять только из последующих событий.

Во-первых, в разгар этого лета на Адриатике он возобновил контакты с морем и Карфагеном. Небольшие галеры сновали из Африки, мимо римских кораблей к не имеющей гавани Пицентине. По-видимому, там Ганнибал продавал своих тразименских пленников работорговцам с Востока. Впервые пленные легионеры, скованные цепями, появились в греческих портах, и это должно было вызвать некоторый переполох. Следом за ними Ганнибал, конечно, отправил через Адриатику посланцев к Филиппу, царю Македонии, хозяину далматинского побережья, который недавно оказал сопротивление римской оккупационной армии. Карфаген предложил Македонии объединить усилия в борьбе против Рима.

Во-вторых, Магон, младший из братьев Баркидов,

присоединился к Ганнибалу на Адриатике. Он привез с собой долгожданные новости из Испании. Братья Публий и Гней Сципионы действительно высадились там, но к северу от Эбро (там Ганнибал ожидал римлян в начале войны), где воинственные северные испанские трибы встретили их с оружием в руках. Гасдрубал наблюдал за этим из достаточно удобного места — из Нового Карфагена. По-прежнему неприятельский флот рыскал около Испанского побережья и Литиусских островов.

А самое главное, боевой флот, насчитывающий 70 кораблей, вышел из Карфагена. Он перехватил конвои, шедшие в Испанию, и даже подходил к западному побережью Италии. Однако он появился в Пизе слишком поздно, чтобы встретиться с армией Ганнибала, которая шла от болот к Тразименскому озеру. В ответ римляне приказали сильному флоту из 120 квинкверем (под командованием пониженного в должности Сервилия) покинуть базу в Сицилии, обогнуть Корсику и Сардинию и найти карфагенян, покинувших берега Африки.

Прояснившаяся картина не воодушевила Ганнибала. Два Сципиона на реке Эбро отрезали линию связи, которую он надеялся наладить с Испанией. Хотя сам он находился сейчас не более чем в 400 милях от Карфагена (почтовые голуби прекрасно могли летать туда и обратно), сильный римский флот перекрывал этот путь с моря.

Эта картина Средиземноморья никогда не выходила у Ганнибала из головы. Она сразу стала его величайшей надеждой и беспокойством. Он не питал иллюзий, что Карфаген (город, имевший одну десятую часть живой силы латинян) может соперничать с Римом по своим ресурсам, даже если они будут мобилизованы полностью. Но баланс сил мог измениться, поскольку зависел от такой нестабильной составляющей, как море. Если бы можно было завладеть испанскими рудниками и добавить к этому леса Корсики, зерно Сардинии и разнообразные богатства Сицилии, тогда бы чаша весов карфагенян пошла вверх, а римлян — соответственно вниз. Таким образом, короткая вылазка боевого флота из Карфагена вселила надежду, но и принесла разочарование.

Примерно в это же время секретные агенты сновали из Карфагена в Сиракузы — цитадель Сицилии, а со стороны Ганнибала Карталон внедрил свою шпионскую сеть в Рим.

Ганнибал повел свою армию на запад, к плодородным полям и окруженным стенами городам Кампании, где находился Неаполь — оживленный порт, обслуживающий это побережье. Ему не удалось вызвать Фабия на битву. Вместо этого он сам попал в расставленную Фабием ловушку.

Армия быков

Южная Италия представляет собой естественный лабиринт узких долин и коварных ущелий, по которым обычно текут горные ручьи и которые редко ведут к равнинам. Отроги Апеннин спускаются мысами к морю. Даже пляжи не могут предложить ничего, кроме береговых откосов. В последней мировой войне Пятая и Шестая американские армии (при наличии современных самолетов и моторного транспорта) оказались в условиях, когда на всем протяжении от пляжа в Салерно до горы Монте-Кассино путь им преграждали реки в ущельях и остроконечные скалы.

При таких обстоятельствах римской армии было сравнительно легко прокладывать себе путь поверху, но совсем иначе приходилось карфагенянам, старавшимся продвигаться по долинам. Как правило, города располагались на небольших возвышенностях над извилистыми реками и были окружены каменными стенами. К тому же карфагенянам пришлось столкнуться с языковой проблемой, поскольку люди здесь не понимали ни латыни, ни греческого.

Однажды той осенью карфагенские военачальники попросили местных проводников отвести их в долину города Касина (окрестности монастыря Монте-Кассино в наши дни). Проводники неправильно поняли название по тому, как его произнесли Карфагеняне, и привели их в город Касилин, расположенный в лабиринте долин. В попытке выбраться из этого лабиринта карфагеняне попали в долину, которая перешла в узкое ущелье с крутыми стенами. Здесь армия остановилась со своим длинным обозом трофейных грузов в ожидании, пока разведчики изучали дорогу, лежащую впереди.

Все это увидели римляне со своих высот. Римские военачальники, которыми руководил Минуций, начальник конницы, разозлились на сдерживающего их Фабия, который заставлял их только наблюдать за тем, как карфагеняне вывозят их богатства. Их растущий гнев не утихал, и они требовали у своих родственников с семи холмов положить конец походу их врага, «этого подонка общества, бесчеловечного в своей жестокости, питающегося плотью своих врагов». Как обычно в таких случаях, о «пунических зверствах» было больше известно на улицах Рима, чем на холмах Кампании. Но военачальники были достаточно злы на то, что их вынуждали вести кампанию вопреки древнему духу римлян. Фабия уже прозвали Медлителем.

В этот день Фабию пришла в голову мысль устроить карфагенянам на Тразименском озере ловушку. Его военачальники были отправлены действовать, соблюдая

осторожность. Часть двух легионов, примерно 4000 человек, спешно переместилась в дальний конец ущелья, чтобы закрыть выход, в то время как основные силы спустились на командную высоту у входа. Здесь они укрылись. На закате карфагенян настигли при входе в долину.

Ганнибал узнал об этом от своих разведчиков. Все повторялось, как с аллоброгами, за исключением того, что римляне не станут ни оставлять свои посты с наступлением темноты, ни вести бесполезные переговоры. Ганнибал приготовился совершить обходной маневр, которого не ждали его враги. Он видел, как это делалось в горах Испании. Погонщикам скота было приказано вывести большое количество быков, может быть тысячу, к началу долины, прикрепить вязанки хвороста или сосновые ветки к их рогам и ждать. Воинов накормили и разрешили им лечь спать.

В середине ночи Ганнибал объединил погонщиков скота с небольшим отрядом кельтиберов, привычных к холмам. Быков погнали вверх по крутому откосу долины. Испанский отряд нес с собой огонь, и после того как быки забрались на откос, начал поджигать хворост, привязанный к рогам животных, и с дикими криками погнал их вперед.

Когда огонь разгорелся, быки бросились напролом через кустарник и деревья. Римские посты наверху, у выхода из долины, увидели сотни горящих факелов (так это выглядело) и услышали топот множества ног, бегущих по склону на некотором расстоянии от них. Они бросились в этом направлении в темноте, и были, вероятно, немало обескуражены, увидев мчащихся вниз животных и услышав издевательские выкрики людей. Продолжая бежать вперед, они попали под град метательных снарядов. Карфагенскую армию они не нашли.

Эта армия благополучно прошла по низу ущелья. К рассвету конец колонны карфагенян миновал высоту, на которой римляне бросили свои посты. Ганнибал побеспокоился о том, чтобы сильные отряды вернулись за испанскими застрельщиками, которые обратили легионеров в беспорядочное бегство.

Внизу, у входа в долину, римляне наблюдали за тем, как факелы неслись по холмам, и были слишком ошеломлены, чтобы предпринять какие-то действия. Во всяком случае, Фабий не стал отдавать приказ, чтобы они бросились вперед в ночном переполохе. Когда загадка была разгадана, его военачальники осудили Фабия за бездействие.

В Риме история о том, как ускользнул Ганнибал, вызвала новый взрыв возмущения против Медлителя. Фабий не обращал внимания на все эти разговоры, но к концу года его вызвали в

Рим, якобы для участия в обряде ритуального жертвоприношения, а на самом деле это был ответ на критику его действий в сенате.

Уезжая, Фабий наказал своему помощнику Минуцию ни при каких обстоятельствах не давать втянуть себя в сражение с Ганнибалом.

«Не видать ему никакого мира в Италии»

Великая битва при Каннах началась не в то фатальное утро третьего дня августа 216 года до н. э. Начало ей было положено задолго до того в мыслях Ганнибала и тогда, когда Рим послал в Канны свои неодолимые силы.

Минуций Руф был молод, принадлежал к рыцарскому ордену (всадническое сословие) и к сенатской группировке Эмилиев — Сципионов, антагонистической чванливым Фабиям. Его военачальники разделяли отвращение Минуция к беззубой медлительной тактике старого диктатора. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Минуций воспользовался первой же возможностью, которую Ганнибал предоставил неугомонным римлянам. Фланг их кавалерии, гнавший передовых конников пунийцев, натолкнулся на одном из холмов на сторожевой отряд карфагенян. Римляне вступили в неистовую схватку, а когда Минуций подоспел со свежими силами, карфагеняне были почти выбиты со своих позиций. На следующий день римляне обнаружили, что защитники покинули холм. Ганнибал отступил. (Этот эпизод примечательно напоминал первоначальный успех Семпрония при Треббии.)

Естественно, Минуций в восторженных выражениях доложил об этом, и это вызвало бурю восторгов на улицах Рима, где до тех пор население постоянно слышало только о катастрофах. Люди пришли к совершенно логичному заключению, что как только Фабий покинул армию, она, атакуя, добилась победы. Сам Фабий заявил, что боится такого успеха больше, чем любой напасти.

В свою очередь Минуций был вызван для консультаций и в награду был назначен вторым диктатором. Это был беспрецедентный в истории случай, когда одновременно существовали два диктатора, что привело к неизбежным сложностям. Фабий, по своему обыкновению, возражать не стал. Он просто спросил Минуция, хочет ли его новый коллега совместно командовать всей армией или единолично командовать ее половиной. Минуций предпочел единоличное командование. Когда они вернулись на поле брани, оба их войска вышли по следу Ганнибала к повороту на Самний, где Минуций

снова атаковал и был вовлечен в тяжелую схватку, из которой его вывел Фабий, предпринявший быстрый марш через реку на место события. И снова Ганнибал отступил с позиций, выжидая.

Оба диктатора вернулись в свой лагерь в горах. Времени было достаточно, но тут, по неумолимому требованию закона, власть диктатора кончилась. Результатом ежегодных выборов должно было стать назначение двух новых консулов.

Говорят, что Ганнибал тогда сказал: «Это облачко, возникшее на горизонте, в конце концов обернется бурей». Если это было действительно так, его слова можно истолковать по-разному. Его действия в это время представляют для нас загадку. Может быть, он привык к тактике Фабия? Навряд ли. Может быть, он понял во время второй военной зимы, что, как это открыл до него Пирр, он, возможно, никогда не будет в состоянии истощить безграничные ресурсы своего врага? Не подумывал ли он о том, чтобы пойти на компромисс, заключить мир и вернуться в Испанию? В Риме Фабий провозгласил: «Не видать ему никакого мира в Италии». Тем временем римский флот завоевывал позиции на Адриатике. На суше Ганнибалу не удалось привлечь на свою сторону никаких союзников Рима. Численность его армии, составлявшая 35 000 человек на Тразименском озере, возможно, возросла до 40 000, но не более. Армия, которую мобилизовал Рим, была значительно больше. И эта армия стала мишенью Ганнибала.

Что бы ни замыслил сын Гамилькара, он держал свое собственное войско в целости и сохранности, в то время как медленно продвигался по землям ближайших союзников Рима. Нужный ему провиант он находил у них. И по мере приближения конца зимы этот поиск провианта привел его на римские военные склады, где хранилось зерно. Его пассивность, загадочная для нас, удивляла и его врагов. До Рима дошли слухи, что Ганнибал планировал отойти к дружелюбным цизальпинским галлам.

Более того, недостаток в продовольствии стали испытывать и римляне, в результате того, что карфагеняне опустошали их поля. Самый надежный союзник Рима, Гиерон Второй, стареющий тиран Сиракуз, послал в дар сенату зерно и статую Победы, на которую пошло 220 фунтов золота. Обычно, из соображений престижности, сенат, как глава Римской империи, отказывался принимать такие подарки от менее значительных союзников, но в этом случае сенат принял и золотую статую, и зерно. Граждане, которым приходилось довольствоваться скудным рационом, начинали терять терпение, а они были избирателями.

В то же время гневные протесты посыпались со стороны обычно молчаливых самнитов, которые подвергались ограблению

карфагенянами, в то время как сам Рим и обширная область Лациум оставались нетронутыми. Послы самнитов, неразговорчивые мужчины, обнаружили в Риме большую промышленную активность в районе Виа Сакра, где наемные ремесленники обогащались, изготавливая военное снаряжение для огромной новой армии. Здесь были замечены даже владельцы судов, проходившие через Форум в сопровождении толп прихлебателей. Театры и излюбленные места отдыха еще никогда не были такими переполненными, как во времена этой бурной деятельности в военное время.

Гнев самнитов разделяли плебеи, семьи которых страдали от голода. Эти плебеи толпились вокруг уличных трибун, возмущенно вопрошая, почему патриции, которые развязали войну, не предпринимают никаких усилий, чтобы закончить ее. Влиятельное движение «Земледелие и Италия» выставило на каждой трибуне по оратору, которые жаловались на то, что сельское хозяйство и сама Италия больше всего пострадали от вторжения Ганнибала. Среди ораторов-политиков самым популярным оказался, пожалуй, некий Теренций Варрон, человек новый.

Варрон не отличался особыми способностями, но он нравился толпе. Он умел говорить. «Сенаторы-фабианцы говорят нам, что их цель — уберечь республику, но, уберегая, они удерживают нас от обуздания Ганнибала». Отсюда был один шаг до обвинения лидеров в затягивании войны и заявления, что он, Гай Теренций Варрон, положил бы ей конец при первой возможности. И всего один шаг от того, чтобы пообещать, что если бы командовал он, то сделал бы все, чтобы добиться победы в тот же день, как он предстанет перед ненавистными пунийцами.

Это было именно то, чего хотели народные собрания. Варрон стал плебейским консулом, пришедшим на смену диктаторам во время ежегодных выборов.

Когда в новом году обратились к предзнаменованиям, все увидели, как кровоточат изображения богов войны, — это был знак, что сами боги призывают людей взять в руки оружие.

К тому же выборы патрицианского консула были отложены из-за недвусмысленных споров между группировкой фабианцев с ее политикой войны на истощение и партией Эмилиев — Сципионов с ее политикой полной мобилизации, нацеленной на то, чтобы победить врага. Варрон (уже избранный), отец которого занимал видное положение в торговле мясом, поддерживал группировку Эмилиев, обладавших большим влиянием в этой отрасли.

Фабий неустанно сражался со своими оппонентами. Но

Медлитель полностью утратил поддержку народа и лишился последователей в сенате, когда пришло сообщение о том, что Ганнибал опустошал поля, но не тронул землевладений Фабия, в то же время разграбив все вокруг.

После этого Медлителю пришлось уступить под давлением общественного протеста. И случилось так, что вторым, патрицианским консулом был выбран Эмилий Павл, пожилой человек знатного происхождения, который с большой неохотой занял этот пост, означавший, что он должен предпринять все, чтобы закончить войну.

Эмилий Павл был одним из тех пяти послов, которые приезжали в совет Карфагена с сообщением о том, что Рим начинает войну. Стало быть, он в состоянии закончить ее. Говорят, что Фабий предупреждал Эмилия: «Ты еще убедишься, что Теренций Варрон более опасный враг, чем Ганнибал».

Воинственные настроения воцарились во всех слоях римского общества летом 216 года до н. э. Свыше ста сенаторов оставили свои посты, чтобы влиться в легионы. Рыцарский орден полностью вступил в кавалерийские декурии. Добровольцы из низших классов надеялись захватить в карфагенском лагере богатые трофеи и новых рабов. Общая численность новой армии возросла до 85 000 человек, более половины из которой приходилось на долю свежих рекрутов.

Даже военные советники сената наконец согласились перейти в наступление. Они подчеркнули, что в битве при Треббии легионы не были сломлены, в то время как у Тразименского озера они были не в состоянии даже сохранить боевой строй. Новая супер армия из восьми легионов, самая крупная в истории Рима, совместно с союзными войсками не могла не одержать победу в традиционном римском бою с мечами и щитами. Потребуется, конечно, положить много жизней, но Ганнибал не сможет выдержать такого кровопролития. К этому времени римские военачальники знали все уловки Ганнибала. Никакие хитрости пунийцев не могли вывести из строя восемь легионов на твердой земле открытого пространства средь бела дня.

Никто не был так полон решимости, как Минуций, который должен был возглавить командование. Сейчас на него смотрели как на человека, имеющего самый большой опыт для борьбы с Ганнибалом. Среди молодых и неискушенных представителей общества Публий Корнелий Сципион, который помогал своему раненому отцу при Треббии, забыв о политических разногласиях, поступил на военную службу в качестве трибуна.

Небольшой инцидент напугал эту добровольную армию, когда она продвигалась, чтобы присоединиться к армии

ветеранов. До Рима дошло известие о том, что Ганнибал разграбил еще одно армейское зернохранилище, на этот раз в полуразрушенной деревне Канны, на дальнем Адриатическом побережье. Не бог весть какое событие, но сенат, а также народные собрания не могли позволить этому карфагенянину хозяйничать в Италии хотя бы еще одну неделю. Сенат приказал всем войскам объединиться и выступить против Ганнибала. Новые консулы должны были взять на себя командование.

После ухода новой армии все сообщения, приходящие с востока, должны были немедленно передаваться в сенат, а оттуда — толпам, собиравшимся у трибуны римского Форума.

Первые сообщения обещали удачу. Новые отряды, напав на карфагенский сторожевой лагерь, нашли там огромное количество серебряных и ювелирных изделий, которые лежали в брошенных палатках, словно дожидаясь того, чтобы их забрали римляне. Костры, на которых готовили пищу, все еще горели, и воодушевленные легионеры, вырвавшись из-под контроля военачальников, бросились в погоню за ненавистным врагом.

Набег похожих на привидения нумидийских всадников был отбит удачно, и войска консулов, Эмилиана и Варрона, выступили вслед за этими всадниками.

Две римские армии объединились, преследуя Ганнибала. При их приближении он оставил свой лагерь, чтобы отступить через реку Офид.

Здесь, на открытой долине у Канн, консулы оказались в непосредственной близости от него.

Это было в третий день августа.

Невидимые высоты

Один из свидетелей видел Ганнибала, стоявшего на рассвете рядом с любимым конем. Это было на холме — самой высокой точке равнины. Ветер трепал его легкую накидку и длинную гриву боевого коня. Ветер дул Ганнибалу в спину, с запада. Местные жители называли этот ветер «волтурном». Это был обжигающе горячий пыльный ветер.

Со своего поста Ганнибал мог обозревать всю серую равнину, от которой было не более трех миль до Адриатики. Между ним и побережьем медленно продвигалась длинная цепь римских легионов, следуя за застрельщиками. В этой цепи шла, шеренга за шеренгой, дисциплинированная пехота, продвигаясь медленно, чтобы держать ровный строй когорт. Когда солнце прорезалось сквозь мглу, стало возможным различить по концам цепи

всадников — неизменный штурмовой отряд римской армии. Отблеск металла на правом фланге римлян свидетельствовал о том, что тяжелая кавалерия переместилась туда. Эти закованные в броню всадники фактически заполняли все пространство между арьергардом легиона и извилистой рекой, через которую Ганнибал решил переправить свой последний лагерь в долину у Канн. Поселение с его каменными домами находилось на крутом взгорье между окончанием карфагенского строя и рекой. Оно было необитаемо и являло собой препятствие для продвижения римской тяжелой конницы.

Как только начало светать, Ганнибал приказал, чтобы его собственная тяжелая конница (лучшие испанские и африканские всадники) неспешным аллюром двинулась туда под командованием Ганнона, сына Бомилькара, который был прирожденным воином.

Ганнибал редко надолго выпускал из поля зрения этих всадников Ганнона, которые ждали сейчас под прикрытием холма у Канн. К этому времени рядом с ним на холме напротив Канн оставалась только небольшая группа младших военачальников и нарочных. Все они следили за передвижением время от времени скрывающихся в облаках пыли легионов, не веря своим глазам.

Один из них, по имени Гискон, покачал головой и сказал:

— Просто невероятно видеть сразу такое множество людей.

Ганнибал, повернувшись, взглянул на Гискона и взволнованные лица вокруг и заговорил:

— Я скажу вам еще более невероятную вещь.

Все посмотрели на него в ожидании, удивляясь тому, что он улыбается в такой момент.

— Среди всего этого множества людей нет ни одного человека по имени Гискон.

Тут все засмеялись, в том числе и Гискон, и не только потому, что знали, что он не отличается особой сообразительностью, но и потому, что Ганнибал был в состоянии шутить. Напряжение спало. Когда нарочные спешно отправились передавать послания, они рассказали об этой шутке конюхам и водовозам.

— Представляете, латинян десятки тысяч, но среди них нет ни одного Гискона.

Потом свидетель ушел с того холма, на котором продолжал стоять и наблюдать за происходящим Ганнибал. Карфагенянин терпеливо ждал, пока не пройдет растянувшаяся на милю колонна врага, дисциплинированная и вооруженная. Колонна шла под градом камней и дротиков карфагенян. Из ее первых рядов тоже замелькали дротики — мириады парящих игл. Ветер

доносил звуки далеких барабанов. Шум нарастал по мере того, как легионы приближались к карфагенянам, которые молча поджидали их. Казалось, что масса римлян неизбежно прорвет жидкий строй карфагенян, на каждого из которых приходилось трое врагов.

Когда войска сошлись, Ганнибал отдал приказ. Слуги бросили горящие факелы в костер из веток и сухой древесины. Ветер разносил густой черный дым. Этот дым был виден на расстоянии двух миль, где возле Канн ждал Ганнон со своей тяжелой конницей.

За этой картиной начала битвы скрывались факторы, невидимые глазом. Те военачальники, которые привели карфагенскую армию из Испании за два года до того, все еще занимали свои посты. Они подчинялись приказам только одного человека — Ганнибала.

Военачальники римлян не знали друг друга. Эмилий, опытный, но нерешительный, командовал правым крылом конницы. Два бывших консула, одним из которых был Сервилий, руководили многочисленной пехотой, занимавшей центр. Варрон, самый неопытный среди всех, отвечал за более слабых союзнических всадников на левом фланге. Никто не контролировал десятки тысяч воинов, продвигающихся вперед.

Этот несгибаемый римский строй шел прямо на врага, потому что не знал никакой другой тактики. Он мог нанести сильный удар, но не был способен маневрировать. Когда знаменосцы двинулись вперед, воины последовали за ними. Было трудно разглядеть что-то впереди из-за пыли и ветра в лицо.

Впереди были карфагеняне, больше не собранные в группы по национальному признаку. Ганнибал перестроил свою армию, разбив ее на тактические группы. Только нумидийцы, которыми железной рукой командовал Магарбал, по-прежнему были вместе. Тяжелая конница состояла из испанцев, африканцев и частично галлов, которых обучили действовать в штурмовом отряде. Он стал теперь ударной силой армии.

Центр строя, должный быть наиболее сильным звеном, был теперь самым слабым. Его составляли легковооруженные галлы, кельтиберы и ливийцы. По обе стороны от этого слабого центра располагались мощные каре африканской тяжеловооруженной пехоты в отличных римских доспехах. Каждый квадрат занимал небольшую возвышенность на равнине, с тем чтобы, когда начнется сражение, африканцы стояли отдельно и были выше сражающихся рядов.

В этой схватке испанцы и галлы, занимавшие центр, были отброшены назад сильным римским центром. Отступая,

сопротивляющиеся карфагеняне оказывались на более высоком месте, поскольку равнина в этом месте переходила в долину. Долина, в которую были оттеснены карфагеняне, имела форму буквы «V», на верхушках которой намертво стояли тяжелые африканские каре.

Римский центр, прорвавшись сквозь завесу пыли, оказался запертым между сужающимися откосами, где на него обрушился неуловимый враг. Легионы, напирая, входили в эту букву «V», сминая друг друга. Вскоре только воины с каждой стороны первого строя были способны воспользоваться своим оружием. Те, кто находился в середине, могли только толкать своих товарищей. К исходу второго часа все легионы вошли внутрь этой буквы «V». Казалось, что перед ними качнулись две огромные створки дверей, висящих на петлях, которые крепко держала тяжелая африканская пехота. Легионы на флангах повернулись, чтобы атаковать африканцев. К этому моменту они страдали от жажды и устали от жары.

«Им не повезло вдвойне: они попали в окружение врагов и были измотаны, в то время как перед ними стояли те, кто сохранил свежие силы».

Таким образом, в полдень центр боролся за овладение окружающими высотами, не замечая того, что творилось вокруг. Здесь не было военачальника, который мог бы увидеть всю картину сражения, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность.

С дальней левой стороны от карфагенян, увидев дымовой сигнал, вырвалась вперед тяжелая кавалерия Ганнона. Она устремилась галопом к флангу, занятому римской конницей. Здесь, под командованием Эмилия, римляне передвигались мелкой рысью между пехотой и рекой. Захваченные в медленном движении, они не смогли перестроиться на берегу. Их узкий фронт не выдержал натиск более многочисленной кавалерии.

Карфагеняне вынудили римскую конницу отступить. Эмилий, отброшенный с частью своих людей к ближайшему легиону, приказал уцелевшим воинам спешиться и встать в строй на фланге легиона. Это еще больше усилило сумятицу, поскольку оказавшиеся без седоков лошади замешались в строй легиона. Сам Эмилий упал, раненный пращником, но отказался покинуть поле боя. После этого он недолго оставался в живых.

Наступление кавалерии Ганнона продолжалось. Она отбросила тяжелую римскую конницу назад, к месту впадения реки в море. Остатки отряда Эмилия обратились в бегство.

Ганнон выполнил первую задачу. Теперь он взял свою

конницу под контроль, чтобы выполнить вторую. Задача эта была почти фантастическая — продвинуться на другой фланг, охватив римский легион с тыла.

На этом фланге, недалеко от наблюдательного пункта Ганнибала, нумидийцы выстроили конницу союзников в привычном для себя порядке для быстрой атаки и отхода, так, чтобы всадники могли метать копья обеими руками, управляя своими быстрыми лошадьми при помощи колен. Карталон умышленно внес сумятицу: особый отряд в пять конных сотен поскакал к Варрону, словно намеревался дезертировать к римлянам. Ворвавшись в расположение Варрона, мнимые дезертиры выхватили спрятанное оружие и бросились в атаку. В это же время обманутое ложным маневром врага крыло Варрона было атаковано с тыла победоносными испанцами Ганнона. Подобная неожиданность должна была выбить их из колеи не меньше, чем потрясение после атаки тяжелой конницы карфагенян.

Зажатая между окружавшими ее нумидийцами и напавшим с тыла врагом, кавалерия римских союзников попыталась пробиться на открытое пространство. Она отступила с поля боя. Отступление перешло в бегство. Варрон полностью потерял контроль над своими эскадронами. Его увлекли за собой немногие оставшиеся при нем соратники.

«При Каннах с тем консулом, который спасся бегством, находилось не более пяти десятков людей; с другим консулом, умирающим, была почти вся армия».

К полудню между горным кряжем, на котором расположены Канны, и холмом, где стоял Ганнибал, не осталось ни одного римского всадника. Только римские легионы, сбившись в плотную массу, еще пытались сопротивляться.

И тогда в битву в третий раз вступила карфагенская тяжелая кавалерия. Она вихрем налетела с тыла на легионеров и врезалась в беспорядочную толпу пеших солдат. Магарбал повел нумидийцев в обход, чтобы отрезать пути отступления к реке.

Легионеры, которых еще оставались десятки тысяч, были окружены. Зажатые в низине, между карфагенянами, занявшими кряж, и всадниками, рассыпавшимися на всем пространстве от реки до моря, они восстановили строй, чтобы прорваться. Рельеф местности был против них, скорость грозных всадников была против них. Возможно, к тому времени их собственная слабость оказалась их самым главным врагом.

Колонны выстроились в когорты и встали под свои знамена. Они сражались храбро, но без всякой надежды на успех. К концу дня большая часть из них уже полегла на той равнине, на которой

они начинали свою атаку. Две тысячи воинов укрылись в руинах Канн. Там они были окружены всадниками Магарбала и сложили оружие. Все остальные беглецы были уже далеко от реки, пытаясь спастись от преследования конницы.

Перед закатом Ганнибал объезжал на коне равнину. По дороге к нему присоединялись военачальники. Они, ликуя, рапортовали о полной победе. Ганнибал видел доказательства успеха и собственными глазами. Огромная армия Эмилия и Варрона распалась на мелкие отряды беглецов. Военачальникам Ганнибала победа казалась почти невероятной.

Ганнибал потребовал отыскать раненых карфагенян и отнести их в палатки лекарей. Услышав о том, что один из римских консулов убит, он отдал приказ найти его тело и похоронить надлежащим образом, вместе с оружием и знаками отличия.

Соратники умоляли Ганнибала отдохнуть. Ганнибал распорядился приготовить хорошую трапезу — из всех припасов, которые были в распоряжении у поваров, — с вином для воинов всех рангов.

Тут слово взял Магарбал. Этот ветеран, воевавший еще при Гамилькаре, ненавидел все римское.

— Ганнибал, через пять дней ты сможешь пировать в Риме, — пылко произнес он. — Мои конники опередят тебя, и римляне узнают о твоем приближении до того, как ты появишься в городе.

Ганнибал взглянул на своего полководца:

— Это легко сказать, хоть и приятно слышать. Но до этого еще далеко.

Магарбал сердито воскликнул:

— Ганнибал, боги наделили тебя многими достоинствами, но не всеми. Ты знаешь, как одержать победу, но не знаешь, как ею воспользоваться!

Ганнибал не ответил ветерану. Он повторил приказ накормить всех людей. Потом, в конце своей инспекционной поездки, вернулся на холм, чтобы поспать под охраной караульных.

На следующий день в Каннах

Сын Гамилькара привел огромную римскую армию к роковому концу почти незаметными шагами. Он прокладывал к этому путь от карфагенского сторожевого поста, покинутого в явной спешке, до броска быстрых мавританских всадников к карфагенскому лагерю, который он переместил в последний

момент ближе к выбранному им полю битвы, на котором сезонный ветер сирокко дул в спину карфагенянам, а за спинами врагов находился берег. По иронии судьбы (как окажется потом) в Каннах его войска оказались между римлянами и их городом. Как и у Тразименского озера, в тылу у врагов оказался водный рубеж, но Адриатика была несравненно больше, чем озеро.

Римские военачальники, горящие нетерпением вызвать карфагенян на борьбу, слепо преследовали его и развернули свой строй в последний день почти так, как если бы их действиями руководил Ганнибал. Говорят, что один из консулов, Эмилий, противился переправе через Офид и выходу на открытую равнину, где карфагенская конница могла маневрировать как ей заблагорассудится. Однако он сделал это.

Спустя много времени, когда в дни ранней империи начали переписывать историю, козлом отпущения в этой катастрофе сделали Теренция Варрона, «демагога и сына мясника». Объяснение: поскольку два консула командовали через день, а в тот день главным был Варрон, он настоял на том, чтобы вступить в бой, вопреки воле Эмилия. Эта легенда существует и поныне, благодаря красноречию Ливия. Никто не задался вопросом, как видно, почему восемь римских легионов последовали приказу такого олуха. На самом деле Варрон был достаточно здравомыслящим человеком. Он довольно успешно командовал в последующие годы одним легионом. Если уж винить кого-то лично, то вину эту должны разделить и военачальники Эмилия. И Эмилий Павл, и Сервилий, и Минуций — все они были опытными командирами, в то время как Варрон таковым не являлся. Тем не менее они все трое пали в бою при Каннах.

И они, и Варрон просто выполняли приказ сената и волю римского народа — положить конец разрушительным действиям Ганнибала и заставить его вступить в решающий бой. Но такого не могла заявить официальная история времен военного величия. Варрона сделали козлом отпущения за поражение римлян, как еще раньше другого человека из народа, Фламиния.

Поражение при Каннах имело-далеко идущие последствия. Свыше 50 000 римлян полегли на поле боя. Попало в плен около 3000 пехотинцев и 1500 кавалеристов. Из 33 военных трибунов погибло 29; кроме того, погибло 80 сенаторов и большинство преторов. Исчезло почти все всадническое сословие. (Когда в Риме снова собрался сенат, пришлось заполнить экспромтом 177 вакантных мест.)

На следующее утро стали ясны размеры катастрофы: «… кровавая бойня, ужасное зрелище, даже если речь идет о наших врагах. Там лежали тысячи римлян, лежали беспорядочно, так,

как свел их всех вместе случай. То тут, то там виднелись окровавленные тела. Одних находили еще живыми с перерезанными сухожилиями на ногах. Другие лежали с открытыми ранами на горле, приглашая победителей осушить последние капли их крови».

Карфагеняне потеряли 5710 человек убитыми и ранеными.

Сначала до Рима дошли слухи. Как обычно, эти слухи разносили очевидцы из числа гражданского населения или путники, которые либо видели, либо слышали нечто ужасное. В самом городе оставалось мало официальных лиц, поскольку большинство из них ушло с армией. Люди начали собираться у ворот и храмов, из домов высыпали на улицы встревоженные женщины.

Фабий, бывший диктатор, немедленно взял на себя руководство и назначил двух преторов, чтобы они восполнили недостающий кворум сенаторов и судей. Он отправил нарочных на юг и восток, чтобы они разыскали военачальников, узнали, насколько правдивы слухи, и доложили об этом преторам. Первые нарочные вернулись с невероятной новостью: *не было обнаружено ни одного лагеря; не было никакого армейского командования; больше не было никакой армии*.

Вероятно, никто, кроме Квинта Фабия Максима, не мог постичь случившуюся беду и что-то предпринять в течение одного часа. Первым его действием было обуздать растущую панику и восстановить хоть какой-то порядок в городе. Уличные стражи получили указание: «Не пускать замужних женщин на улицы — пусть остаются в своих домах. Сохранять на улицах тишину. Доставлять распространителей новостей прямо к преторам. Каждый гражданин должен ждать у себя дома касающейся его информации».

Почти в каждой семье кто-то из родных или близких находился в исчезнувшей армии. Никому не было разрешено отлучаться из города, и у всех ворот появились стражники, чтобы предотвратить бегство охваченных страхом семей. Фабий не оглашал списки потерь, которые поступили к преторам, пытаясь сохранить призрачную иллюзию безопасности в пределах городских стен. Он снова взывал к сверхъестественным силам, чтобы отвлечь население. Принадлежа к объединению авгуров, он имел возможность делать это. Было объявлено, что люди, наделенные сверхъестественными способностями, в прошедшем году говорили о гневе богов. Такими провидицами были две жрицы-весталки, поддерживавшие в храме Весты неугасимый огонь и осужденные за утрату целомудрия. Поскольку одна из

этих весталок покончила с собой, а вторая была заживо погребена рядом с воротами Рима у Коллинских ворот, они уже не могли помочь. Фабий снова обратился за консультацией к находящимся под рукой Сивиллиным книгам — Книгам пророчеств. Было объявлено, что эти книги призывают совершить выдающееся жертвоприношение.

«В числе прочих галльские мужчина и женщина, а также греческие мужчина и женщина были заживо погребены на скотном базаре, в яме, стены которой были выложены камнями, осквернеными в прошлые времена человеческими жертвами».

Было ли это древнее варварское жертвоприношение символическим умерщвлением врагов Рима? В любом случае оно помогло утихомирить население.

Как только ритуальное искупление свершилось, были призваны когорты из Остии, портового города в устье Тибра, и куплено 8000 крепких рабов, способных нести оружие, а семнадцатилетние и более юные мальчики добровольно поступили на военную службу. Всего было образовано четыре легиона, а по домам и храмам собрано оружие для рекрутов.

К этому времени уже стали известны потери, и рыдания звучали над городом, пока женщины не прорвались к дверям храмов, вытирая ступени алтаря распущенными волосами. Страх сменился неуверенностью среди плебеев. Их ужас вызывал один человек — Ганнибал. Куда он направится? Что разрушит в следующий раз? Впервые шепотом передавалось от двери к двери: «Hannibal ad portas» (Ганнибал у ворот). У ворот Рима.

Почему карфагенская армия не двинулась на Рим в день триумфальной победы при Каннах? Современные ученые спорят и недоумевают по этому поводу. Вопрос этот был поставлен Ливнем, который рисует нам картину впавшего в отчаяние города, ждущего нападения, которого не последовало, потому что Ганнибал не использовал возможности одержать окончательную победу. Он решил, как это говорит Ливий, сохранить город. Потому что в те критические дни августа «этот финикиец продолжал оставаться в Каннах, споря по поводу трофеев и выкупа за своих пленников и ни духом, ни делом не напоминая ни завоевателя, ни великого полководца».

Этот финикиец тем не менее понимал гораздо лучше, чем процитированный историограф, обстановку, с которой столкнулся утром в Каннах. За пределами Рима все еще оставались сильные воинские части. Около 17 000 уцелевших в битве укрылись в ближайших римских лагерях; гарнизоны все еще занимали стратегически важные города; римские легионы

удерживали рубеж на реке По и базу в Сицилии, в то время как армия Сципиона действовала в Испании. Корабли, которые господствовали на морях, тренировали солдат прямо на борту.

Для осады Рима у Ганнибала не хватало опытных инженеров и боевых механизмов, которыми располагал Рим. Его галлы были не способны вести осаду. Его великолепная конница была бессильна против крепостных стен. Чтобы осадить Рим, необходимо было, чтобы флот закрыл устье Тибра, а это означало, что военные корабли карфагенян должны были сначала изгнать вражеские галеры из прибрежных вод.

До сих пор стратегия Ганнибала заключалась в том, чтобы выманить неприятельские войска на поле брани на борьбу с его собственной армией и вовлечь их в ситуацию, в которой результат зависел только от умелой стратегии. Он воздерживался от нападения на римские укрепленные позиции. Наступление на Рим привело бы карфагенян в Лациум, район концентрации враждебных сил, где осада городских стен сковала бы действия его армии. Появиться внезапно (на чем настаивал Магарбал), войти в город неожиданно означало бы пройти форсированным маршем 200 миль. А победа в Каннах отличалась от победы на Тразименском озере. Десять часов интенсивной схватки с оружием в руках не прошли бесследно для карфагенской тяжеловооруженной пехоты. Какое количество людей было в состоянии совершить марш на следующий день? Сколько лошадей еще могло идти рысью? Как перевести с необходимой быстротой вьючных животных по тропам через Апеннины? Скольких людей можно было оставить для ухода за ранеными, охраны пленных и захвата римских лагерей с их богатым войсковым имуществом?

Только Ганнибал знал ответы на эти вопросы. Единственное, чего он не мог допустить, — это риск потерять свою армию. Так что было совершенно естественно, что он оставался на берегу Офида. Однако он сделал гораздо больше, чем утверждал Ливий.

Карталон отправляется в Рим

Из карфагенского лагеря открывался вид на солнечную Адриатику, где редко появлялись большие корабли. На закате дня 4 августа две быстроходные галеры вышли из прибрежной бухты, повернули на юг и быстро, с помощью весел и паруса, направились сообщить новость о победе в Каннах сначала в Сиракузы, а потом в Карфаген. В то же самое время гонцы отправились на север по пустынной прибрежной дороге, чтобы

доставить сообщения вождям бойев и инсубров. В сообщениях говорилось, что устранено последнее препятствие, последняя армия полностью уничтожена, и теперь открыт путь к восстанию народов Италии.

Утро 4 августа карфагеняне провели на реке Офид, подбирая на поле битвы все ценное — оружие, щиты, ювелирные украшения, амулеты погибших воинов и кольца с печатками всаднического сословия. Ганнибал приказал вырыть ров между маленьким римским лагерем и рекой, чтобы отрезать гарнизон от воды. Днем 7000 римлян, которые нашли прибежище в этом лагере, сдались в ответ на обещание Ганнибала, что они будут отпущены после того, как заплатят выкуп. На другом берегу реки произошла короткая стычка вокруг большого римского лагеря, в котором находились техника и запасы. Через какое-то время 8000 легионеров сложили оружие, согласившись на выкуп. Они были окружены, измотаны и потеряли 2000 человек. Среди них уцелело всего несколько военачальников.

Ганнибал обратился к этим военачальникам без всякой враждебности. Он сказал:

— Вы можете подумать, что я веду войну на полное уничтожение. Но это не так. Я борюсь за власть. Эта власть провозглашена римским сенатом и его диктаторами везде, от Нового Карфагена до Сицилии. Теперь я собираюсь взять ее. Вы боролись достойно и получите свободу, как только за вас будет выплачен выкуп. Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мои слова.

Конкретно выкуп составлял 500 денариев за всадника, 300 — за пехотинца, 100 — за раба. Тех, кто был завербован на союзных землях, отпускали, как обычно, без всякого выкупа. Такой либерализм Ганнибала по отношению к римским гражданам, возможно, преследовал двойную цель. Он хотел видеть, какое впечатление произведет их возвращение на сенат и общественное мнение, и ему был нужен денежный выкуп. В первый раз он потребовал, чтобы все серебро, которое было взято на поле брани, пошло в армейскую казну, которая была, разумеется, его собственной. К этому времени большая часть слитков из его сундуков ушла на оплату жалованья и расходов, а серебра из Испании он получать не мог.

Ганнибал проявил учтивость, договариваясь о выкупе за легионеров. Были освобождены десять представителей от них, для того чтобы они отправились в Рим собрать деньги. Они поклялись, что вернутся в карфагенский лагерь, и он не потребовал никаких других гарантий. Однако он отправил с ними одного своего карфагенянина, Карталона.

Ганнибал дал Карталону особые указания: если официальные лица Рима проявят хоть малейшую склонность к миру, Карталон должен будет предложить им справедливые условия договора.

В такой момент, когда Италия осознала ошеломляющий удар, нанесенный у Канн, Ганнибал сделал первую попытку заключить с сенатом и римским народом мир на условиях компромисса. Ему нужно было только еще раз сделать предложение при совершенно иных обстоятельствах. И такой случай не заставил себя ждать. Карталон вернулся через несколько дней один. Он был встречен у Альбанского холма одним ликтором, который сообщил ему, что новый диктатор не позволит ни ему, ни кому-либо другому из карфагенян войти в городские ворота. Карталону предписывалось до рассвета покинуть римскую территорию. По прошествии еще какого-то времени девять из посланных легионеров возвратились. Десятый нарушил клятву. А сенат, после обсуждения, отказался платить Ганнибалу за каких бы то ни было пленных, взятых при Каннах.

Вероятно, Ганнибал и не ждал этого, однако он, возможно, надеялся, что сможет положить конец беспощадным изнурительным сражениям. Во всяком случае, после Канн он хотел мира.

К тому времени выяснилось, что часть римлян бежала. Один хитрый военачальник убедил 600 человек убежать из маленького лагеря в первую же ночь. В другом месте один юноша из высшего общества, молодой Публий Сципион, смог добраться ночью к группе молодых военачальников, которые были убеждены, что война проиграна и самое лучшее, что осталось, — это бежать из страны на Сицилию. Юный Сципион театрально положил свой меч перед ними и сказал, что меч этот получит любой, кто захочет убежать. Они увлекли за собой других.

В конце концов, 10 000 человек собрались во главе с оставшимся в живых Варроном, на дороге, ведущей к городу Венузия.

Когда Варрон сам вернулся в Рим для консультаций, Фабий встретил его на Виа Сакра и публично поблагодарил за то, что тот не считает безнадежным состояние Римского государства. Варрон, на правах оставшегося в живых консула, публично объявил новым диктатором престарелого экс-цензора (это был последний из римских диктаторов).

Психоз отчаяния охватил город. Преступники и должники были выпущены из тюрем, чтобы взять в руки оружие. Почти все женщины носили траур и упрекали тех, кто этого не делал. Бутеон, диктатор, наложил запрет на пиршества и игры. Один богатый торговец, которого увидели на балконе его дома в

праздничном венке, был вызван в магистрат и приговорен к тюремному заключению. Он оставался в тюрьме в течение всей войны, четырнадцать лет.

В такой атмосфере всеобщей истерии десять делегатов от пленников в Каннах, наконец, были заслушаны перед новоизбранным сенатом. Взволнованная толпа родственников набилась вслед за ними в курию — место общественных собраний. Пронесся слух, что эти десятеро будут осуждены за поведение, неподобающее для римских воинов, и что в казне нет денег для выплаты выкупа. В случае судебного разбирательства тем не менее они имели право на то, чтобы их судили в соответствии с законом.

Те, кто говорил в пользу пленников, выдвигали свои доводы по каждому пункту.

Деньги на выкуп, если их нельзя было взять в казне в столь критическое время, могли внести семьи обвиняемых.

В такое время, когда в легионы брали даже преступников, тысячи опытных воинов принесли бы неоценимую пользу государству.

Что касается этого конкретного случая с их выкупом — разве пленников, граждан Рима, не выкупали раньше в таких случаях у галлов и Пирра и даже Тарента в недавние времена?

Их поведение ни в коей мере не было неподобающим для римлян, поскольку они оказались отрезанными в лагерях, без воды. Они не сдавались до тех пор, пока, изможденные и израненные, не могли больше ничего добиться дальнейшим сопротивлением.

В заключение защитники призвали старейшин подумать о добром имени этих мужчин. Они просили всего-навсего о привилегии снова встать под армейские знамена. «Неужели сенаторы откажут им в этой привилегии и отрекутся от них, позволив им стать рабами Ганнибала?»

Когда аргументы защитников были исчерпаны, послышались голоса собравшихся в курии и общие призывы к помилованию. Многие сенаторы, у которых были родственники среди пленных, просили об этом.

Торкват, пожилой человек, прославившийся покорением бойев, выступил против.

Он коснулся только одного пункта — поведения обвиняемых.

Долг римских воинов, как утверждал Торкват, заключался в том, чтобы следовать приказу военачальников, не думая о своей жизни. Разве эти люди так поступили? В ночь после битвы трибун призвал всех, находящихся в лагере, следовать за ним и прорваться сквозь карфагенян. Шестьсот человек последовали за

трибуном с оружием в руках, чтобы спастись, а потом встали под знамена оставшегося в живых консула. Те тысячи, что остались в лагере, предпочли поставить свои жизни выше своего долга. Они сделали это в то время, когда 50 000 отважных мужчин полегли на поле брани. Не малодушие этих обвиняемых, воскликнул Торкват, а отвагу погибших 50 000 надо благодарить за то, что древний римский дух сохранен.

Обвиняемые сдались среди бела дня, все еще держа оружие в руках и находясь под защитой крепостной стены. Они выторговывали себе жизнь, обогащая Ганнибала.

— Нет, сенаторы, я не стану голосовать за выкуп этих людей, предавая те шесть сотен, которые прорвались сквозь гущу своих врагов.

И сенат проголосовал за отказ платить выкуп за пленных. Девять из десяти пленных вернулись в Канны, чтобы сообщить об этом отказе Ганнибалу. Когда сенат узнал, что один из просителей нарушил клятву вернуться, его отыскали и отправили под охраной в карфагенский лагерь.

(Как оказалось, Ганнибал получил плату за пленников задолго до этого от работорговцев Делоса. И слушание в курии получило такую дурную славу, что все выжившие на поле брани в Каннах были взяты на заметку. В конечном счете из них были сформированы два легиона, которые должны были бесплатно служить в гарнизонах Сицилии, где им было запрещено расквартировываться зимой в пределах одного дня ходьбы от любого города. Довольно скоро Варрону было поручено командовать одним из этих гарнизонов под угрозой позора! Цензоры разыскали и наказали тех военачальников, которые призывали покинуть Италию. Такими суровыми были римские законы военного времени.)

Весь август город мобилизовывал все имеющиеся ресурсы, чтобы защитить свои стены от нашествия Ганнибала. Однако Ганнибал пошел на Неаполь.

«Преданность союзников начала ослабевать»

Такой была обстановка в Риме. Планы же Ганнибала и последовавшая нерешительность карфагенского совета были окружены молчанием до конца года. Молчание было более глубоким, чем обычно, и трудно объяснимым. Однако ставшие известными события выстраиваются в некую схему, и отрывочные сведения о происшедшем рисуют контуры далеко идущего плана.

Посмотрим, что случилось в масштабах всего Западного

Средиземноморья в течение трех месяцев после августа.

Через несколько дней после Канн два карфагенских флота появились у берегов Сицилии. Один из них без всякой видимой причины огибает гавань Сиракуз и исчезает. Обеспокоенный римский морской военачальник на этой островной базе просит подкрепления у римского сената и, несмотря на такой катастрофический момент, ему посылают 25 галер с наказом делать все, что он посчитает нужным «для пользы государства».

Римские части тогда начали вести наблюдение за важным морским проливом между Сиракузами и Карфагеном.

Это происходит буквально накануне смерти Гиерона II, царя Сиракуз, того самого, который отправил золотую статую Виктории, богини победы, в сенат. Карфагенские агенты активно действовали в Сиракузах, и греческие официальные лица в городе объявили карфагенское правление вместо римского.

Более чем в 500 милях к северу бойи и инсубры устроили ловушку римской пограничной армии, численностью в 25 000 человек, захватили воинов и убили их военачальника. Один легион этой армии состоял из освобожденных рабов.

Ганнибал, вероятно информированный об этом, уходит с берегов Адриатики, которые были столь благосклонны к нему. Вместе с карфагенской армией уходит обоз с трофейным имуществом армии Варрона, в том числе и символами власти двух консулов. Путь проходит через Апеннины. Некоторые города закрывают перед Ганнибалом свои ворога, но крестьяне Апулии — в районе Канн — и дерзкие самниты заверяют Ганнибала в том, что хотят мира с ним. На юге западного побережья греческие города приветствуют его. Делегации от гордой Капуи прибывают в его лагерь, чтобы обсудить условия. Ганнибал уверяет, что выполнит все их требования — свобода городу, защита и неучастие в военных действиях. («Если вы одержите победу, даже те, кто вас ненавидит, будут на вашей стороне».)

Но он ведет свою победоносную армию в Неаполь, большой порт на южном побережье.

Дойдя до моря, Ганнибал срочно посылает своего младшего брата, Магона, в Карфаген. Там, на собрании сената, Магон дает полный отчет о событиях в Каннах и сообщает о завоеванной лояльности Апулии, Самния и Калабрии — благодаря чему юг полностью отрезан от Центральной Италии. Магон высыпает из корзины 6000 золотых перстней с печатками, принадлежавших римским аристократам и отобранных в Каннах.

Он просит взамен, чтобы Ганнибалу была отправлена минимальная помощь: 4000 нумидийских всадников, 40 слонов и некоторая сумма в серебряных талантах.

Недруги Баркидов возражают против этого. Если Ганнибал на самом деле такой победоносный, говорят они, почему ему нужны деньги и люди? Что же в таком случае он бы попросил, если бы потерпел поражение? Если он и впрямь разгромил столько неприятельских армий, почему тогда Рим не идет на переговоры? Однако совет решительно проголосовал за то, чтобы послать Ганнибалу требуемую помощь.

Он также голосует за то, чтобы собрать и отправить еще более многочисленное войско (24 000 пехоты и конницы) в Испанию.

Тут дело принимает странный оборот. Почему такая большая помощь должна отправляться в Испанию в сопровождении Магона (он выполняет дипломатическую миссию для своих старших братьев), когда Гасдрубал прекрасно справляется с двумя армиями Сципионов? Все объясняется тем не менее очень просто. С таким подкреплением Гасдрубал может, если боги будут благосклонны к нему, прорваться через римскую пограничную линию Эбро и двинуться грядущим летом по пути своего брата через Альпы в Италию.

На основании этих фрагментарных сведений можно представить себе план Ганнибала на всех театрах военных действий Средиземноморья. Мир, предложенный им, был отклонен. После Канн он долго не испытывал страха перед встречей с еще одной огромной римской армией. Римская морская мощь тем не менее все еще препятствовала связи между ним и Карфагеном. Он ближе и ближе подходил к Сицилии, выигранной путем бескровного политического переворота. Однако римский боевой флот с легионерами на борту преградил путь карфагенянам в Южной Италии к Сицилии и самому Карфагену.

Подкрепление в виде небольшого количества нумидийцев и слонов могло проскользнуть на отдельных судах и подойти к нему в бухтах Таранто или Неаполя. Гасдрубал мог воспользоваться сухопутным путем, который он открыл, чтобы добраться до галлов, хозяйничавших теперь на берегах По. Тогда они бы снова открыли жизненно важную дорогу на Испанию.

А на следующий год другой карфагенский флот с экспедиционным войском на борту отправится к огромному острову Сардиния.

С приближением зимы Ганнибал должен был испытывать некоторое беспокойство и желание защитить свою репутацию. Два года назад он привел 26 000 усталых воинов через Альпы в незнакомую и враждебную страну. Еще год — и мечта Баркидов

могла бы осуществиться, а Карфаген снова стал бы владыкой западного моря, восстановил господство в Испании, на Сицилии и Сардинии. В то же время на юге Италии Ганнибал удерживал бы римские сухопутные войска.

А пока, продвигаясь через Кампанию, он нанес первый удар по римским морским силам. Неприятельский боевой флот, который в какой-то степени был ослаблен, зависел от боевой мощи легионов. Сохранялась ли она еще после Канн? Ганнибал не мог этого сказать. Но он знал, что флот зависел также от своих баз в Сиракузах, Неаполе, Таренте, Локрах, Регии и других местах. Римляне уже потеряли Сиракузы, в то время как армия Ганнибала спешила в Неаполь. Более того, команды кораблей в основном составляли моряки из этих самых портов. Греческие и сицилийские моряки были преданы своим родным городам куда больше, чем далекому и властному Риму.

Когда сын Гамилькара появился у Неаполя, он обнаружил, что маленький город на крутом обрыве окружил себя защитниками. В преддверии наступающей зимы Ганнибал не мог предпринять осаду порта, который имел возможность пополнять свои запасы со стороны моря. Ганнибал немедленно повернул и повел свою армию на Капую — царицу южных земель.

Капуя значила для него больше, чем просто удобное место для постоя зимой. Она могла стать столицей нового союза против Рима.

Глава 4
Борьба двух альянсов

«Это самая благословенная из всех равнин»

Когда на закате зимнего дня Ганнибал подошел к воротам Капуи, он сменил роль воителя на роль дипломата. В его руках находились нити к богатейшему городу Италии. Спешившись у портика роскошного дома братьев Келерес, он попросил о встрече с консулом. Аристократы Капуи запротестовали. Они не хотели, чтобы дела примешивались к этой событийной встрече с карфагенским завоевателем. Они хотели показать Ганнибалу свой город. Весело, с шутками беседуя с ними, он ходил от одного портика к другому. Их украшали статуи греческих богов, взгляды которых были устремлены на восток. А на запад простиралась зеленая равнина, которая, по словам жителей Капуи, была богата серными водами, приятными на вкус и исцеляющими болезни. «Это самая благословенная из всех равнин, — заявляли они, — потому что из тамошнего винограда производят фалернское вино».

После этого Ганнибал пригласил верхушку аристократии поужинать с ним после захода солнца в доме, в котором он остановился. Он свободно говорил с ними на греческом, получая сам удовольствие от этого языка после трудных диалектов средней полосы. Он вел себя с учтивостью, которой научился в домах иберов, пока изучал их нравы. Эти аристократы были гордыми, возможно даже излишне гордыми людьми. Капую основали этруски. Она была первым городом Италии в те времена, когда Рим был просто одним из городов на Тибре, сражавшимся со своими соседями. Капуя была такой же большой, как город на Тибре, который подчинил ее civitas sine jure (не имея на то законного права). Ганнибал поинтересовался, есть ли тут лидер римской фракции. (Он знал, что многие из членов этих аристократических семейств состояли в браке с римскими патрициями.) Узнав, что такой лидер, некто Деций, закованный в цепи, дожидается казни, Ганнибал предложил вместо этого отправить его в Карфаген. Он пообещал всем, что недалек тот день, когда Капуя будет жить по своим собственным законам.

Все удивлялись тому, почему Ганнибал ест, сидя на низком табурете, вместо того чтобы полулежать рядом с ними за столом. Он ответил, что не привык лежать. Но они поняли, что он

получает удовольствие от их гостеприимства под мирным кровом. Вокруг него велись разговоры о целительном врачевании Галена. Ему показали манускрипты, которые были скопированы искусной рукой в Александрийском музее, и геометрические чертежи престарелого Архимеда. Люди действительно вели беседы в лежачем положении, держа в руках кубки с вином. Они были похожи больше на эпикурейцев, чем на стоиков. Они вежливо лгали, клянясь, что его финиковое вино, привезенное в кувшинах из Карфагена, лучше их фалернского. Но они предложили ему безграничную дружбу, несмотря на то что он был африканцем. Словно невзначай сын Гамилькара оставил захваченные символы власти Фламиния, Варрона и Эмилия лежать на мраморном полу атриума в доме братьев Келерес.

Над Капуей, со стороны заката, возвышалась лишенная растительности гора Тифата. Ганнибал поставил здесь свою палатку и разместил штаб армии, который охраняли африканские щитоносцы. Он решил вести себя в Капуе как гость. Хотя его армия фактически оккупировала город, он приказал воинам всех отрядов самим расплачиваться за угощение, женщин и памятные подарки. В их поясах было много серебра, как в римских, так и в испанских монетах. С Тифаты перед Ганнибалом открывался вид на прекрасную долину Кампании, которая простиралась до Священного мыса с городом Суррент (ныне Сорренто), мимо покрытой пеплом вершины курящегося Везувия и небольшого рыбацкого городка Помпеи, где старики вырезали из кораллов амулеты. Этот серый пепел Везувия, омытый дождями, обогащал почву побережья, и на ней произрастали прекрасный виноград и винные ягоды.

Не угомонившись даже в этом райском зимнем тепле, Ганнибал предпринимал долгие ознакомительные поездки по равнине. Он хорошо познакомился с Кумами, старейшим из морских портов, где теплый пар, поднимающийся из подземного царства Плутона, использовался для обогрева общественных бань. В сопровождении отборных нумидийских воинов в чистых белых шерстяных накидках (все они великолепно играли на свирелях), он поскакал в ту долину, где Фабий продержал его в ловушке целый день и где быки помогли ему выбраться из этой ловушки. Карфагенский завоеватель с удивлением увидел, как неторопливые крестьяне, которые сеяли озимую пшеницу — на почвах Кампании снимали по меньшей мере два урожая в год, — уставились на него так, словно он был привидением из той битвы, которая здесь происходила. С еще большим удивлением Ганнибал подумал, что он с тех пор одержал верх над Медлителем. За два года до этого хитрый Фабий, располагая временем, уверял его в

том, что он самый надежный союзник. Сейчас карфагенянин мог позволить себе медлить, и само время таило теперь опасность для его врагов, которые должны были без промедления найти зерно для своего города и пополнение для своей армии.

К тому же после двух суровых зим иберийцы Ганнибала наслаждались теплом Кампании, где было сколько угодно прекрасного фуража для лошадей. Здешняя равнина напоминала им их любимую долину Бетис. Карфагенян Ганнибала тоже связывали узы с Южной Италией. С незапамятных времен — с тех пор, как в устье реки возникли этрусские торговые порты, — африканские купцы были частыми гостями на этих берегах, особенно в заливе Таранто. Они вели торговлю и теперь в обход вражеской блокады.

Старые знакомые пожаловали к Ганнибалу, когда он возвратился на свой опорный пункт на Тифате. Делегация от бруттийских горцев проделала весь этот путь, принеся в дар резные деревянные изделия и цветную керамику, отобранную у греческих ремесленников. Бруттийским купцам, которые доставляли товары Гамилькару на гору Эрик, было знакомо имя Ганнибала, детеныша льва. Они недоумевали по поводу того, как этот детеныш льва смог добраться почти до их цитадели на самом краю Италии и что он собирался здесь делать.

На исходе первой зимы Ганнибал добился преданности части пицентинских крестьян с побережья Адриатики, большинства суровых самнитов (они предпочли служить ему как господину, а не быть ограбленными его конниками) и луканцев и бруттийцев юга. За этой преданностью стоял глубоко укоренившийся инстинкт. Апулийцы, луканцы и бруттийцы принимали участие в последней войне за независимость против республики на реке Тибр. Это относилось и к греческим купцам, и к ремесленникам из многих прибрежных городов. Немало стариков, ставших свидетелями прихода Ганнибала, помнили времена, когда Тарент был еще свободным городом. Дух того времени, дух Великой Греции, еще был силен. Уклад жизни в здешней провинции, в отличие от земель этрусков, нисколько не изменился. Приход римских преторов принес пользу аристократам и землевладельцам, но не крестьянству или простым горожанам.

После своих ознакомительных рейдов Ганнибал понял, что большинство из низших слоев общества сочувствует ему, в то время как большинство аристократов не симпатизирует. Кроме того, глубинные районы страны — Великая Греция — поддерживали карфагенскую захватническую армию, в то время как более богатые прибрежные города, связанные с римским флотом, твердо стояли за Рим. Среди этих городов Неаполь был

самым важным. Без этого крупного порта, не уступающего Риму, и контроля над всем заливом захват Капуи мало что значил, кроме того, что армия получила место для отдыха. Если Неаполь не удастся завоевать или подвергнуть осаде, его необходимо отрезать от наземных путей сообщения. Ганнибал решил разработать способ, как это сделать.

Он понимал недоумение, связанное с тем, что он господин, но не титулованный. Окружающие гадали, не станет ли он вторым Пирром: вступит в сражение за земли, потом потерпит поражение и уплывет подальше от их берегов. Какова его главная цель, которую он утаивает от них?

Ганнибал осторожно объяснил, что он вовсе не ищущий приключений монарх, а главнокомандующий вооруженными силами Карфагена. Он поклялся, что Карфаген не имеет никаких территориальных притязаний в Южной Италии и что он сам не покинет их до тех пор, пока они не обретут свою прежнюю независимость, несмотря на угрозу со стороны Римской республики.

Понимая, что одни заверения мало что значат для обеспокоенного крестьянства и просвещенных греками горожан, Ганнибал подтвердил свои слова действием. Пограничным городам, занимающим стратегическое положение, было разрешено сделать собственный выбор: их жители могли оставаться членами нового союза или, если они сохраняли лояльность по отношению к Риму, могли спокойно переселиться вместе со своим имуществом на римскую территорию. Один из укрепленных городов вблизи Неаполя предпочел переселение. Вышедший из себя Ганнибал позволил своим войскам разграбить и спалить опустевшие жилища.

Локры были маленьким портовым городом на холме у южного залива Таронто. Его жители бросились в панике бежать. Ганнибал отдал приказ коннице Ганнона, не причиняя вреда толпе, занять положение между нею и городскими воротами. После обсуждения их судьбы в сложившейся ситуации локряне уступили увещеваниям Ганнибала. Они сосредоточились возле залива, в то время как карфагеняне заняли холм. (Если бы Ганнибал лишился Неаполя, он бы получил надежно укрытый порт высадки, в Локрах.) Вскоре после этого Бомилькар, отец Ганнона, привел в Локры небольшой отряд судов из Карфагена. Корабли доставили Ганнибалу в качестве подкрепления нумидийцев с их лошадьми и 40 слонов. Как слонов высаживали на берег, осталось неизвестным. Возможно, они перешли вброд с подплывших близко к берегу судов.

Наконец итальянская армия Ганнибала восстановила связь с

Карфагеном по морю.

Теперь можно было называть сторонников Ганнибала итальянской армией. Сын Бомилькара Ганнон объездил холмы позади города Локры и пополнил ряды войска своего господина десятью тысячами суровых бруттийцев. С этим пополнением войско Ганнибала стало объединением народов, населявших западное побережье Средиземноморья, начиная от Нумидии, через Лигурию до Бруттия на оконечности полуострова. И как и в ту зиму, которая предшествовала Каннам, Ганнибал занялся обучением и вооружением новобранцев. На этот раз он предоставил своим ветеранам перехода через Альпы отдых.

Это обстоятельство стало поводом к появлению еще одного выражения, помимо «фабианской тактики». Это была «капуанская зима». Их первая роскошная зимовка с банями и прислуживающими им рабами оказала свое влияние на ветеранов из Испании. После этого они уже не были теми людьми, которые боролись с болотной лихорадкой, стараясь выиграть сражение на Тразименском озере. Ливий объединял три вещи, более всего ему ненавистные: Ганнибала, взбунтовавшуюся Капую и все низшее сословие, изображая карфагенских воинов погрязшими в пороках вероломного города, «одурманенного необузданной свободой низших сословий». Вот еще одно из его определений: «Капуя стала Каннами Ганнибала». Однако, хотя на ветеранов повлияла их зимовка возле Капуи, линия их поведения изменилась главным образом потому, что Ганнибал больше никогда не использовал их в аналогичных действиях. После Канн его тактика изменилась коренным образом.

Эта зима завершилась триумфом иного рода. В ответ на обращение Ганнибала после Канн посланцы Филиппа V Македонского пересекли Адриатику, чтобы встретиться с ним. Похоже, что Ганнибал принял их по-царски в своем новом городе. Был заключен договор, по которому Карфаген и Македония объединяли свои силы против Рима и обязывались помогать друг другу, в случае если будут подвергнуты нападению. Ганнибал согласился с тем, чтобы побережье Далмации было освобождено от оккупации римскими войсками и возвращено под власть Филиппа.

Потом прибыли другие греки, всколыхнувшие Капую. Они явились от юного внука покойного Гиерона из Сиракуз, «величайшего и самого прекрасного из городов Греции». Сиракузы, где хорошо поработали карфагенские агенты, стремились стать союзником Ганнибала. Снова был заключен односторонний договор о взаимной защите, и на этот раз он был

подписан.

Таким образом Ганнибал стал командующим армией альянса Карфагена, Македонии и Сиракуз. Его итальянская армия, сгруппировавшаяся вокруг Тифаты, лишила Рим сухопутных возможностей связи с Сицилией. Однако флот Римской республики все еще господствовал на морских путях через Тирренское море, залив Таранто и Адриатику и, самое главное, через быстрину Мессинского пролива. Однако превосходная гавань Сиракуз была потеряна для римских быстроходных судов. Два важных порта, Неаполь на Тирренском море и Тарент, все еще обслуживали римские суда и их команды. Теперь Ганнибал подумывал не только о Неаполе, но и о Таренте.

Каждый месяц в благоприятную погоду все больше боевых кораблей выходило из бухты Карфагена в открытое море. Помимо соперничества двух этих сил, Рима и Карфагена, раскол существовал и на самом Средиземноморье. Юг выступал против севера, сонная культура эллинистического мира противостояла устоям воинственного варварства. И теперь, в финальном конфликте, умирающие города-государства противопоставили себя мощи возникающей единой империи.

Можно с уверенностью сказать, что Ганнибал понимал этот более серьезный аспект конфликта. Безусловно, в эти годы Рим был сосредоточен только на его возрастающей опасности.

«Море было охвачено огнем»

Предзнаменования, полученные в наступившем году, очень беспокоили авгуров с Виа Сакры. В храме Юноны кровоточили изображения; некая корова, как говорили, произвела на свет жеребенка; видели, как море полыхает огнем.

Довольно странно, однако после Тразименского озера менее значительные поражения сильнее потрясали город на Тибре, чем катастрофа у Канн. Новость о потере легионов, охранявших долину По, и появление Ганнибала в соседней Калабрии подорвали у римлян веру в свою удачу. Число их союзников почти ограничивалось, как это ни невероятно, городами самого Лациума, сабинянами, умбрами и почти забытыми этрусками.

От лояльности оставшихся союзников зависела судьба самого Рима. В тот год (215) сенат был вынужден взимать с них двойной налог и вдвое увеличить набор в армию. Чтобы население почувствовало чрезвычайность ситуации, Фабий потребовал заложить вдвое больше храмов и устраивать смертельные игры с участием двадцати двух гладиаторов, то есть в два раза большего

количества, чем обычно.

Он осознавал, как и многие другие вожди сената, что римское владычество над союзническими народами имело наряду с сильными и свои слабые стороны. Римское правление обеспечивало защиту и жизнеспособность; оно объединяло разобщенные народы в союз, который мог стать объединенной Италией; в то же время оно распространяло на отдельных индивидуумов римское право с его высшими привилегиями.

Составляя лишь меньшинство, римляне обладали этим правом в числе других, более многочисленных народов. Гражданин Рима имел права на женитьбу (connubium), ведение деловых операций (commercium) и голосование (suffragio). По закону он мог пользоваться этими правами на всей территории Италии, в отличие от тех, что не были гражданами. Таким образом, право голоса становилось наградой, которая предоставлялась заслужившим ее иностранцам, и в то же время становилось предметом зависти тех, кто этого не заслуживал. А таких было большинство. Союзные города могли вести свои внутренние дела по собственному усмотрению при условии, что будут ежегодно поставлять людей и материальные ресурсы в соответствии с требованиями сената. Сенат единолично устанавливал в каждом случае требуемое количество того и другого. (Предложение предоставлять во время кризиса места в сенате самым заслуженным лидерам союзников было отклонено старейшинами после негодующих речей.)

Различия между гражданами и негражданами еще острее проявлялись в армии. Рекруты из союзников начинали отличаться от всех остальных, как только появлялись в римском тренировочном лагере; они получали только половинное жалованье, но должны были находиться на самообеспечении. Войска союзников составляли до 57 процентов всей армии. Они стояли на флангах, не в легионах, подчиняясь командованию римских военачальников, которые внедряли дисциплину карательными методами. Эта система создала великую национальную армию республики и прекрасно зарекомендовала себя в успешных кампаниях, когда условия были легкими и выплата жалованья могла быть восполнена военными трофеями, если не высшей наградой римского гражданства. Но двухлетняя борьба с Ганнибалом принесла лишь потери без всяких трофеев; призывники этого года в римских учебных центрах говорили друг другу, что больше всего им повезет, если их возьмут в плен карфагеняне, которые будут их хорошо кормить и разрешат возвратиться домой. Против ежегодной реквизиции зерна, лошадей и повозок отчаянно запротестовали города Этрурии и

Умбрии. Походы Ганнибала опустошали их угодья, в то время как поля Лациума, ager Romanum, то есть владения Рима, оставались нетронутыми. Как могли союзнические города обеспечивать поставки в двойном размере, чего требовали от них сенат и римский народ?

Столкнувшись с угрозой того, что союзники могут нарушить свои обещания, сенат не отступил от своих требований ни на йоту. Дезертировавшие из учебных лагерей были взяты в кольцо военным патрулем, чтобы наказать их у позорного столба перед строем товарищей. Около 370 человек были сброшены позже с Тарпейской скалы Капитолийского холма. Карательные экспедиции отправились к юго-востоку, на Самнитские холмы, для наведения там порядка. Нарушение верности было расценено как вероломство и поэтому наказано. Один из генералов, Семпроний Гракх из рода Клавдиев, повел свои войска против одного из святилищ на холме вблизи Кум, где обитатели города собрались на ночное религиозное празднество. Легионеры окружили освещенную факелами обитель и истребили собравшуюся там толпу жителей Кампании.

В своей бессильной злобе римское руководство в это кризисное время не щадило граждан. Цензоры разыскивали всех жалобщиков. Такая твердость воли перед лицом катастрофы, возможно, и спасла Римское государство, но оно уступило свои стратегические города Ганнибалу. В последующие после Канн дни жители Капуи посылали свои делегации прежде всего к Варрону, который собирал тогда остатки уцелевшей армии в Венузии. Население Капуи подтвердило свою преданность, поставив обезумевшему от горя консулу зерно, лошадей и оружие. Варрон неблагоразумно обидел их, потребовав, чтобы они сказали, каким образом он мог использовать их лошадей, когда у него больше нет всадников, и что проку в оружии, если от легионов ничего не осталось? Возможно, это была раздраженная реакция измотанного человека. Варрон тем не менее призвал население Капуи снарядить 30 000 жителей их города для действий на поле брани против Ганнибала. Это была его реакция как консула: призвать провинившийся город выполнить свой долг. В конце концов его глупая тирада вызвала подозрение у жителей Капуи, и они предпочли, чтобы Варрон попытался заключить соглашение с Ганнибалом.

Город Тарент был обязан держать юношей из самых знатных семейств своего города в Риме в качестве заложников за свое некогда бунтарское поведение. В какой-то момент после Канн заложники попытались сбежать на юг. Восемьдесят человек из них были пойманы и сброшены с Тарпейской скалы. Расправа с

этими юношами вызвала необузданный гнев их семей, и Тарент направил своих послов к Ганнибалу в Тифаты.

Известие о том, что Сиракузы были отданы Ганнибалу, вызвало шок у лидеров сената. Город Сиракузы был овеян легендарной славой и обладал огромными ресурсами. Символическая золотая статуя богини победы Виктории, подарок Сиракуз, казалось, насмехалась над римлянами. Может быть, бессмертные боги гневались на город, который служил им? Остров Сардиния был охвачен волнением. На дальнем его побережье македонский царь заключил договор (сенаторы видели текст) с этим врагом рода человеческого, карфагенянином Баркой.

Торкват, приверженец древнего духа, был послан с наспех созданным флотом на Сардинию.

Однако никакой суеверный страх не шел в сравнение с опасениями лидеров, для которых вера в установленный порядок была сильнее всяких суеверий. Эта вера основывалась на сознании превосходства армии над всеми врагами. Всегда, даже в черные дни вторжения галлов и боевых побед Пирра, финальная мобилизация римской живой силы приносила победу священным орлам и самому городу. Римские лидеры и не мыслили других путей сохранения города. Но не приведет ли их последняя мобилизация, которая начиналась сейчас, к повторению Канн? Какие средства им найти, чтобы противодействовать почти сверхъестественному авторитету Ганнибала на поле брани?

До сих пор Рим опирался на предыдущий опыт в достижении своих успехов. Эта привычка, обусловленная недостатком воображения, едва ли не обрела силу закона. Но римлянам никогда не приходилось иметь дело с таким умом, которым был наделен Ганнибал. Под влиянием непрекращающихся сомнений уже начали появляться некоторые изменения в традиционном римском порядке. Фабий стал цензором, а не вторым диктатором. «Неудачи не позволили римлянам медлить и дальше». Лидеры из группировки Эмилиев — Сципионов (большинства из которых и так уже не было в живых) потеряли свое ведущее положение в сенате. Они отдавали предпочтение плебейским консулам и заморским победам. «Богам не было угодно, чтобы были избраны эти плебейские консулы». Даже выбор консулов из патрициев был под вопросом. Что могли сделать такие политические руководители, избранные всего на один год, против Ганнибала? Фабий и авгуры использовали зловещие предзнаменования и пророчества, чтобы предотвратить одни из выборов. Народные собрания прекратили предлагать своих кандидатов, способных выиграть войну. «В критическом для нации положении» сенат

начал принимать во внимание предостережения опытных военачальников. Двое из них — Гракх и Марцелл (один из группировки Клавдиев, другой ветеран-военачальник) — были наделены на один год неограниченной властью. Марцелла называли «мечом Рима».

В результате этого поиска достойных лидеров возникли зачатки идеи, которую едва еще можно было назвать планом. Она заключалась в том, чтобы отправить зарекомендовавших себя людей сдерживать Ганнибала у каждой городской стены, у каждой реки, и особенно в Сицилии. Фабий начал новую кампанию.

Марцелл спешил к Ноле — внешней защите Неаполя. Ганнибал начал осаду Нолы.

Ворота Тарента открываются

Новые союзники Ганнибала наградили его сложными проблемами. Они требовали не только дипломатичности, но и изобретательности. Жители Капуи, заявлявшие о своем неприятии войны, с большой подозрительностью относились к присутствию самнитов и галлов, своих давних недругов, в окрестных лагерях. Галлы, которые сейчас хотя и напоминали своим снаряжением легионеров, по-прежнему стремились к грабежам; бруттийские горцы надеялись пограбить аристократию греков в портовых городах, которые были главной целью Ганнибала.

На самом деле, после того как Локры сдались карфагенянам, бруттийцы направили к Ганнибалу делегацию с протестом. Они сказали, что согласились на захват портов, а не на охрану греческих торговцев, у которых полно золота. Ганнибал спокойно отправил их к Ганнону, который руководил операциями на южном побережье. Недовольные бруттийцы объединились и подвергли атаке Кротон. Это был, по обычаю окруженный стеной, город на холме, возвышавшемся над небольшой укрепленной гаванью. Рядом находился мыс, на котором было воздвигнуто необычное святилище — храм в честь Юноны, в котором пилигримы оставляли драгоценные дары. Пастухи клялись, что богиня защищала их стада от диких зверей. Карфагенянам было совсем некстати, чтобы этот порт или богатое святилище разграбили разгневанные горцы. Ганнон прибыл на место действия, чтобы поставить охрану вокруг храма и удалить высший слой купцов из Кротона в безопасные Локры. Бруттийцам было разрешено мародерствовать в прибрежной части города и на

покинутых земельных владениях, в то время как карфагенские военачальники захватили в свои руки гавань.

В этом безостановочном походе через цепь южных городов, чтобы встретить римские отряды, высадившиеся с моря, Ганнибал должен был доверять своим полководцам Ганнону и особенно Магарбалу, командовавшим отдельными формированиями. Они добросовестно служили ему. Повелитель будущей Великой Греции буквально не слезал с седла (он проводил ненастные месяцы второй зимы после Канн на Адриатике), держа при себе новобранцев и слонов. Ветераны старой армии, кажется, были освобождены от тяжелых обязанностей. Он не мог сдержать данное им обещание разрешить отрядам испанцев и африканцев возвратиться домой, поскольку дорога через Альпы все еще оставалась закрытой. Не мог он также пока и разрешить им высадиться в Италии.

Ганнибал воздерживался от осады городов, защищенных крепостными стенами и боевой техникой. Когда он не мог одержать победу над жителями, то окружал город, лишая его возможности получать продовольствие. Голод вынудил город Казилин сдаться, несмотря на попытку упрямого Гракха оказать ему помощь. Ганнибал постоянно возвращался в Нолу, последний город на пути к Неаполю. Тамошнему низшему сословию, которое к нему благоволило, почти удалось открыть городские ворота. («Одна болезнь, так сказать, охватила все города-государства Италии. Простые люди, не ладившие с высшим классом, перетягивали государство на сторону карфагенян».)

Представители самнитов жаловались на то, что набеги римлян из Нолы опустошают их земли.

Однажды Ганнибал не сдержал гнева.

— Вы жалуетесь мне, — укорил он их, — по любому поводу.

Однако он позволил своим отрядам, в основном состоявшим из бруттийцев, подвергнуть осаде крепостные стены Нолы. Тут он встретился с новой тактикой энергичной обороны со стороны Марцелла. Этот закаленный полководец казнил 70 вожаков простого народа и бдительно охранял ворота, из которых выехал неожиданно под звуки трубы со своей галопирующей тяжелой кавалерией. Карфагенские рекруты вжались в окопы, сломленные духом из-за постоянных дождей и неистовых атак легионеров. Ганнибал обрушился на них.

— Вы воображаете себя карфагенской армией? Тогда действуйте как подобает этой армии. Возьмите Нолу для меня, и я поведу вас туда, куда вы только захотите.

Впервые его войска понесли более тяжелые потери, чем римляне. Больше того, 272 нумидийца и испанца дезертировали,

чтобы присоединиться к Марцеллу — в ответ на обещание им земель. Марцелл повернул оружие Ганнибала против него же самого. И тут резко, в одну ночь, карфагеняне исчезли из своих траншей. Римский полководец попытался очень осторожно выяснить, по какой дороге они ушли. Но Ганнибал был уже далеко, он поспешно шел через горы к Таренту, в сопровождении двух проводников, жителей города, которые обещали открыть для него ворота.

Потерпев неудачу при Неаполе и Ноле, карфагеняне не могли упустить возможности проникнуть во второй по величине южный порт. Ганнибал готовился к этому плану, детально изучая его.

Молодые тарентийцы казались искренними. Оба потеряли родных, захваченных в заложники Римом. Филемен, более нетерпеливый из них двоих, предложил путь, по которому он мог провести карфагенян ночью мимо стражников, охраняющих боковые ворота. Стражники привыкли пропускать его, когда он возвращался с охоты, и шутили с ним при этом. Пока все сходило с рук, но малейшая оплошность могла помешать входу в эти ворога. Не может ли второй юноша, Никон, находясь уже в городе, привести сочувствующих к другим воротам и заставить открыть их по сигналу Ганнибала? Никон мог сделать это. Последовало тщательное обсуждение условий: карфагеняне согласились не вводить войска в Тарент и не требовать никакой дани. Были подробно изучены улицы города, ведущие к рыночной площади и дальше, к крепости, возвышавшейся над гаванью. Римляне вывели свой гарнизон из этой крепости под покровом ночи, оставив только стражей у наружной крепостной стены. Ганнибал проверил подлинность утверждений Филемена и Никона у других своих агентов и согласился подойти ночью, согласовав точное время.

Во время этих переговоров Ганнибал часто ложился на постель и распустил слух, что он болен и задерживается в одном из лагерей. Нумидийцы были посланы обследовать окрестности под предлогом поисков провизии. В ночь перед попыткой осуществить план Ганнибал проделал быстрый марш с несколькими тысячами легковооруженных галлов и испанцев, привыкших к переходам в темноте. 80 нумидийских всадников рассредоточились вокруг них, задерживая или убивая всех, кто оказывался возле дороги. Отборные войска скрывались в дневное время за пасущимися лошадьми. В вечернее время Ганнибал разрешал своей пехоте отсыпаться. Перед наступлением полуночи он поднимал людей и вел их дальше.

Детали этого наступления сохранились в анналах римской

истории.

«Проводником Ганнибала был Филемен, который вел свою обычную игру. Вскоре они расстались: Филемен повел вооруженных людей, как обычно, к боковым воротам, Ганнибал — к Теменитским (главный въезд в город с суши). У Теменитских ворот было множество захоронений внутри крепостной стены. Подойдя к этим воротам, Ганнибал подал сигнал с помощью костра. Увидев это, Никон ответил таким же сигналом. Оба костра сразу загасили. Ганнибал бесшумно повел своих воинов в ворота. Там люди Никона напали на часовых, прикончили многих не успевших проснуться и открыли ворота. Ганнибал велел своим всадникам ждать снаружи, чтобы встретить любого врага под открытым небом. Он вошел в город вместе с пехотой.

А на другом конце города Филемен подходил к боковым воротам, через которые обычно входил и выходил. Его свист и хорошо знакомый голос разбудили часового, и тот открыл калитку. Филемен сказал, что у них здоровенный кабан, его с трудом поднимешь вдвоем. Он вошел сам вместе с охотником, у которого ничего не было в руках. Часовой хотел посмотреть на такого громадного зверя и на людей, несущих его, и тут Филемен проткнул его охотничьим копьем. Тогда около тридцати вооруженных людей ворвались, чтобы прикончить остальных часовых и открыть соседние ворота. Через них ворвался отряд карфагенян. Тарентинские юноши молча повели их к рыночной площади, где к ним присоединился Ганнибал. Он сразу отправил галлов через город двумя отрядами во главе с тарентинцами. Он приказал им занять главные улицы, а потом, когда начнется переполох, расправляться с римлянами, но оставлять в живых жителей Тарента. Чтобы способствовать этому, он велел проводникам предупреждать всех встреченных жителей города, чтобы они вели себя спокойно и ничего не боялись.

Уже началось волнение, но в чем дело, никто из жителей точно не знал. Тарентинцы думали, что, должно быть, это римские солдаты грабят город. Римляне полагали, что городские жители совершили какое-то предательство. Их рано разбуженный ничего не понимающий военачальник скрылся на ялике в гавани и стал грести к крепости. Недоумение еще больше возросло, когда послышались звуки трубы. Это была присвоенная предателями труба римлян, на которой неумело играл какой-то грек. Никто не мог сказать, кто подавал этот сигнал и кому.

Когда рассвело и перед уцелевшими в крепости римлянами предстали вооруженные пунийцы и галлы, все их сомнения рассеялись. В то же время греки, увидев повсюду убитых римлян, осознали, что город взят Ганнибалом. Он приказал всем

горожанам, кроме тех, кто последовал за римлянами в крепость, собраться без оружия. Ганнибал по-доброму обратился к ним, напомнив, как отпустил их сограждан, захваченных в плен в битвах при Тразименском озере и Каннах. Он сурово осудил надменность римлян. В заключение он предложил всем разойтись по домам и написать на дверях „Тарентинец“. После того как двери всех жителей были помечены, он разрешил своим сторонникам разграбить дома римлян. Трофеи оказались весьма значительными».

Такое вступление в Тарент в духе Робин Гуда было предпринято в предвидении будущей кампании. Но это не помогло захватить крепость в гавани и выбить из этой твердыни римлян. Ганнибал завладел, наконец, желаемым главным портом, но воспользоваться им не смог.

Лапы Архимеда

В другую ночь, в другой гавани произошла атака совсем другого рода. В предрассветный час, когда все еще спали глубоким сном, 60 пентеконторов, медленно работая веслами, вплыли в Ахрадину, внутреннюю гавань Сиракуз. Первые галеры представляли собой странное зрелище. Они были связаны попарно, только внешние ряды гребцов работали веслами и напоминали шуточный бег парами, при котором ногу одного бегуна связывают с ногой другого. Верхние палубы и скамьи гребцов больших галер были заполнены легионерами с тяжелыми железными щитами. К голым мачтам были подвешены на веревках и блоках странные приспособления — тяжелые лестницы поднимались с передней палубы с платформами, выступающими с верхних концов. Когда корабли с таким оборудованием подплывали к внешней крепостной стене осажденного приморского города, эти лестницы опускали на верхнюю часть стены и тяжеловооруженные пехотинцы взбирались по ним на стену. Потом легионеры должны были разбежаться влево и вправо и сомкнуться с другими штурмующими силами. На основании опыта прежних осадных действий подобного рода можно было полагать, что и сиракузские греки не устоят перед натиском тяжеловооруженных легионеров.

Между парами пентеконторов, оснащенных лестницами, двигались суда, доставившие лучников, пращников и команды катапульт и легких камнеметательных машин. Осадные орудия этих вспомогательных судов должны будут прикрывать атаку

когорт, взбирающихся по лестницам.

Эта ночная атака с борта судна не могла, конечно, принести победу над всеми Сиракузами, которые состояли из трех отдельных городов, окруженных одиннадцатимильной крепостной стеной, которая часто проходила по вершинам отвесных скал. Сиракузы никогда еще не были захвачены штурмом. До римлян доходили слухи об их оборонительных сооружениях, придуманных чудаковатым мечтателем Архимедом и способных противостоять боевым механизмам римских кораблей. Но едва корабли вошли в гавань, осаждающая армия ринулась с воды на город и ворвалась в него, как острие копья входит в уязвимое место в броне.

Осадной флотилией командовал лично Марцелл, который провел ее через Мессинский пролив. Марцеллу было приказано взять Сиракузы любыми средствами и любой ценой. Этот приказ был отдан ему, «поскольку он не был побежден Ганнибалом» у Нолы. Его помощник ждал на берегу у лагеря осаждающих.

Море было спокойным. Легкое волнение утихло, когда флот миновал мыс Насо и вошел в защищенную гавань. Все греческие корабли, казалось, были укрыты в небольшой торговой гавани. Весла медленно опускались на воду с тихим скрипом, заглушаемым плеском воды о корпус галер. Суда с подъемными лестницами вплыли из звездного света в тень дамбы и холмов за ней. Военачальники с облегчением вздохнули, поскольку миновали гигантские каменные оборонительные сооружения, которые держали римские корабли на расстоянии в течение дня.

На поверхности темной стены внезапно появились просветы. Это были бойницы, из которых полетели короткие тяжелые копья. Нацеленные точно на палубы, они вонзались в тяжеловооруженных людей, сея панику в их рядах. Звуки трубы и отдаленные голоса разносились по всей длине стены.

Когда оборудованные лестницами суда приблизились к берегу вплотную, с парапета на них опустились как бы длинные лапы. То были подъемные ворота, так как под ними закреплены были железные цепи с чем-то плохо различимым в темноте на концах. Тяжелый металл, опускаясь на нос судна, расщеплял деревянный каркас. Цепи загремели где-то наверху, и носы кораблей начали задираться, словно Нептун, бог морских глубин, подбросил их вверх.

Гигантские когти, вцепившиеся в носы кораблей, поднимали их все выше, пока люди не покатились кубарем с палуб, а галеры не начали зачерпывать кормой воду. Когти неожиданно ослабили хватку, а цепи провисли. Изломанные корабли падали в воду, подъемные лестницы валились за борт. Иногда чудовищные

машины над головой роняли свинцовые шары величиной с теленка, которые пробивали корпус корабля, и в пробоины устремлялась вода. Другие шары из горящей смолы воспламеняли деревянные корпусы судов. А обыкновенное боевое оружие дождем сыпалось со стен.

Возможно, все эти повреждения не остановили бы продвижение легионов среди дня и на твердой почве. Но в темноте и на воде эффект оказался сокрушительным. Лестницы уже нельзя было использовать. Марцелл приказал протрубить отбой.

«Так гений одного человека, Архимеда, победил силу бесчисленных рук».

Упорные римляне попытались штурмовать Сиракузы с суши под прикрытием своих боевых машин. Но защитная стена со стороны суши тоже была неприступной благодаря изобретениям Архимеда, который разбирался в баллистике куда лучше инженеров Марцелла. Штурм с суши провалился.

Ганнибал отправил двух греческих военачальников в гарнизон Сиракуз, который состоял частично из наемников, частично из римских дезертиров, а также из небольшой сицилийской армии и множества гражданских лиц. «Рабам было велено надеть венки свободы, — рассказывает Ливий, — а преступники были освобождены от тюремных оков. Все это разношерстное скопище выбрало Гиппократа и Эпицида (офицеры Ганнибала) своими военачальниками».

Римское командование решило ограничиться блокадой города. В конце концов римлянам удалось проникнуть в огромный порт благодаря предательству в ночь пиршества у одного из трех избранных наемниками командиров. Будучи когда-то властителями округа, легионы систематически наведывались в гавань, где потерпели неудачу их корабли. Они развязали дикую оргию, разграбив ценные произведения искусства греческих мастеров. Легенда гласит, что семидесятипятилетний Архимед был поглощен изучением чертежа на песке, когда римские воины ворвались к нему. Вероятно, он сердито прикрикнул на тех, кто его побеспокоил, и тогда люди Марцелла закололи его мечом и начали обшаривать все вокруг. Так погиб старый человек, который был выдающимся астрономом и математиком эллинистической эпохи.

Слух о страданиях Сиракуз быстро распространился по острову и вызвал возмущение в его западной части. Там армия из Карфагена встретилась лицом к лицу с войском Марцелла, и Ганнибал послал военачальника из числа своих нумидийцев

возглавить ее.

Сам Ганнибал был отрезан от Сицилии Мессинским проливом. Да и не мог он оставить свой пост на горе Тифате. Однако с нарастающим беспокойством он следил за конфликтом, который разворачивался на театре военных действий Средиземноморья.

После Канн Гасдрубал, брат Ганнибала, попытался выполнить приказ прорваться через армии двух Сципионов и войти в Италию. Атаковавшая слишком поспешно армия Гасдрубала была разбита на линии реки Эбро. Карфагенян оттеснили на юг Испании способные и осторожные братья Сципионы.

Экспедиция Бомилькара на Сардинию ускользнула от римского сторожевого флота, но не от шторма, который вынудил ее укрыться на Балеарских островах, правители которых всегда держались дружелюбно по отношению к карфагенянам. Но к тому времени, когда карфагеняне высадились на скалистом побережье Сардинии, Торкват подавил сопротивление островитян, и его легионы быстро разделались с недостаточно подготовленной карфагенской экспедицией. По иронии судьбы, делая это, Торкват, поборник древних традиции, вопреки всем традициям дал в руки оружие членам команд своих кораблей.

Часто утверждают, что город Карфаген не оказал помощи Ганнибалу в Италии. Разумеется, единственный конвой с 4000 человек плюс 40 слонов, высадившийся в Локрах, был жалкой поддержкой великому полководцу, который противостоял римской мощи. В качестве объяснения (и в подтверждение римской легенды о связанном клятвой Ганнибале, который втянул свой город в войну) утверждалось, что Карфаген, оплот купцов, мало интересовался этим конфликтом и поэтому только на словах помогал своему своевольному сыну. Это не так. Карфаген всюду посылал свои войска для ведения военных действий, когда позволяли ресурсы. Захват морских путей был бы гарантией побед для Ганнибала.

Ганнибал потребовал срочно прислать подкрепление в Сиракузы. Карфаген отправил 13 000 вооруженных воинов. Они высадились возле Сиракуз, где каждого десятого в лагере поразил мор. Остальные, которыми командовал один из военачальников Ганнибала, в конечном счете были рассеяны превосходящими силами Марцелла. У Карфагена не было средств, чтобы обучать рекрутов для итальянской армии Ганнибала, да и военачальников, равноценных братьям Барка, тоже.

Бомилькар, самый опытный карфагенский флотоводец, однажды привел свой флот в Сиракузы, но потом увел его оттуда

при приближении римских боевых кораблей. Свыше 100 галер было сейчас у Карфагена в море, но не было ни одного компетентного командующего. Действительно, город Бирса, не затронутый конфликтом, не приложил особых усилий и не предложил никого в чрезвычайной ситуации, когда это было столь необходимо Ганнибалу на Тифате.

Было мобилизовано 20 000 человек подкрепления для отправки конвоем в Тарент. После поражения Гасдрубала на Эбро его армия была отведена в Испанию. Возможно, это было сделано с согласия Ганнибала, потому что Магон, его второе «я» в Карфагене, взял на себя командование этой армией.

К тому же Карфаген постоянно старался выглядеть слабее, чем на самом деле, по одной причине. Военно-морские базы римского блокирующего флота находились в Остии, у берегов Сардинии, у Эгатских островов, в Мессинском проливе и в порту Бриндизи (Брундизий) у входа в Адриатику. Около 200 галер сопровождали римские конвои и исследовали берега, чтобы перехватить Ганнибала. Вскоре после Канн римляне пополнили свой флот шестьюдесятью боевыми кораблями, чтобы заменить старые или поврежденные суда. У богатых граждан были заимствованы средства на то, чтобы нанять новые команды, когда нанесенный Ганнибалом ущерб портам привел к уменьшению их рядов.

Эти римские галеры не просто доставили войска Марцелла в ночь штурма Сиракуз. Они проложили «дорогу жизни» для армии Сципиона в Испании. Один разведывательный корабль перехватил посланников Филиппа Македонского, когда те возвращались с Тифаты.

(Главный посланник, грек по имени Ксенофон, прошел через римский контрольный пост на суше, убедив тех, кто его спрашивал, что он направляется в сенат, а не к карфагенянам. Однако его басням не поверили морские офицеры, когда он возвращался назад.) Это дало возможность переслать в сенат полный текст одностороннего договора Карфагена с Македонией, в то время как Филиппу пришлось ждать целый год, пока его эмиссары смогли принести ему дубликат договора от Ганнибала. Когда македонцы наконец появились у Далматинского побережья, римский флот, крейсировавший здесь, рассредоточил свои боевые силы и помешал армии Филиппа высадиться на побережье Италии. Год промедления со стороны его союзников дорого обошелся Ганнибалу.

Историографы были такого невысокого мнения о римских военно-морских силах, что сохранили имя лишь одного римского морского военачальника. Между тем этот Отацилий нес свою

тяжелую службу на протяжении почти всей войны.

К 211 году до н. э., седьмому году конфликта, карфагенский флот разросся до 130 галер. Этот год принес неожиданное известие о победе в Испании.

Выборы проконсула для Испании

Канны в Испании! Оба военачальника в ранге проконсулов, Публий и Гней Сципион, были убиты! Их армии почти уничтожены, остатки, лишившиеся своих руководителей, бежали на Эбро.

Это известие повергло в ужас собравшихся на римском Форуме. А дальнейшие детали вызвали еще большее оцепенение. В сердце Испании кельтиберы, клявшиеся в верности, бросили Сципиона. Молодой нумидиец, Масинисса, появившийся здесь, ввел в заблуждение римские легионы, взяв их в кольцо всадников. Хуже всего было то, что обе армии доблестных Сципионов оказались застигнутыми по отдельности проворными отрядами братьев Барка, Гасдрубала и Магона, и третьего карфагенского полководца. Неприятельское командование ликовало. Дорога на Эбро, если не на Альпы, была открыта карфагенянам.

А в самой Италии торжествовал Ганнибал. Его пограничные лагеря, располагавшиеся к востоку и западу от Апеннин, у Лючеры и Казилина, находились теперь соответственно в 150 и 110 милях от Тибра. Самый дерзкий из начальников конницы, Семпроний Гракх, попал в засаду, то ли охотясь на берегу этой реки, то ли купаясь в ней. Его тело было доставлено во время перемирия на ближайший армейский пост неким карфагенянином Карталоном.

Тень Гракха присоединилась к духам Фламиния, Эмилия, других только что избранных консулов в Цизальпинской Галлии, тех Сципионов, что находились в преисподней. Только Марцелл, казалось, был в состоянии осадить неуловимого Африканца, который командовал не настоящей армией, а сворой мятежных галлов, греков, капуанцев и бруттийцев. Но Марцелла нельзя было отозвать из Италии, чтобы удерживать Пиренеи в Испании.

Ко времени выборов 211 года до н. э. старейшины сената встречали восьмой год войны с глубокими опасениями. Не приходилось ждать морских транспортов с зерном из разоренной Сардинии или охваченной чумой Сицилии. Резня, устроенная Марцеллом на взбунтовавшейся Сицилии, была уместна для восстановления порядка, но лишила сельскохозяйственные работы многих рук. В то же время в римских отрядах упала

дисциплина, что приводило к вспышкам неповиновения. Отряды, сформированные из рабов после Канн, были распущены как неспособные ни на что, кроме разграбления сельской местности. Командир центурии по имени Пенула увел два легиона, поклявшись, что найдет и прикончит Ганнибала, и возвратился без этих легионов.

Цензор привел лидерам сената жесткие цифры. На текущий момент они имели в Италии 23 дееспособных легиона. Эта мобилизация отняла больше половины из 270 000 мужчин, пригодных для военной службы. В год появления Ганнибала с Альп их число составляло 770 000. Сколько людей осталось для уборки урожая на уцелевших полях и для его перевозки?

Молодой сановник в безукоризненной тоге, выслушав аргументы перед входом в храм Юпитера, сделал странное заявление:

— Вы все время говорите только о Ганнибале. Вы думаете только о Ганнибале. Между тем ваш враг — город Карфаген.

Те, кто услышал это, обратили внимание на его слова, потому что сановником этим был Публий Корнелий Сципион, двадцатипятилетний сын покойного главнокомандующего в Испании. Кроме того, молодой Сципион присутствовал в Треббии и Каннах, где обнажал свой меч, чтобы остановить бегство недостойных офицеров. Однако Сципион никогда не был военачальником. Ему было больше по душе заниматься политикой на Форуме.

Ему сообщили правду, простую, как перстень с печаткой на его пальце.

— Ганнибал находится на расстоянии недельного марша от ворот Рима у Квиринала. Карфаген — в Африке.

Сципион ответил с необычайной страстностью:

— Даже если и так, если вы разрушите Карфаген, что останется от Ганнибала?

Он принадлежал к молодым оригиналам. Часто заставлял хранителя храма Юпитера на Капитолийском холме открывать ему двери храма ночью, чтобы он мог предаваться там в одиночестве размышлениям до рассвета.

— Никто не может быть менее одиноким, — объяснял он, — чем тот, кто находится в полном одиночестве.

Поговаривали, что духовные бдения в одиночестве объясняются тем, что отцом Сципиона был сам бог, соединившийся с его матерью. Слышали, как он что-то бормотал в пустом храме. Кто был с ним в это время? Однако юный Сципион, прекрасный, как греческий эфеб, забывал о своей любви к одиночеству, когда какая-нибудь привлекательная девушка,

даже рабыня, бросала взгляд в его сторону.

Вопрос о странностях Сципиона, возможно, оставался бы на уровне слухов, если бы не требования, исходившие от народных собраний тридцати пяти триб. Голодные римские граждане находились в состоянии возбуждения, вызванного притоком в город крестьян, насильственно согнанных со своих мест, и расправой с дезертирами, сброшенными с Тарпейского холма. Собрания яростно выступали против того, чтобы отдавать на откуп сбор налогов со спекулянтов, и против магнатов, которые оперировали новыми кораблями. У людей были доказательства того, что некоторые из этих магнатов преднамеренно топили полупустые суда и взимали плату из общественной казны за потерю ценных грузов. Но куда сильнее этого обоснованного возмущения были безотчетные тревоги. «Люди, чувствуя, что покинуты своими богами, отказывались от многих древних ритуалов в погоне за новыми божествами».

Совершенно очевидно, что толпа на Форуме верила, что Сципион, один из героев Канн, общался с невидимыми божествами.

Все это приняли во внимание старейшины в своих предвыборных раздумьях. Загадочный Сципион выглядел изнеженным со своими кудрявыми, как у грека, волосами. Он был еще слишком молод даже для того, чтобы стать претором. При этом он происходил из рода Корнелиев, и в молельне его роскошного дома висели посмертные маски около тридцати его предков консульского ранга с мемориальными надписями. Кроме того, он, без сомнения, верил в собственные способности, независимо от того, были они дарованы ему богом или нет. Старейшины решили, что у Публия Корнелия Сципиона не должно быть никаких конкурентов, когда он занял свое место на трибуне Форума, чтобы сообщить, что он — кандидат в проконсулы для Испании. Пожилой государственный деятель, обладающий всеми требуемыми достоинствами, мог сопровождать его в качестве номинального главы.

Так и случилось, молодой Сципион был единогласно выбран проконсулом. Некоторые критически настроенные люди говорили, что только идиоты могли отправить его в Испанию, туда, где его ждали могилы отца и дяди.

Многими чертами характера Сципион напоминал другого оригинала — Юлия Цезаря. Он был амбициозен, цинично относился к окружающим, обладал холодным умом, притом что был способен на неожиданную дерзость. Он мог быть обаятельным, если ему надо было кого-то убедить. Возможно, после Канн он разочаровался в способностях Рима к руководству

и хотел быть как можно дальше от указаний сената. Почти с самого начала Фабий не доверял ему. Однако Сципион терпеливо дожидался у порога сената возможности занять высокий пост в момент политической нестабильности. В процессе этого ожидания он создавал легенды о себе. Когда толпа жаждала помощи сверхъестественной силы, Сципион появлялся как посредник, так сказать, невидимых богов.

Он инстинктивно понял самое главное в великом конфликте — что Ганнибал действовал по воле Карфагена, а не потому, что хотел того сам.

В некотором смысле так было и в случае Сципиона и Рима. Элегантный политик улицы решил выполнить план своего отца — добиться победы через завоевание Испании, используя ее в качестве моста в Африку.

Нептун у Нового Карфагена

Сципион, вместе со своим номинальным главой и легионами, высадился в Эмпории, к северу от Эбро. Здесь остатки разгромленной армии воссоединились с подкреплением, срочно подоспевшим из Рима. Они видели своего молодого военачальника в двух ипостасях: доброго друга и непреклонного поборника дисциплины.

Разыскивая военачальника, который принял на себя командование после катастрофы, Сципион нашел его в центурии. Это был Луций Марций, молодой человек примерно одного с ним возраста. Сципион приблизил Марция к себе, честно признавшись, что совершенно несведущ в обстановке на испанском фронте. Он хотел узнать, какие города здесь были настроены дружелюбно и почему, каких заложников удерживали и почему, что плохого и что хорошего случилось за последние восемь лет и почему. Расспрашивая Марция, Сципион знакомился с нагорьем, лежавшим между Эбро и величественными Пиренеями, объезжая его верхом на коне. Это, как говорили ветераны, оставшиеся от команды его отца, был рубеж, который необходимо удержать, и только тогда можно считать себя в безопасности. Сципион улыбался и хвалил ветеранов за остроту ума. Он имел высокого профессионала в лице своего легата Лелия. Ко всеобщему удивлению, Сципион назначил Марция начальником своего штаба.

Сципион имел обыкновение наведываться в разные когорты, чтобы поговорить с людьми. Он говорил им о том, что поражение, которое нанесли карфагеняне, объясняется не недостатком

храбрости у римских воинов, а тем, что римская армия была разделена на две половины. Он обещал, что под его командованием такого не произойдет, и давал солдатам почувствовать свою внутреннюю уверенность в том, что произойдет дальше.

В течение осени и зимы Сципион муштровал новые легионы. Люди маршировали строем до тех пор, пока не падали под тяжестью снаряжения, и отставших оставляли без рациона или наказывали плетью у позорного столба. Они скакали, выстроившись в каре, навстречу невидимой кавалерии. Они тащили технику вверх по склонам горы. Они мужественно встречали метательные копья, которые в них бросали на испанский манер. И снова маршировали.

Сципиона предупредили, чтобы он не удалялся от побережья: три карфагенские армии защищали внутренние районы страны, к тому же население центральной части было ненадежным. Сципион полностью с этим согласился. Он не станет далеко отходить от моря, где стояли в ожидании готовые галеры. Для большей уверенности Сципион подвергал информаторов перекрестному допросу до тех пор, пока не получил точные сведения о том, что команда Магона остановилась на зимние квартиры возле Геркулесовых столбов, в то время как Гасдрубал ждал в Кантабрии, а еще один карфагенянин вблизи Атлантического побережья. Все они, таким образом, находились на расстоянии не менее десяти дней марша от своей базы в Новом Карфагене.

Новый интерес Сципиона на побережье заставил его опросить капитанов кораблей обо всех приливах на почти не имеющем приливов и отливов Средиземноморье и о воздействии береговых ветров. Флот, стоявший на Эбро, был готов выйти в море.

На исходе зимы Сципион лично повел легионы в долгий марш к югу. Они не поворачивали назад. Едва рассветало, снова двигались к югу. Сципион сообщил когортам, что войсковое имущество следует за ними. И еще он сказал, что они не остановятся, пока не дойдут до Нового Карфагена. Легионы ускорили шаг. Флот сопровождал их, держась в пределах видимости с берега.

Смелость Сципиона, сумевшего неожиданно захватить оплот карфагенян в Испании, вызвала впоследствии восхищение военных специалистов. В городе Гасдрубала Великолепного гарнизон состоял не более чем из 1000 человек, было там и около 2000 резервистов. Но Сципиону не удалось бы добиться успеха в этом первом рискованном предприятии, если бы он не прибег к помощи Нептуна. Перед тем как римляне подошли к Новому

Карфагену, раскинувшемуся на мысе между морской гаванью и лагуной, Сципион пообещал наградить золотой короной того, кто первым взберется на городскую стену, и уверил, что Нептун поможет им, когда придет время. Он, Сципион, видел это во сне.

Быстро идущим легионам хоть и с трудом, но удалось отбить внезапное нападение карфагенян, но не удалось после этого захватить восточную стену. В конце дня Сципион снова бросил своих легионеров в атаку, а сам с пятью сотнями и специалистами по технике, прихватившими с собой лестницы, обогнул стену с севера, со стороны лагуны. Римляне продвигались по пояс в воде. Кроме них, здесь никого не было. Флот вынужден был ждать у входа в гавань. Небольшие воинские подразделения карфагенян располагались на суше, возле стены.

Сципион передвигался по мелководью. В этот час, видимо, наступил незначительный отлив или ветер дул с берега. Люди, следовавшие за Сципионом, тем не менее верили, что только Нептун мог сдержать воду. Они легко взобрались на стену со стороны лагуны и ринулись на полупустынные улицы города.

Так, менее чем за семь часов, армия Сципиона взяла штурмом цитадель карфагенян, когда этого менее всего ожидали. Сципион еще больше упрочил легенду о том, что если ему и не помогают боги, то они, по крайней мере, наделили его даром предвидения.

Вскоре в руки Сципиона перешел большой порт, где находил пристанище конвой из Африки, — вместе со складами, серебром Гасдрубала и 18 судами, годными к плаванию. Сципион получил укрепленную базу для своей армии и открыл ее для флотилий из Рима.

Гасдрубал не мог отправиться в Италию по суше, пока Сципион удерживал Новый Карфаген.

Это обстоятельство внушало оптимизм толпам, собиравшимся в Риме на Виа Сакра. Новость о захвате города Гасдрубала вызвала всеобщий энтузиазм. В то же время трофеи, захваченные Марцеллом, выставили на всеобщее обозрение за стенами храма, посвященного воинской доблести. То были статуи греческих богов, привезенные из разграбленных Сиракуз. Вместе с ними был доставлен золотой шар с тонким, словно кружево, узором — глобус, сделанный по рисункам Архимеда.

На улицах говорили, что до сих пор у римского народа было все необходимое для победы, кроме Ганнибала. Теперь молодой Сципион восполнил этот пробел. Разве не был он любимцем богов, как был храбрецом из храбрецов Марцелл?

Послание с того света

«Никогда еще карфагеняне и римляне не были в столь равной мере подвержены колебаниям переменчивой судьбы, переходя попеременно от надежды к страху».

И в это время, в критические годы с 212-го по 210-й до н. э., все следы самого Ганнибала едва просматриваются на палимпсесте истории. Почти невозможно выяснить, на что он надеялся, чего опасался. Ясно только, что ему удалось ускользнуть от наблюдения врагов до той поры, когда он появился во главе армии. Было похоже, что он перемещался, как ему заблагорассудится, по знакомым долинам его владений, от башен Казилина до Белых Скал в конце Апеннин.

Он не утратил своего озорного юмора. Время — от времени какой-нибудь римский отряд получал предсказание поражения, написанное на хорошем латинском языке, с обозначением даты и места. Направляясь туда, несмотря на устрашающее предупреждение, отряд действительно терпел поражение, согласно предсказанию. Другой отряд получал иное послание — приказ проконсула, скрепленный, как положено, его личной печатью. Приказ уже готовы были выполнить, как вдруг кто-то вспоминал, что проконсул убит, и карфагеняне, должно быть, захватили его кольцо с печатью. Возможно, Ганнибал относился с большой долей сарказма к своей роли правителя Южной Италии, лидера прекрасной армии.

Его карфагеняне искусно изводили своих врагов. Сообщения передавались от холма к холму со скоростью взгляда — с помощью «огненного телеграфа» — световых сигналов при помощи костров, пока неведомого римлянам способа. Иберийцев видели по ночам танцующими вокруг костров. Когда линия когорты приближалась к линии испанцев, время от времени обрушивая на врагов шквал дротиков, испанцы припадали к земле, пропуская залп, и поднимались, чтобы метнуть свои железные копья. Карфагеняне переправлялись через полноводную реку, не замочив ног, по мосту из небольших лодок, после чего забирали этот мост с собой. Корабли-призраки появлялись на Тибре и снова исчезали. Что это было?

Карфагеняне умели обращаться с кораблями. Ганнибал научил тарентинцев, как увести галеры из заблокированной римлянами внутренней гавани их города. Небольшие суда тарентинцев поставили на катки и передвинули по улицам на берег открытого моря. Тарент, единственный порт, которым могли пользоваться македонские союзники Ганнибала, никогда не выходил у него из головы. Он обращает внимание на детали, не замеченные его врагами, знает, что потерпевшие неудачу в Каннах легионы пали духом в Сицилии и что этрусские крестьяне

впервые проложили себе дорогу к его границам. Его источники информации трудно было установить. Многие нумидийцы, которые якобы дезертировали, к радости римлян, возвращались к Ганнибалу с сообщениями о том, что они видели своими глазами у неприятеля. На Тифате вдруг объявился гость из Александрии, что было довольно странно, потому что Египет времен Птолемеев был врагом Македонии, союзника Ганнибала. Однако Ганнибал узнал от него, что находящийся в затруднении сенат договаривается с Птолемеем о доставке зерна на кораблях. Некий римский офицер, тоже находящийся в плену на Тифате, не отходил от Ганнибала. Их часто видели беседующими, но о чем?

Тифата была теперь укреплена, а другие города заняты гарнизонами карфагенян. Потому что Ганнибал потерял Капую.

Римляне неизбежно должны были направить все свои усилия против Капуи. Никакой бунт в Великой Греции не вызывал у них такой гнев, как нарушение верности со стороны их любимого города. Больше того, миф о непобедимости Ганнибала был развенчан его неудавшейся осадой Нолы. А подготовка осады Капуи могла производиться с берега, со стороны реки Волтурно. К тому времени появились разные тактические новшества. Легковооруженные войска были усилены, чтобы противостоять опасным карфагенским легким частям, испанским и балеарским. В кавалерии (главное слабое звено римской армии) копьеметателей учили садиться на лошадей позади всадников и спешиваться, чтобы метать оружие в пораженную страхом карфагенскую тяжелую кавалерию.

Итак, южные отряды Римской республики были готовы выступить в направлении Капуи. Встревоженные жители города обратились с призывом к Ганнибалу, который был в то время занят делами в цитадели Тарента. И Ганнибал поручил Ганнону с тяжелой кавалерией помочь капуанцам. Последовал совершенный при помощи «огненного телеграфа» быстрый маневр — и в результате смерть Гракха, гибель одного из римских отрядов (согласно пророчеству) и расстройство планов хвастливого Пенулы. Два войсковых соединения, которым удалось добраться до Капуи, поспешно укрылись в горах.

Осада мятежного города была прервана, но не отменена. Армии двух проконсулов сблизились снова, чтобы соорудить кольцо укрепления вокруг крепостных стен Капуи. И снова Ганнибал получил призыв о помощи. На этот раз он сам двинулся форсированным маршем на место событий, вместе со своими ветеранами-пехотинцами и 32 слонами. Послание, переправленное в город, призывало жителей Капуи быть

готовыми выйти в указанное время на указанное место, откуда они смогут наблюдать за тем, как Ганнибал атакует римскую линию осады. Тем самым они вынудят окопавшегося врага к сопротивлению в одной точке протяженной линии осады.

Горожане, в их числе мальчики-подростки и женщины, послушно поднялись на одну из стен; женщины надеялись все увидеть и подбодрить своих воинов криками. Но они перестарались. Говорят, что поднятый на стене шум в равной степени помешал как римлянам, так и карфагенянам слышать команды. Но защитникам Капуи так и не удалось преодолеть внутренний вал укреплений осаждающих.

Ясно, что Ганнибал со своей стороны предпринял молниеносную атаку с использованием тяжелой пехоты при поддержке слонов, защищенных во время боя кожаными нагрудниками. Карфагеняне, атакуя, прорвали внешнюю линию укреплений. Передовой отряд нападавших при поддержке испанской пехоты ворвался в римский лагерь. Появившиеся там три слона растоптали палатки и вызвали переполох среди лошадей и вьючных животных. В конечном итоге слонов отогнали с помощью огня. Бой был жестоким. Проконсула ранили, а разгромленный легион вновь собрался только благодаря трибуну, который призвал его под знамена. Несколько испанских отрядов прорвались к жителям Капуи. Римская осада в основном удержалась, и Ганнибал вынужден был увести свои атакующие войска.

Его силы оказались меньшими, чем у двух неприятельских армий, ведущих осаду. И его позиция к концу дня стала критической — между линией римлян и стремительной рекой. В этот момент Ганнибал по своему обыкновению быстро внес коррективы в первоначальный план. С помощью одного незаменимого нумидийского «дезертира» он передал послание своим испанским военачальникам и размещенному в городе гарнизону. В нем он просил их продержаться несколько дней. После этого неприятельские войска прекратят осаду.

Сам Ганнибал двинулся на Рим.

«Не для осады Рима идет он»

Понадобилась искусная операция, чтобы увести от противника небольшую армию, переправившись через реку. Карфагенянину, который, вероятно, предвидел это, помогло бездействие второго, уцелевшего проконсула, который удерживал в ту ночь свое войско на месте. Ганнибал принял меры

предосторожности, разбив укрепленный лагерь в качестве плацдарма на берегу реки. В ту ночь его люди собрали все имеющиеся лодки и под покровом темноты незаметно переправились через реку вместе со слонами. На противоположном берегу они присоединились к всадникам Ганнона и Магона, которые прикрыли их марш на север. К началу дня карфагеняне уже были далеко от Капуи.

Надеялся ли Ганнибал поразить великий город на Тибре, который оставался нетронутым после семилетней кампании в Италии? Иногда говорят, что он этого хотел. Его поход имел все признаки броска на Рим. Карфагеняне выбрали для похода удаленную от моря Латинскую дорогу. На более простой, прибрежной Аппиевой дороге были расположены неприятельские города. К тому же она просматривалась с проплывающих мимо боевых кораблей.

Вскоре тем не менее Ганнибал позволил своим уставшим войскам отдохнуть день в лагере. После этого, вторгшись на неприятельскую территорию, всадники рассыпались по долинам, вытаптывая посевы, поджигая налившееся зерно и вселяя в население ужас своими факелами и мечами. Новость о походе Ганнибала, соответственно, доходила до армий проконсулов под стенами Капуи и до ворот Рима. Однако в долине, под прикрытием серых скал Касина (того самого массива Монте-Кассино, который так надолго задержал армии союзников на их пути к Риму во время последней мировой войны), Ганнибал разрешил своим отрядам два дня отдыхать, грабить и добывать фураж.

Совершенно ясно, что он не совершал марш-бросок, чтобы привести в смятение город. Он смотрел назад, а не вперед. Он давал своему врагу время на то, чтобы проследить путь его похода, и даже для того, чтобы наладить сообщение между сенатом и Капуей. Он надеялся на то, что оба проконсула прекратят готовиться к осаде, чтобы последовать за ним и защитить свою столицу. Сейчас при нем была вся его кавалерия, и на открытом месте, внизу под горой, он мог бы перехитрить и уничтожить войска, преследующие его, как преследовали в свое время отряды Фламиния.

Эта надежда почти осуществилась. Весть о приближении Ганнибала вызвала панику на улицах Рима. Как это произошло и после Канн, первые вошедшие в город люди распространяли дикие слухи об охваченных пламенем сельских районах и о нумидийцах, несущихся галопом следом за ними. *Hannibal ad portas*! Ганнибал у ворот! Женщины бросились бежать из своих домов в храмы. Сенат день и ночь заседал под открытым небом,

чтобы все видеть и самому быть у всех на виду. Всем влиятельным сенаторам было приказано взять на себя руководство теми, кто занимал более низкое положение.

Старейшина из группировки Корнелиев (в отличие от молодого Сципиона) потребовал, чтобы войска были отозваны с поля битвы ради спасения города.

Фабий Максим говорил от лица мудрейших. Фабий давно знал все маневры Карфагенянина. На этот раз он лишь воззвал к Юпитеру — покровителю города. Как, вопрошал он, может Ганнибал, который не сумел помешать осаде Капуи, преодолеть стены Рима?

— Не для осады Рима идет он, а для избавления Капуи от осады.

И в своем послании проконсулам на поле битвы сенат рекомендовал им двинуть на север только те легионы, отсутствие которых не отразится на осаде.

Отряд в 15 000 воинов отправился по Аппиевой дороге от реки Волтурно к городу. Он немного задержался, переправляясь через реку, потому что Ганнибал сжег лодки, которыми воспользовался. Это подкрепление, совершая марш-броски через прибрежные города, где пополнялись запасы продовольствия, достигло южных ворот Рима до появления Ганнибала на горизонте.

Ганнибал пришел на Тибр через горный проход Аньо. Сожженные деревни отмечали его путь. Вид карфагенской конницы вызвал новую волну страха в сельской местности. По ночам беженцы, напуганные дикими воинственными криками африканцев, собирались у городских ворот. Ганнибал разбил лагерь на расстоянии трех миль от них. В сопровождении конного эскорта он подъехал к воротам Рима у Квиринальского холма и не спеша обследовал крепостную стену.

Ганнибала и его спутников встретили вооруженные защитники. Три легиона охраняли город. Легионы из Капуи заняли место на равнине под стенами города. Хотя количество защитников Рима достигало 35 000, не было предпринято никаких усилий, чтобы противостоять пришельцам, и карфагеняне принялись, как обычно, грабить ближайшие храмы и уносить все, что можно было унести.

Видимо, в отместку в лавках Форума была организована распродажа земель, занятых карфагенским лагерем, по ценам, не меньшим обычных рыночных. Слух об этой распродаже разнесся по улицам города.

Днем позже из карфагенского лагеря вышел посланник в сопровождении трубача. Посланник оказался гражданским лицом

и принес краткое известие: «Ганнибал предлагает продать все лавки Форума. Какую цену я должен ему назвать?»

Каким-то образом Ганнибал узнал о хвастливом намерении устроить продажу того поля, на котором он разбил свой лагерь, и ответил шуткой. Фабий нисколько не удивился. Впервые карфагеняне опустошали Лациум — сердце Римской империи. Они скакали по священным холмам Альбы; они разрушили усыпальницу богини горы Соракт, в 30 милях к северу. На севере, востоке и юге поднимался дым от горящих городов, в то время как пять легионов находились в ожидании за стенами Рима.

И тут Ганнибал ушел, вместе со своими слонами и добычей. На этот раз он не оставил никаких признаков того, куда держит путь.

Результат его рейда тем не менее скоро сказался. Он пополнил свои запасы золота, серебра и ценностей, в то время как Рим столько же потерял. На следующий год Лациум был не в состоянии выплачивать свою часть налогов и делать поставки. От двенадцати колониальных и союзнических центров пришло сообщение, что они не могут ничего отдать, потому что у них ничего не осталось. Снова зароптали плебеи: на их плечи легли нестерпимые тяготы войны, в то время как магнаты, которые развязали ее, не испытывали никаких трудностей. В воздухе запахло бунтом. (Впервые за эти изнурительные годы сенат взял средства в долг из частных фондов богатых людей, под обязательство расплатиться в конце войны.) Слышался общий ропот: почему ничего не делается для того, чтобы положить конец войне?

Рим тоже истекал кровью.

— Не меньший ущерб, чем карфагеняне и жители Кампании, — возмущенно вещал какой-то оратор на улице, — наносят римскому народу наши консулы. Наши дома сжигает враг, наших рабов, которые возделывают поля, теперь отбирает государство. За какие-то жалкие гроши, которые нам платят, наши рабы должны идти гребцами на галеры. У кого из нас осталась хоть чуточка золота или серебра? Появись они, и государство тут же их отберет. Скажите мне, граждане, какая сила может заставить нас отдать то, чего у нас больше нет?

При конфискации драгоценных металлов женам было разрешено оставлять себе по одному кольцу, а глава семьи мог сохранить по одной унции золота из расчета на каждого члена семьи. Загадочные пожары начали возникать на главных улицах. Власти обвиняли в поджогах капуанских шпионов.

Несмотря на все доводы фабианской партии, появление Ганнибала и его всадников возле римских ворот у Квиринала

возродило миф о его непобедимости. С новой силой вспыхнула религиозная истерия. На улицах появились прорицатели, предсказывающие гнев богов и гибель города. Говорили, что в статую богини победы Виктории ударила молния. Боевые трофеи из Испании и захваченные в Сиракузах идолы больше не казались олицетворением триумфа.

Эти годы, 211–210-й до н. э., разрушили римскую экономику, и, как после Канн, казалось, что больше невозможно позволять Ганнибалу действовать, как и когда ему заблагорассудится. Престарелый Фабий снова начал боевые действия, и вскоре Марцелл был отозван в Италию, чтобы остановить разрушительные походы карфагенян. «Судьба гнала Марцелла навстречу Ганнибалу».

Конец города

Когда Ганнибал исчез из окрестностей Рима, сенат ожидал, что он возвратится в Кампанию. Но вместо этого он повел свою небольшую армию через гористый Самний, пересек Апулию и спустился в самый носок итальянского сапога. Здесь он молниеносно напал на Регий (ныне Реджо-ди-Калабрия), римский порт, откуда суда уходили в Мессину, на Сицилию. Регий был последним портом на самом юге побережья, который еще удерживал свои позиции.

Этим неожиданным броском Ганнибал, видимо, пытался помочь имеющему крайне важное значение карфагенскому флоту. (Флот все еще находился у западной оконечности Сицилии, заходил на Сардинию и пытался перевозить македонцев по Адриатике. Он все еще не мог конкурировать с флотом римлян, насчитывающим 215 судов. Однако флот Тарента совместно с карфагенскими кораблями основательно потрепал неприятельские эскадры, охранявшие Мессинский пролив. Здесь искусство мореплавания взяло верх над вооруженными схватками на палубах. Ганнибал отвоевал гавани Локров, Кротона, Метапонта и Тарента у своих врагов.)

Регий между тем упорно держался. Когда неожиданным нападением не удалось захватить его, Ганнибал ушел, как сделал раньше у Неаполя.

Тут сдалась Капуя.

Главный город Великой Греции был отрезан и не мог противостоять натиску римской осады. В сенате Капуи произошел горький разговор накануне того дня, когда парламентеры отправились узнавать об условиях сдачи. Часть аристократов

надеялась на снисходительность сената на Тибре, но большинство не рассчитывало на это. Один из них, Вибий Виррий, заявил, что им остается лишь одна свобода — соответствующим образом подготовить свои тела для сожжения перед вторжением римского легиона.

«Двадцать семь сенаторов последовали за Виррием к нему в дом. Все вместе они пировали, чтобы одурманить себя вином как можно сильнее, потом соединили правые руки и приняли яд. Они оплакивали собственную судьбу и судьбу своего города. Одни остались, чтобы сгореть вместе с Виррием в одном погребальном костре, другие разошлись по домам. На них, после всего съеденного и выпитого, яд не оказал немедленного смертельного действия. Большинство из них испытывало мучительные боли всю ночь и часть следующего дня. Все они тем не менее умерли до того, как ворота были открыты перед врагом».

Первый легион вошел в ворота по Аппиевой дороге. Были расставлены посты, все оружие отобрано, включая и оружие карфагенян, находившихся в гарнизоне. Капуанцев в ранге сенаторов отвели к проконсулам, которые приговорили пятьдесят трех человек к смертной казни. Других было решено продать как рабов. Квесторы забрали 2070 фунтов золота и 33 200 фунтов серебра из домов пленников. Остальные горожане были изгнаны, а сам город лишен самоуправления и собственного судопроизводства.

Поскольку прекрасно возделанные поля были плодородными, а ремесленники необыкновенно искусными, этот регион впоследствии превратился в весьма доходный для Рима. Он стал «местом обитания чужестранцев и вольноотпущенников, купцов и мелких ремесленников».

Так Капуя, подобно Сиракузам, заплатила за то, что взялась за оружие против сената и римского народа, хотя в действительности капуанцы не оказали никакой значительной помощи Ганнибалу ни деньгами, ни людьми. «Врагу, — как писал Ливий, — пришлось узнать, какой силой обладали римляне, чтобы наказать вероломных союзников». И еще одна часть древней культуры, еще один центр слабеющего эллинистического мира исчез со страниц истории.

Падение Капуи высвободило большую часть осаждающих армий. Марцелл пришел из Регия, чтобы возглавить выступление против неуловимого войска Ганнибала.

Клавдию Марцеллу устроили в Риме торжественную встречу после его победы в Сиракузах. Это был человек средних лет, угрюмый ветеран, способный на быстрые и компетентные

действия. Он добивался побед, силой оружия оттесняя врага на конечный рубеж. И он верил в то, что не уступает Ганнибалу. «Он действует, — как однажды сказал Ганнибал о Марцелле, — без устали. Если успешно, он преследует врага, если неудачно — отступает».

На самом деле Марцелл был человеком, одержимым битвой. Он имел обыкновение вызывать противников на единоборство и убивать их своим мечом. Однажды, во время официального торжества по случаю одной из побед, он въехал в Рим на колеснице, везя с собой доспехи поверженного кельтского вождя, которые болтались на деревянной раме и были похожи на тело человека. Он жаждал схватиться с Ганнибалом.

К этому времени (209–208 годы до н. э.) итальянская армия Ганнибала почти превратилась в двигающийся скелет. Девять лет нанесли тяжелый урон ветеранам, которые совершили переход через Альпы, и некоторые из них шли в сопровождении детей, достаточно сильных, чтобы нести их щиты. Возможно, их было больше, чем самих воинов. Римские дезертиры, этруски и изгнанники из Кампании пополнили их ряды. Отряды нумидийской конницы, кажется, сохранились неизменными, видимо за счет пополнения, добравшегося из Африки. Однако сведений о Ганноне с его тяжелой кавалерией и о Магарбале не сохранилось. Только Ганнибал знал истинную цену своему марширующему воинству, но не показывал этого. Более всего ему необходимо было укрепить оставшиеся жизненно важные порты на заливе Таранто — его единственный выход к морю. Будучи незащищенными, они немедленно были бы атакованы и попали в руки врага. Однажды, когда Локры взял в осаду римский отряд, Ганнибал бросился в город, чтобы возглавить молниеносное наступление изнутри совместно с атакой проворных нумидийцев извне. Этот маневр, который не удался в Капуе, успешно осуществился здесь, и осада города была сломлена. И, защищая Калабрию, 500 нумидийцев боролись не на жизнь, а на смерть на улицах города, в то время как могли прорваться в безопасное место.

209 год до н. э. близился к концу. Римляне вслед за Марцеллом нащупывали путь к твердыне юга. Цель поспешного передвижения Ганнибала была неясна. Казалось, что он защищал морские порты, тем не менее он ушел перед приходом Марцелла из гористого Бруттия в холмистую Апулию. Марцелл усиливает натиск, стараясь разместить свой лагерь как можно ближе к неприятельскому и лицом к лицу довести борьбу до конца. На исходе одного из дней он вступает в борьбу с карфагенянами, в то время как они разбивают свой лагерь, и загоняет их в тупик. В

другой раз его легионы подверглись атаке слонов, но уже имеющие соответствующий опыт римские воины сбиваются в плотную массу, чтобы обрушить град дротиков на огромных животных. И только однажды некий легион, вместе с флангами союзников, был вынужден обратиться в бегство, потеряв четыре своих штандарта.

В ту ночь Марцелл, едва накормив людей, занимавших фланги, потребовал, чтобы они собрались с обнаженными мечами, но без ножен. Он устроил им разнос, который, как говорили, было выдержать труднее, чем битву:

— Неужели я обращаюсь к воинам? Я что-то не вижу таковых в этих когортах и манипулах. Где ваши штандарты? Случалось, что римские легионы терпели поражение. Но вы овладели редчайшим умением показывать врагу свои спины.

После такой жестокой взбучки Марцелл, консул, лично повел опозорившихся солдат в наступление. С каждым днем он был все ближе к тому, чтобы войти в соприкосновение с неуловимым Карфагенянином и, соответственно, все больше возрастали его нетерпение и раздражение. Он был предупрежден об уловках Ганнибала: о посланиях с поддельными подписями; о появлении карфагенян, одетых и снаряженных как римляне; о кавалерии, прячущейся за отступающей пехотой. Он обратил внимание по пути на один холм, который показался ему подозрительным.

Ганнибал имел обыкновение располагать свое войско на ночь за небольшими холмами. Это мешало римлянам подходить близко, а также давало карфагенскому командованию возможность следить за окружающей обстановкой.

Поскольку Марцелл отступил в лесистую местность, это затрудняло наблюдение за лагерем Карфагенянина. В один из дней он был скрыт за деревьями, перед которыми находился небольшой холм, поросший кустарником, но без признаков чьего-либо присутствия. Марцелл, приглядываясь к этому холму, приказал занять его прежде, чем там окопаются карфагеняне. Он вывел два кавалерийских отряда, один из них был этрусским, и с ним выступил консул-соратник Марцелла с пятью ликторами и командирами из штаба, чтобы осмотреть местность с высоты. К холму, через низину перед ним, вела тропа. 200 всадников передвигались рысью по этой низине, когда внезапно подверглись атаке. Из-за гребня холма выскочили нумидийские всадники, со всех сторон прямо на римских командиров, пересекавших низину, налетели другие отряды.

Этрусские фланги отступили, и только им удалось уцелеть. Смертельно раненный копьем Марцелл упал с коня. Получившего ранение второго консула отнесли в сторону его офицеры, но

позже он тоже умер. Помимо двух консулов, римляне потеряли пятерых легатов, попавших в засаду, устроенную Ганнибалом на холме, который находился на стратегически выгодном месте.

В этот вечер Ганнибал двинул свое войско вперед и разбил свою палатку на холме. Он распорядился похоронить здесь Марцелла. Незнакомые с римским погребальным обрядом, некоторые из испанцев Ганнибала с факелами в руках устроили ритуальные танцы у могилы. Что касается римской армии, которая в буквальном смысле слова лишилась своего командования, она быстро отошла к ближайшей горе и окопалась там. Преследование армии Ганнибала было прекращено. Всем римским командирам поступило предупреждение не подчиняться никаким приказам за подписью, скрепленной печатью Марцелла, потому что кольцо с печаткой погибшего консула находилось теперь в руках врага.

В Риме весть о гибели двух консулов усилила всеобщее уныние. Девять лет все действия, предпринимаемые против Ганнибала, приносили те или иные несчастья. Не осталось в живых ни одного военачальника, способного справиться с ним, и было невыносимо дольше мириться с гибелью простых людей.

Весть о том, что Новый Карфаген завоеван проконсулом Сципионом, окрылила людей. В доказательство этого Лелий, легат Сципиона, прибыл с целым караваном серебряных слитков и тетивами от луков плененных карфагенян. В качестве трофея Лелий также принес щит с серебряными инкрустациями, на котором была изображена голова, как утверждали, очень похожая на голову Гасдрубала Барки. Этот щит был вывешен на всеобщее обозрение в храме Юпитера на Капитолийском холме, где Сципион вел свои ночные бдения. Эта голова была предвестницей победы.

Сенат передал весть о победе над Новым Карфагеном через море Филиппу Македонскому (в то время вовлеченному в конфликт с северными варварами — этолийцами, развязанный римской дипломатией). Наконец, баланс сил на Средиземноморье изменился в пользу римского альянса и в ущерб Карфагену и независимым городам.

Предостережение священных кур

Цитадель Тарента выстояла после трехлетней осады. Наконец, сильный карфагенский флот прибыл, чтобы заблокировать эту крепость с моря. При приближении римских отрядов он уплыл. (Слабость карфагенского военачальника

Бомилькара после падения Сиракуз остается неразрешимой загадкой. Возможно, у карфагенян не хватало человеческих ресурсов, чтобы одновременно послать подкрепление в Испанию и усилить флот, а возможно, карфагенские капитаны просто были недостаточно сильны духом, чтобы противостоять превосходному флоту латинян.)

Тарент пал.

Каким бы стремительным ни был Ганнибал, он не мог одновременно находиться в двух местах. Было более чем 200 миль по суше от Регия на одном конце его урезанного доминиона до Салапии на другом конце. И он не мог пересечь залив Таранто на судне, как это могли сделать его враги. Он был далеко на юге Бруттия, когда Фабий Максим атаковал Тарент с суши и моря.

Медлитель действовал со своей обычной осторожностью, надеясь, преодолев крепостную стену, добраться до мужественного гарнизона и привести свои галеры в гавань. Случай помог ему. Один из офицеров бруттийского гарнизона, охранявшего город, состоял в любовной связи с женщиной. Он предложил впустить Фабия и его отряд в ворота со стороны гавани. Римляне в цитадели были предупреждены об этой попытке. Воины Фабия отвлекли внимание, устроив шумную диверсию в другой стороне. Войдя в город под покровом ночи, Фабий обеспечил охрану гавани, а его когорты начали вливаться следом за ним.

Филемон, который почти таким же способом пропустил к стене Ганнибала, оседлал коня и отправился навстречу неизвестной судьбе. Карталон, который командовал карфагенским гарнизоном, был схвачен легионерами. Обладающий даром убеждения начальник разведки Ганнибала даже в этих обстоятельствах сумел убедить захвативших его в плен людей в том, что находится в дружеских отношениях с их консулом (Фабий был избран консулом в четвертый раз). Подробная запись римского историографа об этом штурме рассказывает, что произошло дальше.

«Карталон сложил оружие и уже направлялся к консулу, когда был убит повстречавшимся ему воином. Римляне повсюду убивали людей, невзирая на то, были они вооружены или нет. И карфагенян, и тарентийцев. Повсюду лежали и бруттийцы, убитые то ли по ошибке, то ли из давно укоренившейся ненависти к ним. А может быть, для того, чтобы все выглядело так, будто Тарент был завоеван силой оружия, а не ценой предательства. Говорят, что захватили до тридцати тысяч рабов. Вместе с ними было захвачено бесчисленное количество серебра, и в монетах, и в виде изделий; свыше трех тысяч фунтов золота, и такое количество

скульптур и картин, что это превосходило Сиракузы. Фабий оставил тарентинцам огромные статуи их разгневанных богов». (Они были слишком тяжелыми, чтобы их можно было сдвинуть с места.) «Стена была полностью разрушена».

Не успел Ганнибал подвергнуть осаде порт Кавлонию, находящийся на расстоянии свыше 150 миль, как услышал о наступлении Фабия на Тарент. Немедленно двинувшись форсированным маршем вдоль побережья, он узнал об участи города и карфагенского гарнизона.

— Вот римляне и нашли себе Ганнибала, — сказал он, — чтобы взять Тарент.

Ганнибал не намеревался позволить Фабию уйти от возмездия. Подойдя к Метапонту, он решил предложить престарелому Фабию попытаться заработать вторую награду. Его армия ушла в один из своих потайных лагерей в окрестностях Метапонта, а несколько горожан поспешили к консулу с предложением впустить его в город. Карфагенский гарнизон, как объяснили ему псевдопредатели, можно было легко разгромить.

Проницательный Медлитель, однако, был не чета Марцеллу.

Несмотря на столь заманчивое предложение (его офицеры жаждали получить трофеи Метапонта), Фабий заколебался. Что-то вызвало его подозрения. Чтобы убедить своих воинов в том, что такая экспедиция не будет благоприятной, он прибег к гаданию с помощью священных кур. Как обычно в таких случаях, предсказание обернулось так, как было нужно Фабию. Куры отказались клевать рассыпанное перед ними зерно. И армия Фабия не попала в ловушку, расставленную Ганнибалом.

После того как все было кончено, Ганнибал сказал очень странную фразу своим офицерам: «Мы обречены проиграть войну в Италии, если не обретем новую силу».

Он сказал это, находясь в своем пристанище на берегу спокойного залива. Его армия оставалась непобежденной в течение десяти лет пребывания в Италии. Его враги, сказать по правде, предпочитали не встречаться с ней. Почему он полагал, что война может быть проиграна?

Возможно, он со своим проницательным умом понимал, что произойдет. Не стало Тарента, а вместе с ним огромного порта, в котором могли высаживаться македонские союзники. Новый Карфаген, его собственный город, был потерян. И в самой Италии ему не удалось одержать победу над большинством. «Мост» кораблей не мог протянуться от Сицилии до берегов Африки. Эту картину Западного Средиземноморья он всегда видел умственным взором, а теперь она померкла.

Оставалась одна возможность. Если бы он получил

подкрепление для своих ветеранов, он мог бы победить римлян в последней битве.

Ганнибал отправил посланника в Карфаген с настоятельной просьбой к своему брату Гасдрубалу перейти с войском через Альпы и явиться в Италию.

Глава 5
Сципион против Ганнибала

Женский вопрос

Гениальность — больше чем способность действовать в полную силу. Это способность ясно видеть окружающую действительность и руководствоваться ею. Лишь немногие мужчины были наделены таким даром на протяжении длительного времени. Наполеон Бонапарт обладал им в свои молодые годы. Когда он двинул свою громадную Армию на Москву, он считал, что так предначертано судьбой. Так, конечно, и было, только судьба оказалась не такой, какую рисовал себе Наполеон.

Молодой Публий Сципион едва ли не единственный из всех римских лидеров понял, что в реальности их врагом был Карфаген, город, а не Ганнибал, человек. В Испании он понял истину, которая ускользнула от более высокого командования. Спустя много времени после него Генрих IV во Франции заметил, что «Испания — это страна, в которой большие армии умирают от голода, а маленькие подвергаются уничтожению». (Наполеон узнал это на собственном горьком опыте.)

Сципион оказался на огромном полуостровном полупустынном плоскогорье, где города находились на большом расстоянии один от другого, а снабжение было скудным; где на огромных пространствах уместнее были всадники, а не медлительная пехота, которая так хорошо зарекомендовала себя в небольших итальянских долинах. Он очень быстро понял, почему карфагеняне держались тремя отдельными формированиями — чтобы обеспечивать себя. Они располагались отдельными лагерями, а сражались все вместе. Если он начнет преследовать одно из этих формирований, два других могут пойти за ним, как они сделали это, уничтожив его отца и его дядю. И Сципион держал свою армию поближе к базе в Новом Карфагене, конечном пункте морского пути в Рим, неподалеку от имеющих важное значение рудников Серебряных гор. На этих рудниках начали добывать каждый день серебра на сумму в 20 000 драхм, что было жизненно необходимо выдохшемуся Риму.

Сципион знал, что не может позволить себе роскошь промедления. За его спиной Рим бился в тисках жестокого экономического истощения, тратя остатки сокровищ своих храмов

на то, чтобы создавать новые легионы, подавлять все больше восстаний (даже в Эритрее) и терять все больше жизней в битвах. Это требовало еще больше легионов на замену, в то время как Ганнибал ждал, как фокусник, наблюдающий за тем, как происходит затеянный им фокус. (И Сципион торопил Лелия с тоннами драгоценного серебра и трофеями для храма Юпитера, которого называли его отцом.)

Над всей Восточной Испанией нависала огромная тень Ганнибала. Иберы аристократического происхождения вспоминали его учтивое обхождение. В кастулонской цитадели, над рудниками, его жена родила ему сына. Воинствующие кельтиберы и илергеты ждали его слова. Почти все эти неразговорчивые, занимающиеся самоанализом люди имели родственников в его итальянской армии. Сципион понимал, что бесполезно развязывать кампанию в Испании до тех пор, пока ему не удастся добиться поддержки со стороны хотя бы части ее жителей. Возможно, окружение Сципиона подсказало ему другую, более простую идею. Лучшим способом борьбы с Ганнибалом было подражать ему.

Состояние Сципиона было сейчас близко к состоянию этого загадочного Африканца на берегу Треббии, во время бури с градом. Он чувствовал, как были напряжены его силы в тот жаркий день в Каннах. Те часы оставили шрамы в его душе. Он с грустью размышлял о них в темноте у пустынной усыпальницы Юпитера. Сципион ощущал растущее презрение к своим коллегам-военачальникам, которые громко жаловались на выродка-африканца, это жестокое чудовище, постановщика бесчисленных трюков, вероломного финикийца. Главным желанием Сципиона было понять истинную сущность Ганнибала.

Было невероятно трудно для римлянина, выросшего среди посмертных масок и свидетельств доблести его предков, забыть обо всех этих традициях и стать самим собой. Этот европеец не мог до конца понять восточных семитов, но мог проследить мысль другого человека. Сципион приготовился использовать против Ганнибала его же собственное оружие.

После первых часов кровопускания и мародерства в Новом Карфагене (традиция римских отрядов после взятия неприятельских городов) Сципион приказал своим легионам вложить мечи в ножны. Более того, он потребовал, чтобы к коренным испанцам не относились как к порабощенным трибам. Он поставил пленных ремесленников работать на верфи и пообещал им свободу после окончания войны. Ему было необходимо, чтобы эти испанцы ждали вознаграждения от римского правления, и в своих планах он представлял себе, что

римская Иберия будет ежегодно поставлять драгоценное серебро. В подтверждение своей доброй воли он отпустил всех иберийских и кельтиберских заложников, которых обнаружил в Новом Карфагене. Все они были родственниками правящих вождей. Сципион эффектно заявил им:

— Сенат и римский народ освободят вас от ваших строгих финикийских хозяев. Впредь вы будете иметь закон и порядок и находиться под зашитой римского народа, который всегда одерживает победу над своими врагами.

Сципион умел завоевывать симпатии. Он прекрасно понимал инстинктивное стремление варварских вождей быть на стороне победителей. Он также правильно рассчитывал на влияние, которое оказывали знатные иберийские женщины на своих мужей. В ранней юности он на себе испытал влияние пылких девушек и замужних дам. Он верил в то, что женщины были личностями помимо того, что выполняли детородные функции и обязанности по дому, требовавшиеся от латинских жен. Его легионеры затронули «женскую» тему в одной из своих грубых песен:

Говорит Публий Корнелий:
Золото — для центурионов,
Серебро — для триариев,
А все горяченькие девки —
Для Публия Корнелия.

Среди заложников оказалась одна иберийская женщина, которая взяла под свое крыло всех девушек и маленьких детей. Она приходилась невесткой одному из влиятельных вождей племени. Сципион разыграл целый спектакль, принимая эту иберийскую даму. Через своих переводчиков он приветствовал ее по-особому. Он лично раздал игрушки маленьким детям. Мысли этой женщины, похоже, были заняты чем-то другим. Она дала это понять молодому римскому военачальнику, который носил свою белоснежную тогу как почетное одеяние. Удивившись сначала, Сципион понял причину ее беспокойства. Она боялась за цветущих девушек, толпившихся за ее спиной. Тогда он призвал к себе нескольких молодых военачальников. На глазах у женщины он объявил им, что к этим знатным иберийским девушкам следует при любых обстоятельствах относиться как к сестрам Сципиона.

Эту галантную сцену тем не менее нарушило неожиданное осложнение. Несколько молодых военачальников привели одну выбранную ими испанскую девушку. Это была темноглазая

красавица из неизвестной семьи, которую рьяные юноши выбрали для утехи своего проконсула. После минутного оцепенения Сципион ловко выкрутился из неловкого положения. Эта девушка, заявил он, прекрасна и привлекательна; соответственно ее семье должно быть сообщено, что по приказу проконсула она будет возвращена под опеку своего отца.

Какой бы эффект ни произвело такое его отношение к женщинам, Сципион завоевал дружбу Индибила и нескольких влиятельных вождей с восточного побережья, от Нового Карфагена до Тарракона за рекой Эбро. Там, на севере, илергеты по крайней мере были спокойны, но сильные кельтиберы срединных равнин оставались верными своему союзу с карфагенянами. Сципион создавал некий миф о самом себе, миф о своей личной доброжелательности. Этот миф исчезнет при первом поражении от карфагенского оружия.

Сципион уделял внимание всему. Чтобы компенсировать слабость своей конницы, он вошел в контакт с маврами и нумидийцами на соседнем Африканском побережье. Кроме того, он неустанно муштровал свои послушные легионы. Раз они не могут совершать маневры со скоростью карфагенской конницы, то по крайней мере должны стремительно перемещаться с места на место. Следуя этой тактике, он полностью отказался от традиционного жесткого фронтального передвижения массированной тройной линии легионов. (Ганнибал разбивал это построение спереди, окружив его с флангов и с тыла своей ударной группой. Сципион был свидетелем того, как это случилось в Каннах.) Он также быстро перевооружил римлян более длинными обоюдоострыми испанскими мечами и грозными железными дротиками. Позднее они стали повседневным оружием в армии Цезаря. Оба слова, gladius (меч) и pilum (дротик), обязаны своим происхождением испанским кельтам.

Сципион был удивлен, обнаружив, как мало истинных карфагенян участвовало в сражениях. Его враги опирались на союз с другими, более физически сильными народами. Такие альянсы, как Сципион воочию убедился сам в Италии, могли рухнуть из-за страха или возможности получить где-то еще более высокое вознаграждение. К тому же молодой римский военачальник недоумевал по поводу того, какими странными были покои, оставленные Ганнибалом и Гасдрубалом во дворце над гаванью в Новом Карфагене. В комнатах братьев Барка не было ни военных атрибутов, ни трофеев. В угловых стенных нишах находились алтари и папирусы с греческими текстами для чтения. Единственная найденная маска оказалась не посмертной, а театральной. Там была обнаружена также карта Иберийского

полуострова, искусно выполненная на серебряной пластине. На ней, как на картине, были изображены дороги, горные цепи и реки. В Риме у Сципиона был только лист с обозначением расстояний на дорогах Италии от одного места до другого. Он тщательно запомнил изображение Испании, готовясь выступить против своего врага.

Летом 208 года до н. э. Гасдрубал вынудил римлян выступить против него. Брат Ганнибала остановился на зимние квартиры на центральных землях среди карпетанов. Теперь он шел маршем на юго-восток, к отрогам Серебряных гор вблизи Кастулона. Тем самым он создавал угрозу рудникам, находящимся во владении римлян. Сципиону пришлось уйти с побережья, чтобы продвинуться на юго-запад, в горы. Делая это, он ни на мгновение не забывал о том, что, приближаясь к одной карфагенской армии, не представляет себе, где могут находиться две другие.

Гасдрубал в Бекуле

«Гасдрубал всегда был отважным человеком, — рассказывает нам Полибий. — Он наносил поражение с решительностью, достойной его отца Барки. Большинство полководцев не представляют себе последствий неудач… но Гасдрубал не оставлял без внимания ничего в своей подготовке к борьбе. Мне кажется, что он достоин нашего уважения и подражания».

Без сомнения, Сципион испытывал уважение к своему сопернику. Незадолго до этого остроумный Гасдрубал выставил посмешищем одного очень способного римского военачальника, Клавдия Нерона. Нерону удалось загнать карфагенское войско в одну из тупиковых долин Испании, примерно так, как это сделал Фабий с Ганнибалом в Италии. Тогда Гасдрубал начал переговоры с Нероном, обсуждая всю неделю условия выхода из долины, а его армия тем временем выбралась за его спиной из ловушки. В конце недели Гасдрубал прервал переговоры, чтобы уйти самому, а Сципион прибыл, чтобы заменить Нерона. Гасдрубалу и Нерону суждено было встретиться снова, но не в Испании.

Вероятно, Сципион не был уверен в том, что Ганнибал вынудил своего брата уйти из Испании в то лето, но сенат отдал ему распоряжение не допускать, чтобы Гасдрубал перешел Пиренеи.

Сципион обнаружил карфагенян в вытянутой долине под городом Бекула. Гасдрубал расположился лагерем на низком, укрытом за холмами плато с протекающей внизу небольшой

речушкой. Подсчитать численность его войска не представлялось возможным. (На самом деле под командованием Гасдрубала находилось 25 000 африканцев и испанцев, в то время как римское войско насчитывало 30 000, да еще неизвестное количество испанских союзников.)

Позиция трудно поддавалась атаке, но Сципион должен был атаковать. Он сделал это осторожно, форсировав речушку. После долгого промедления внизу плато Сципион молниеносно поднялся на него. Он перегруппировал свои войска, оставив более слабые легковооруженные подразделения в центре, в то время как тяжеловооруженные легионы, которыми командовали Лелий и он сам, поднялись по высохшим руслам по концам плато к флангам. Таким образом, он взял в кольцо лагерь карфагенян, выставив наибольшие силы на флангах.

Этот маневр Сципиона увенчался успехом после тяжелой схватки на склонах плато. Он взял в клещи карфагенский лагерь, сокрушив легковооруженные силы Гасдрубала, уничтожив или забрав в плен 8000 вражеских воинов. Его легионеры разграбили лагерь.

Однако карфагенские тяжеловооруженные силы ушли, вместе с 32 слонами и всеми всадниками. Гасдрубал направлялся к Пиренеям.

Сципион не мог пойти следом. Две другие карфагенские армии поджидали его, следили за ним, и надо было защищать Новый Карфаген. Сципион послал подкрепление на север, к устью Эбро, где десять лет назад переправился Ганнибал.

Гасдрубал тем не менее направился со своей небольшой мобильной армией на север, в верховья реки Тахо. Где-то на пути своего следования он посовещался с Магоном. Они решили, что Магон отправится сначала на Балеарские острова за новым пополнением пращников, а потом вернется морем в Северную Италию, где и встретятся все три сына Гамилькара Барки. Гасдрубал двинулся к Пиренеям, к западному перевалу, охраняемому дружески настроенными басками. На отдаленной земле кельтов он тоже оказался среди дружелюбных народов и увлек многих людей с собой, направившись к Роне (наступила осень, и было слишком поздно для того, чтобы пытаться перевалить Альпы).

Слухи о приближении Гасдрубала донеслись до Рима через Марсель. Город все еще оплакивал смерть двух консулов от руки Ганнибала. Казалось, что разгневанные боги обрушивались на римских лидеров, которые выступили против карфагенского мага. Не осталось ни одного человека, доказавшего свои способности.

Преклонный возраст сделал несостоятельным Фабия. Что до молодого Сципиона, то он добился некоторого успеха, но позволил Гасдрубалу ускользнуть и в любом случае не мог бросить свою армию в Испании. И вот снова, через десять лет, Рим ощутил себя в опасности. На севере Этрурия выходила из объединения; Лигурия помогала цизальпинским галлам.

«Все эти неудачи выпали на нашу долю, — говорили люди, — когда нам противостояла одна неприятельская армия и один Ганнибал. Теперь в Италии будут две могущественные армии и два Ганнибала».

Новый карфагенянин появится как раз в самом опасном месте, на реке По. Разве после этого сам Ганнибал не сможет довершить дело?

Во время выборов в кризисном году были избраны два консула — два человека, не пользовавшиеся особой славой. Клавдий Нерон, который вел кампанию против Гасдрубала в Испании, стал консулом от патрициев. В его задачу входило контролировать действия Ганнибала. Некий Ливий, который не испытывал никакого желания служить, стал консулом от плебеев и должен был взять на себя командование северной армией. Выборы, ритуал жертвоприношения и планирование военных действий были произведены, как и во все предыдущие времена, в соответствии с римскими традициями. Никто по-настоящему не ждал, что Нерон и Ливий окажутся равными двум сыновьям Гамилькара Барки.

Послание с реки По

После того как сошел снег (207 год до н. э.), Гасдрубал совершил переход через Альпы более удачно, чем Ганнибал, и, очевидно, по тому же самому перевалу. Как и прежде, римское командование надеялось перехватить карфагенян в горах. Но пришельцы спустились вниз по реке По, пополнив свои ряды суровыми лигурийцами и подняв дух ветреных галлов. Они заперли римские передовые силы в Плацентии, как это делал Ганнибал, и обогнули с юга и востока Апеннинский хребет. У Гасдрубала оставалась еще дюжина уцелевших слонов, и он двигался быстро.

Тут произошло событие, которое имело последствия для всего Средиземноморья. Уходя с берегов По, Гасдрубал отправил послание своему брату. В нем он назначал встречу их армий в Умбрии, на Адриатическом побережье. Шесть всадников, четверо галлов и два нумидийца, везли это письмо. Некоторым из них,

видимо, было сообщено, что в нем содержится. Вероятно, один из галлов прокладывал им путь на юг, в обход вражеских лагерей, к позициям Ганнибала в Лукании.

Ганнибал находился там, но он прорвался сквозь линию, римлян к Адриатическому побережью. В этот момент он возвращался обратно, чтобы собрать свои разрозненные отряды и продвинуться на север, преодолевая сильное сопротивление, в долину реки Офид, туда, где неподалеку было поле битвы при Каннах.

Посланцы с реки По попытались последовать за ним, но были схвачены римскими фуражирами вблизи Тарента. Письмо Гасдрубала было передано Клавдию Нерону, а не Ганнибалу.

В этот момент взволнованного Нерона осенило одно из тех предвидений, которое позволяет ординарным людям совершать экстраординарные поступки. Он облек свою мысль в следующие слова: «Положение складывается таким образом, что уже нельзя вести дальнейшую войну обычными способами». Он оставил свою армию, противостоящую Ганнибалу, и с одним отборным легионом и тысячей вооруженных пиками всадников двинулся из подвластных ему пределов на юге, чтобы присоединиться к Ливию на севере и сообщить тому новость о рандеву Гасдрубала. Он послал сенату письмо с объяснением, однако не стал дожидаться разрешения оставить свое войско. Вместо этого он отправил вперед гонцов с приказом, чтобы деревни по пути его следования доставляли к дорогам сменных лошадей, мулов, телеги — все, на чем могли перемещаться дальше усталые люди. Заданный им темп мог выдержать только легион.

(Часто говорят, хоть это и не так, что Нерон измучил свою армию и оставлял за собой обычное количество горящих лагерных костров, чтобы обмануть Ганнибала. Он взял с собой только 7000 человек, а свыше 30 000 оставил на укрепленных позициях у реки, в то время как другие силы удерживали Тарент в тылу у Ганнибала. Нерон просто понял, что не может терять драгоценные дни, пока один из братьев-карфагенян не знал, что делает другой, в то время как римляне знали о том, что делали они оба.)

Ганнибал ждал у Офида послания, которое так никогда и не дошло до него, не имея возможности продвигаться на север, не выяснив, по какой дороге Гасдрубал будет перемещаться на юг. Отправленный им легион с конным эскортом не принес ему сведений. В кои-то веки конная разведка подвела его.

Гасдрубал, миновав Римини, выходил к Адриатическому побережью. Как натасканные собаки, собирающиеся вместе при появлении медведя, римские соединения стягивались к востоку

от Апеннин. Они собирались под командование Ливия к югу от реки Метавр. Переправившись через нее у города Фан, карфагеняне обнаружили перед собой строй римлян. Места были незнакомы Гасдрубалу, хотя с ним были галлы, которые знали эти дороги. Он помедлил некоторое время, чтобы изучить обстановку, а возможно, в надежде получить указания от Ганнибала.

Нерон вышел к рубежам римлян возле галльской Сены под покровом ночи. Он заранее предупредил о том, чтобы о его приближении не распространяли никаких известий. Под покровом темноты его изнуренные люди собрались в палатках армии Ливия, чтобы не ставить новые палатки. Ливий и его штаб настаивали на том, чтобы легион, пришедший с юга, отдохнул перед боем, но Нерон, который знал Ганнибала по личному опыту, уверял, что промедление смерти подобно. Римская армия должна атаковать немедленно. На том и порешили.

Однако нарушение дисциплины едва не подвело обоих консулов. Разведывательный отряд карфагенян заметил присутствие в неприятельском стане людей, которые проявляли все признаки усталости после тяжелого марша. И трубачу, который созывал перед палаткой Ливия на битву, пришлось протрубить дважды, вопреки установленному правилу. Проницательный Гасдрубал понял, что ему противостоят два римских консула вместо одного и что силы противника увеличились. Он отвел назад собственные подразделения и в ту ночь попытался ускользнуть в верховья Метавра, чтобы уйти по Фламиниевой дороге на юг. Его марш на запад начался удачно, но проводники никак не могли найти в темноте путь к этой дороге. Когда рассвело, римляне преградили ему выход на Фламиниеву дорогу. Возможно, он мог отойти к реке По, но вместо этого он построил свои войска, готовясь к бою.

Битва при Метавре известна как одна из тех, что изменила ход истории. В этой битве в последний раз италийцы встали в строй против римских легионов, предвестников империи Цезаря. Гасдрубал расположил свою армию по национальным группам — лигурийцы, галлы и испано-африканцы. Слонов он отдал лигурийцам. Некоторое время огромные животные врывались в ряды приближающихся римлян. Пополнения лигурийцев и галлов бросились в реку. Они не успели прийти на помощь Гасдрубалу.

Несколько часов перевеса не было ни на одной стороне. Но тут Клавдий Нерон нарушил равновесие сил. Он находился в самом конце правого фланга римского строя с 7000 воинов, занявших небольшой холм, защищенный неглубоким оврагом. Враги, которые были перед ним, оказались галлами, и галлы чего только не делали, но никак не переходили через овраг, чтобы

предстать перед ним. Увидев перед собой галлов и услышав звуки трубы и воинственные крики на другом конце длинного строя, Нерон понял, что легионы Ливия в этом месте были намертво спаяны с испано-африканцами Ганнибала. Достаточно долго послушав все это, он снова покинул свою позицию. При этом он оставил часть своей кавалерии, которая должна была энергично действовать на гребне холма.

Потом он повел свой утомленный легион в обход битвы.

Нерон прошел позади линии римлян, по дороге, чтобы выйти на фланге в тылу тяжеловооруженного войска Гасдрубала. Его легион все еще был цел и невредим. Это оказало решающее влияние на рукопашную схватку усталых людей.

Когда его ряды дрогнули, Гасдрубал подскакал к своим воинам, чтобы поднять их дух, и был убит. После этого дисциплинированные римляне глубоко продвинулись в сторону оставшейся без руководителя группы союзников. Галлы, мало пострадавшие, ушли, а подкрепление повернуло назад вместе с беглецами. Среди испано-африканцев были уцелевшие, но не оказалось никого, кто смог бы занять место Гасдрубала. Его армия прекратила свое существование. В карфагенском лагере легионы Ливия освободили 4500 римских пленных. Римская армия тяжело пострадала, но все еще оставалась боеспособной и воодушевленной своей неожиданной победой.

В ту ночь Клавдий Нерон повел свой легион на юг. Через шесть дней поразительного похода (210 миль) он снова вернулся в свой лагерь у реки Офид. Он шел с такой скоростью, что жители деревень вдоль его маршрута ничего не знали до его прихода о происшедшем сражении.

На римском Форуме сенат заседал от рассвета до заката. Граждане приходили и уходили, толпились у трибун и храмов, ловя каждое слово, поступающее с фронтов сражения.

«Появились смутные слухи о том, что два всадника из города Нарния появились возле Умбрских ворот с сообщением о том, что враг разбит наголову. Сначала никто в это не поверил. Но тут прибыло письмо от Луция Манлия, касающееся новости, принесенной всадниками из Нарнии. Это письмо было доставлено через Форум в курию. Люди в таком нетерпении и беспорядке бросились туда, что гонец никак не мог приблизиться к дверям курии. Вдруг пронесся слух о том, что всадники сами приближаются к городу. Люди всех возрастов бросились бежать, чтобы увидеть все своими глазами и услышать своими ушами радостную новость. Толпа устремилась к Мульвиеву мосту… Поскольку консулы Марк Ливий и Гай Клавдий [Нерон] уцелели вместе со своими армиями И уничтожили вражеских лидеров с их

легионами, сенат объявил трехдневное благодарственное моление».

Как только Нерон снова занял свой лагерь на берегу Офида, он распорядился, чтобы «голова Гасдрубала, которую он принес с собой и тщательно хранил, была подброшена к вражеской сторожевой заставе. И чтобы закованные в цепи африканские пленники были выставлены на обозрение врагов. Больше того, двоих из них следовало освободить от цепей и послать к Ганнибалу, чтобы они рассказали ему о случившемся».

Все было сделано так, как он приказывал.

Двум консулам по их возвращении в Рим была устроена торжественная встреча. Потом сенат распорядился, чтобы Этрурия и Умбрия были очищены от тех, кто оказывал помощь любого рода Гасдрубалу.

Ликование в Риме продолжалось многие месяцы. Люди слышали, что Ганнибал, сын Гамилькара, получил голову своего брата и сразу увел свои войска с Офида. Забрав с собой многих луканийцев, он освободил залив Таранто до самого Метапонта и ушел в горы Бруттии. Здесь, на границе Италии, он стал ждать. Никто не решился атаковать его.

«Римляне не стали также и провоцировать его, пока он бездействовал, — так они верили в силы одного этого человека, вокруг которого все рушилось».

Конец власти Баркидов

Впервые с тех пор, как двенадцать лет назад он покинул Новый Карфаген, Ганнибал упустил инициативу в великой войне. Наверное, он с иронией думал о том, что его враги с их огромными силами в Италии не делают никаких попыток выступить против него. Правда, он не позволил им понять, насколько слабыми стали его собственные войска. Уцелел лишь костяк его итальянской армии да вдобавок немного луканийских крестьян, греческих моряков, римских дезертиров и неотесанных бруттийских горцев. Вероятно, единственной защитой ему служило овеянное невероятными легендами его имя.

В этой оконечности Италии он все еще удерживал более крупные владения, чем сам Карфаген. У него были порты, хотя и очень небольшие, в Локрах и Кротоне, вблизи прекрасного храма на мысе Лациний. Он имел достаточно продовольствия для своих людей и даже запас серебра для их нужд. Ганнибал неизбежно должен был размышлять, следует ли ему сесть на корабль и попытаться по морю добраться до Африки и Испании, куда были

направлены сейчас его мысли. Возможно, ощущение фатальности после смерти Гасдрубала заставляло его ждать боя на своих холмах. Вероятно, ему был ясен тот суровый факт, что, если он уйдет из Бруттия, его армия распадется, в то время как в Испании Магон и другие карфагенские военачальники получали из Карфагена подкрепление живой силой и кораблями. И почти наверняка он ожидал, что римские консулы обрушатся со всей своей силой на его последние владения. Как карфагенянин, он жаждал отомстить за пренебрежительно выброшенную голову Гасдрубала.

Весь следующий год новости, которые он получал понемногу от приходящих кораблей, усугубляли его тревогу. После сбора урожая конвой судов с зерном из Испании положил конец голоду на реке Тибр. Поля Лациума снова начали возделывать. Отпущенные с флотов команды судов снова возвращались к земледелию.

На другом побережье Адриатики царь Македонии почувствовал перемену судьбы и заключил мир с этолийцами, приспешниками Рима. Это положило конец короткому альянсу Карфагена с Сиракузами и Македонией. («Если вы побеждены, даже ваши друзья бросят вас».)

И тут произошло страшное поражение в Испании. Под Илипой Магон и карфагенские военачальники, в их числе нумидиец Масинисса, мобилизовали все свои огромные силы в битве с молодым римским проконсулом. Во время боя Сципион переместил свои ряды, чтобы врезаться во фланги карфагенян и погнать их остатки к берегу океана. Последней опорой оставался Гадес, а Ганнибал знал, что его жители, как и македонцы, не станут поддерживать Карфаген в случае необходимости. Вот если бы он мог оказаться под Илипой до начала этого сражения!

Гадес стал заигрывать со Сципионом, и римляне вошли в город. Древний Гадес, подобно Таренту, открыл свои ворота властителям, которые никогда из него не уйдут.

Часть иберов и кельтиберов начала сопротивляться, но было уже слишком поздно. Индибил вырвался от римлян, но быстро был настигнут. Затерянная в горах крепость иллургов сопротивлялась римской осадной технике, и ее мужчины и женщины погибли на улицах от мечей легионеров. Город Астапа сгорел вместе с жителями. Ганнибал хорошо знал их. Кастулон, семейная цитадель его жены, сдался. Далеко на севере илергеты и эдетане грабили римские припасы. Легионы Сципиона согнали их в долину и изрубили в куски.

Сципион добивался подчинения силой страха. Испанские военные отряды вместе с ним боролись против своих феодальных

недругов. Сципион вознаградил их всех. Но со своими собственными людьми он мог быть беспощаден. За рекой Эбро один из легионов взбунтовался против своего командования. Сципион вызвал к себе в Новый Карфаген 35 зачинщиков. Там они были окружены его легионерами и до смерти забиты плетьми у позорных столбов.

В новом году римляне затеяли смертельные игры в Новом Карфагене. Гладиаторы, владеющие мечом, вышли на арену, изображая сражение во имя бога войны. После того как пантомима закончилась, кровь на арене была смыта, и на ее месте зажжены благовония.

Ганнибал с грустью размышлял о молодом Сципионе, который так напоминал Фабия и в то же время не был похож на него. Как бы там ни было, но Сципион добился полного господства над Испанией. Власть семьи Баркидов закончилась через тридцать с небольшим лет.

Магон уцелел. Он учинил расправу над некоторыми судьями Гадеса. Потом с несколькими кораблями и 2000 сторонников вышел в залив и неожиданно подошел к Новому Карфагену с моря. Теряя силы, он пошел под парусами на Питиусские острова и остров Минора, чтобы завербовать там людей, как они планировали с Гасдрубалом. Из Кротона Ганнибал отправил послание в Карфаген, сообщив, что Магон высадился на Лигурийском побережье, чтобы возглавить там сопротивление и не дать легионам занять рубеж реки По.

Высадившись в гавани Генуи, Магон исчез в предгорьях. Братья находились очень далеко друг от друга: Магон у Альп, а Ганнибал на оконечности Италии.

Когда начался тринадцатый год войны, римляне в Италии, казалось, впали в спячку. Они были обессилены. Им предстояло многое восстановить и еще больше обработать. После всех тягот последних лет они были рады отдохнуть. Публий Корнелий Сципион со своей проницательностью решительно воспротивился этой спячке.

Пир у доброго Сифакса

Великая битва при Заме, в которой Сципион выступил против Ганнибала, началась вовсе не жаркой весной 202 года до н. э. Она началась за несколько лет до этого в уме Публия Сципиона, и то, что он сделал за эти годы, было во многом связано с происшедшим на равнине у Замы.

Уже в мае 206 года до н. э. (вскоре после Илипы) Сципион

предпринял первую попытку достичь Африки. То, что случилось с ним там, совершенно невероятно и напоминает приключенческий роман, но это действительно произошло.

После Илипы, как обычно, молодой проконсул отправил великолепные трофеи в Рим, в котором он страстно желал получить важный политический пост. Он рассчитывал с помощью теперь уже опытной армии и своих одаренных военачальников Марция и Лелия завладеть остальной частью Испании. Закончив это, он собирался пересечь пролив, чтобы перенести войну в Африку и заставить Ганнибала покинуть Италию и вернуться на защиту Карфагена. Эта идея была простой, как всякая блестящая идея. Его отец вынашивал такую мысль еще до него и начал вести дипломатические переговоры с Сифаксом, царем нумидийцев, который до этого поставлял Ганнибалу лошадей. Старший Публий Сципион планировал превратить Испанию в базу для африканской экспедиции, как это сделал Ганнибал перед походом на Рим. Совершенное Ганнибалом было прекрасным примером, достойным подражания.

Возможно, когда молодой Сципион погрузился в порту Тарракон на пентеконтор и вышел в море, он не представлял себе, что меняет сущность своей республики: она прекращает быть итальянским государством и становится империей, простирающейся за море к новым горизонтам. Это было, естественно, заветной мечтой глав родов Эмилиев и Сципионов. Сам Сципион тем не менее был просто военачальником армии, которому в случае чрезвычайной опасности передавалась консульская власть. Больше того, его авторитет не выходил за пределы Пиренеев. (Нерону грозило навлечь позор на самого себя и весь род Клавдиев, когда он рискнул совершить марш из Южной Италии и прославился благодаря этому.) Власть Сципиона кончалась фактически с покорением Испании — по возвращении в Рим его не ждало ничего, кроме обычного парада и восхищения жены. Вместо этого Сципион стремился всей душой одержать победу в войне над Ганнибалом. То обстоятельство, что это было столь же невероятно, как взгромоздить гору Пелион на гору Осса, не останавливало его.

Короткое морское путешествие было приятно, хоть и рискованно. Сципион получил лишь гарантии безопасности от царя дикого и ненадежного народа Сифакса, который настоял на их личной встрече на Африканском побережье. Еще один пентеконтор сопровождал судно проконсула, скорее из соображений престижа, нежели безопасности. Оба судна обогнули мыс Сига — место встречи. В небольшой гавани стояли на якоре семь карфагенских галер, овеваемых бризом. При виде римских

кораблей на галерах выстроились моряки, готовые к бою.

С удивительной отвагой Сципион продолжал направлять свои пентеконторы в гавань, не останавливаясь у боевых постов. Порыв ветра погнал их мимо карфагенских галер к причалу, где они могли как гости рассчитывать на покровительство африканского царя. Карфагенские моряки поняли это и не стали ничего предпринимать.

В чертогах хозяина Сципион лицом к лицу встретился с другим гостем, карфагенянином. Это был Гасдрубал, сын Гисгона, проницательный аристократ средних лет, который командовал войсками вместе с Магоном, сыном Гамилькара, при Илипе! Сципион, должно быть, на мгновение растерялся.

Сифакс устроил торжественный обед в честь их встречи. Он был рад видеть выдающихся соперников в войне в Испании, примирившихся в его доме. Пожилой и искушенный в сложных переговорах человек, Сифакс был горд своим умением управлять воинственными нумидийцами. Его столица Кирта располагалась на границе с владениями Карфагена, и Сифакс относился со всем уважением члена племени к тамошним шестиэтажным домам и огромному храму Иолая.[1] Он также испытывал растущее уважение к победам римлян в Иберии и к полководцу с орлиным профилем, который мог так свободно войти в его дверь. Сифакс был в состоянии мобилизовать десятки тысяч искусных наездников; однако он понимал, что не должен обидеть римлян, но в то же время не может повернуться спиной к карфагенянам. За трапезой Сципион в самых пылких выражениях описал (через переводчиков) преимущества римского образа правления.

Сифакс, который не горел желанием принимать личное участие в войне, посоветовал Сципиону воспользоваться возможностью установить дружеские отношения с Гасдрубалом. Сципион ответил, что рад сделать это. Он не испытывал враждебных чувств к своему врагу — больше того, нашел его общество приятным.

Нумидиец заключил:

— Тогда почему бы не согласиться на мир?

Сципион сказал, что это — совсем другое дело.

Он всего лишь один из военачальников, исполняющий приказы сената и римского народа, которые и решают, когда можно закончить войну и заключить мир.

— Этот человек, — сказал хозяину дома Гасдрубал после ухода Сципиона, — в беседе еще опасней, чем в битве.

Римлянин увез с собой обещание Сифакса стать союзником. Карфагенянин получил уверение в том, что тот никогда не перестанет быть другом Карфагена.

Сципиона, однако, занимали другие мысли. Больше всего он нуждался в хороших африканских всадниках. Чтобы заполучить их, он склонил на свою сторону блестящего начальника конницы, который способствовал гибели его отца и сражался против самого Сципиона под Илипой. Масинисса, царь массилиев, получил образование в Карфагене. Он был предан Карфагену до тех пор, пока не увидел, что остатки карфагенской армии были отправлены на запад, на остров Гадес, где не могла действовать конница. К тому же Масинисса был в долгу перед Сципионом, который освободил из плена его молодого племянника. И Сципион не побоялся встретиться с Масиниссой один в ночной час. Вожак африканских повстанцев стал жертвой обаяния римлянина и своих собственных амбиций. В этот момент он был лишен наследства. Масинисса пообещал, что, когда проконсул высадится со своей армией на Африканском побережье, он присоединится к нему с многочисленной нумидийской конницей.

Теперь Масинисса — это было очевидно — собирался сдержать свое слово, в то время как Сифакс не имел такого намерения. Однако у Масиниссы не было возможностей. Он был немногим больше чем просто беглец в Испанию, в то время как Сифакс обладал и властью, и могуществом. Сципиона мало занимало то, что Масиниссе было ненавистно само имя Сифакса.

Что-то тем не менее очень беспокоило его, потому что он отказался от своего плана вторжения в Африку через пролив. Может быть, он понял после посещения Сифакса, что долгий марш по побережью к Карфагену нецелесообразен? Может быть, боялся за свою базу в Испании? В то время там, в глубинных районах, прокатилась волна сопротивления. Илурги стояли насмерть; женщины и дети Астапы сгрудились внутри крепостных стен, готовые скорее быть сожженными своими мужчинами, чем сдаться римлянам. Тень Ганнибала все еще лежала на земле.

Сципион основал колонию в прекрасной долине Бетис, которой предстояло быть «латинизированной» в будущем. Оставив свою армию, но взяв с собой бесценного Лелия, он погрузился на корабль, отплывающий в Рим. Это был канун выборов в новом году.

Фабий выступает против Сципиона

Сразу после своего прибытия завоеватель Испании встретился с оппозицией в лице старших сенаторов. Поскольку он покинул свой командный пост, не получив на то разрешения, древний

закон запрещал ему въезд в город. Его поведение заставило сенаторов покинуть стены сената, чтобы заслушать его у храма Беллоны, сестры Марса. И здесь его убеждения помешали ему выиграть триумфальный въезд, чего он дерзко требовал. Торжественной встречи удостаивался только победитель в ранге консула, которым не был Публий Корнелий Сципион.

Это было именно то, чего добивался молодой воитель. В силу его популярности сенат не мог не разрешить ему войти в город как простому гражданину через городские ворота. Воспользовавшись этим, Сципион устроил целый спектакль из своего появления: за ним следовали ветераны и испанские пленники, а перед ним — повозки со слитками серебра. Народ всегда был охоч до зрелищ, особенно с трубами и трофеями. После этого Сципион подвел всю процессию к храму Юпитера, своего божественного покровителя, чтобы принести в жертву по меньшей мере 30 быков, и приобрел еще одну огромную аудиторию. Согласно легенде, он был так же безупречен, как его белоснежная тога. Будущие клиенты[2] собирались по утрам у его дверей, в ожидании его появления. Его высказывания становились известными на Виа Сакре. Каждый день это было новое высказывание, всегда блестящее и неожиданное.

«Я прибыл не затем, чтобы вести войну, — я здесь, чтобы покончить с ней». И еще: «До сих пор Карфаген вел войну против Рима; теперь Рим будет вести ее против Карфагена».

Народные собрания соглашались с каждым его словом, и Сципион должен был торжественно занять должность консула в наступающем году. С его приходом группа Эмилиев — Сципионов обретала доминирующее влияние. Клавдий Нерон, одержавший победу у Метавра, ушел в тень с поражением группировки Клавдиев. Лициний Красс, неприметная личность, который занимал старинный пост главы понтификов, стал вторым консулом. Поскольку традиция запрещала старшему понтифику покидать Италию, Лицинию было поручено возглавить командование войсками, ведущими борьбу с Ганнибалом в Бруттии. Сицилия была мостом, ведущим в Африку.

Как консул Сципион имел тот ранг, который был ему нужен, но у него не было власти, чтобы уйти из Сицилии. Его предложение возглавить здесь армию и повести ее отсюда в Карфаген встретило суровый отпор.

За оппозицией стояла незыблемая прежняя концепция: аграрная позиция группы землевладельцев («Сельское хозяйство и Италия»), которая жаждала только возвращения и колонизации Цизальпинской Галлии (где карфагенянин Магон стоял во главе лигурийцев и галлов). Куда более труднопреодолимой была

древняя традиция, согласно которой республика расширялась только в сухопутных границах объединенными усилиями национальных легионов и союзников. Ганнибал срывал эту традиционную линию защиты в течение тринадцати лет.

Эксцентричный Сципион претворил в жизнь совершенно новое представление о роли личности в истории, о настоящем императоре, который вывел римлян в море, в богатый, торговый и опасный внешний эллинистический мир.

Возможно, только Сципион ясно видел, куда вела Римское государство политика старых лидеров. Удовлетворенные победами в Испании и у Метавра, они позволяли Ганнибалу удерживать его позиции в Италии. Подсознательно они считали, что его невозможно заставить уйти. Они думали только о том, как защитить себя против него. И Карфаген оставался нетронутым. Еще год, два или пять, и они неизбежно начнут мирные переговоры, после чего их великий противник уплывет назад со своей непобежденной армией в город, не понесший за примерно двадцать лет конфликта никакого урона, кроме потери части своих сокровищ.

На ступенях храма Юпитера Сципион повторил дошедшие до него слухи:

«Ганнибал проводит свой досуг в храме Юноны Лацинии на южном берегу. Он приказал отлить бронзовую плиту, на которой будут выбиты описания его побед. — И Сципион перечислил их: — При Тичино, при Треббии, у Тразименского озера, при Каннах. Я удивлюсь, если он не припишет в конце: победа над римским народом».

Чтобы получить согласие сената на свой план похода из Сицилии, Сципион пригрозил осуществить его до народных собраний, которые поддерживали любые его попытки положить конец конфликту. Это было равносильно неподчинению воле старейшин и настроило лидеров сената против этого воина из Испании. Начались бурные дебаты. Фабий Максим выступил против африканской экспедиции, что означало — против Сципиона.

Медлитель говорил, прибегая к уловкам испытанного оратора и с подавляемой враждебностью очень старого человека к юнцу, достигшему такой же славы, как и он сам. Почему, вопрошал он сенаторов, он должен оспаривать человека, который моложе его собственного сына?

Он отдал должное Сципиону, «с каждым днем растущей славе нашего очень храброго консула». Он энергично старался умалить свою собственную славу и обратился к более молодым сенаторам.

«Я удерживал Ганнибала от завоеваний, чтобы вы, люди, силы которых постоянно растут, могли победить его».

И неожиданно бросил им в лицо упрек. Почему, спросил он, в то время как Ганнибал здесь, можно сказать, у их дверей, они должны идти в Африку в надежде на то, что он последует за ними? Пусть они сначала добьются мира в Италии, прежде чем переносить войну в Африку.

«Скажите мне, — не дайте боги этому свершиться! — что, если победоносный Ганнибал выступит против нашего города, ведь то, что уже случалось, может случиться снова, не придется ли нам отзывать нашего консула из Африки, как мы отзывали Фульвия из Капуи?»

Он дал возможность слушателям почувствовать, сколь опасно Африканское побережье, и вспомнить судьбу другого консула, Регула, который вторгся туда. Он грубо преуменьшил достижения Сципиона в Испании. Что Публий Корнелий совершил там такого уж значительного? Он благополучно пропутешествовал вдоль дружественного побережья, чтобы взять на себя командование армией, которая уже находилась там и была обучена его покойным отцом? Да, он взял Новый Карфаген — когда там не было ни одной из трех карфагенских армий. На что же тогда рассчитывает Сципион, ставя под угрозу судьбу Рима своим походом в Африку, когда ни один порт и ни одна дружеская армия не ждет его там? На альянс с нумидийцами, с Сифаксом? В Испании его кельтиберские союзники выступили против него, а его собственные воины взбунтовались. С другой стороны, у Метавра два консула объединили свои силы, чтобы доказать, что любой пришелец может быть разгромлен в Италии. И — «там, где Ганнибал, там и центр этой войны».

Фабий попросил сенат задуматься над тем, действует ли Сципион ради государства или во имя своих собственных амбиций. Он уже и так поставил под угрозу судьбу Рима, когда на двух кораблях без разрешения сената переправился на Африканское побережье, хотя был тогда римским полководцем.

«По моему мнению, — заключил он, — Публий Корнелий выбран консулом ради республики, а не ради него самого. Наши армии набраны для того, чтобы защищать город и Италию, а не для того, чтобы консулы могли, как самовластные тираны, перебрасывать войска куда заблагорассудится».

Это было сильное выступление Фабия, человека с большим авторитетом. Сципион стоял с выражением явного пренебрежения к сенату на лице. Он не сделал никакой попытки возражать на обвинения. Он ответил, что удовлетворен их намерением составить собственное мнение о его жизни и поступках, и

согласится с этим мнением. Что касается его плана, разве не могут они привести более сильный аргумент, нежели сам Ганнибал? Ганнибалу нечего было бояться, вторгаясь в Италию, хотя он встретился с римской народной армией. Ничего подобного не существовало в Африке.

По иронии судьбы дебаты в сенате переросли в дебаты о самом Ганнибале и тех действиях, которые следовало предпринять против него. Хотя Сципион проиграл в этом споре, он выиграл то, что хотел, — разрешение действовать, как ему нужно. Сенат разрешил ему переправиться из Сицилии в Африку, «если он считает, что это пойдет на пользу государству». Однако, и это почти невероятно, но он отказал Сципиону в праве увести из Италии легионы или более 30 кораблей сверх тех, которые были нужны для Сицилии. Помимо этого он мог призывать кого хотел или строить суда — но на свои деньги.

То, что последовало, было сделано полностью по инициативе одного человека, Сципиона, руководствовавшегося личными амбициями. Вначале все делалось на его деньги и на его собственный риск.

Два регулярных легиона, которые ждали его в Сицилии, состояли из давно забытых солдат из Канн, отбывавших свою ссылку.

Два холма в Локрах

Эти легионы, пятый и шестой, «устали оттого, что старились в изгнании». Для них приезд Сципиона был подобен неожиданному явлению бога. Он возвратил их к активным действиям, да каким действиям! Высадиться в Африке, чтобы получить богатства Карфагена и добиться окончательной победы! С этого момента забытые со времен Канн легионеры, уже постаревшие, отвечали Сципиону собачьей преданностью.

Молодой консул привел с собой из Италии около 7000 добровольцев, которые предпочитали служить ему на нетронутых войной просторах Африки, а не на полях битвы, повидавших Ганнибала, где в лагерях регулярной армии свирепствовала эпидемия. Все эти добровольцы уже имели опыт службы и были разборчивы по отношению к военачальникам. К тому же Сципион удвоил им жалованье. Несмотря на свою учтивость, этот полководец из Испании вербовал людей с разбором. Когда знатные энтузиасты из Сиракуз (база его операции) объединились в добровольческий отряд, в доспехах, на конях и в сверкающем убранстве, он любезно рассказал им о жестокостях войны и

великодушно пообещал освободить их от этих тягот, если они пожертвуют свое снаряжение опытным воинам.

В то же время Сципион пытался установить дружеские отношения с Сиракузами, которые все еще зализывали раны после устроенной Марцеллом кровавой чистки. Большинство греческих домовладельцев предъявили претензии за ущерб, нанесенный римскими воинами. Молодой поборник нового порядка выслушал их жалобы и пообещал компенсацию.

Его квестором, назначенным сенатом, был неуклюжий рыжеволосый плебей, Марк Порций Катон. Этот Катон (который навечно прославился фразой «Карфаген должен быть разрушен») отличался деревенским пуританизмом и остро чувствовал, куда дует ветер политики. Помимо всего, он был ставленником престарелого Фабия. Когда он выразил протест против небрежного отношения своего начальника к деньгам, Сципион сказал, что отвечает за безопасность государства, а не за то, сколько будет израсходовано денег. Вражда между будущим цензором и энергичным лидером просуществовала долгое время.

Пока Сципион тренировал свою находящуюся в зачаточном состоянии армию (больше 12 000, но меньше 20 000 человек) на пересеченной местности, он думал о том, как помочь ей. Он отправил призыв к бывшим военачальникам с опытом инженерных работ, с алчностью скряги собирал транспортные суда. По опыту, обретенному в Испании, он знал, что у римлян есть два преимущества перед карфагенянами: это их блестящее умение вести осадные операции и их военно-морские силы. Эти два преимущества он должен был использовать против Ганнибала. Если его флот будет сильнее, то сицилийская база станет смертельно опасной для Карфагена; если слабее — она принесет катастрофу.

Среди латинских хроников возник миф о том, что в тот момент все союзные города Италии, особенно этрусская община, открыли свои лавки с судостроительными материалами для Сципиона, несмотря на оппозицию сената. И что в течение 45 дней 30 новехоньких судов были построены и спущены на воду под всеобщие одобрительные возгласы. Эти 30 галер были оборудованы гребными механизмами, с помощью которых римляне освоили искусство судовождения в незапамятные времена. Это была отличная история, но таких механизмов никогда не существовало. В 204 году до н. э. этрусские города были заклеймены позором за их недавний бунт, а при появлении Магона они снова поднимут восстание. Повсюду союзные города возмущенно заявляли о том, что не в состоянии вносить свою ежегодную долю, «несмотря на гнев римлян». Сенат отказывался

заслушивать их сановников, пока не будут выполнены поставки. В действительности Сципион привел 30 судов из Италии и сумел найти столько же у берегов Сицилии. Не имея более сильного боевого флота, чем этот, он принял решение готовить экспедицию к походу.

Этот миф, в свою очередь, привел к тому, что некоторые современные историки представляют дело так, будто Сципион готовил свою экспедицию без всякой помощи неблагодарного Рима. Это тоже неправда. В действительности заслуга принадлежит Сципиону, римскому сенату и, кстати, Ганнибалу. Разногласия между Сципионом и его правительством заключалось в их идейных спорах. Большинство в сенате было право, считая, что Сципион с более многочисленной армией другого консула сможет вымотать Ганнибала годами войны на истощение. Сципион прекрасно понимал это. Но он был способен предвидеть, что последует за этим в итоге: истощенная Италия, освободившаяся от Ганнибала, никогда не захочет вступить в новый конфликт и вторгнуться в Африку. (И слава Сципиона соответственно будет меньше.) Сенат мало чем помог ему сначала, потому что ему нечем было помочь. Угроза прорыва Ганнибала к Риму была реальной, если превосходящие военные силы не блокируют его. Это было великое искусство (что редко признают) со стороны одноглазого Карфагенянина три года удерживать значительные римские силы у своих холмов. План Сципиона устремиться к морю с его небольшой армией, притом, что все было против него, требовал большого хладнокровия с его стороны.

Чтобы подбодрить своих новобранцев и собрать информацию, Сципион сначала отправил к морю своего помощника Лелия. С достаточно сильным отрядом Лелий пересек море и добрался до порта, который римляне называли Гиппон Царский (ныне Бона), к западу от Карфагена. Здесь он высадился, чтобы разграбить сельскую местность и встретиться с Масиниссой, который прибыл в сопровождении всего нескольких всадников, хотя Гиппон находился в пределах его родовых владений. То, что сообщил Масинисса, отнюдь не воодушевляло. Сифакс перешел на сторону карфагенян.

— Почему консул Сципион медлит? — вопрошал Масинисса. — Скажи ему, чтобы он скорее приходил.

Молодой нумидиец предупредил Лелия, что карфагенский флот вышел в море на его поиски. И римские рейдеры тут же ушли к Сицилии.

Сципион взял многое из добычи, которую они привезли, но мысль о море быстро померкла. Карфаген, встревоженный рейдом

Лелия, собрал все свои силы для отпора. На мысах вдоль Африканского побережья были учреждены сторожевые посты и сигнальные маяки. В городе была возведена крепостная стена, произведен набор в армию и сбор денег, одновременно лихорадочно заработали верфи на внутренних гаванях.

Результаты не заставили себя ждать. Флот, который проглядел Лелий, снова вышел в море, с ящиками сокровищ, с подкреплением в 6000 человек, с 800 нумидийцами, их лошадьми и 7 слонами. Он ускользнул от римских сторожевых кораблей, как и флот Магона, и пришел в Геную с приказом для Магона встать во главе лигурийцев и галлов и попытаться соединиться с Ганнибалом. Чтобы оказать помощь самому Ганнибалу, конвой в 100 судов, без сопровождения, но с людьми, грузом зерна и серебра направился прямо к Локрам в Бруттий. Непредвиденное обстоятельство расстроило эти планы. Шторм разбросал конвой, а 20 транспортных судов были потоплены римскими галерами. Некоторые из уцелевших кораблей благополучно вернулись в Карфаген, но ни одно судно не добралось до побережья, на котором находился Ганнибал.

Стало очевидно, что наполовину расформированный римский флот бездействовал: бдительные когда-то, в дни Отацилия, корабли больше не бороздили морские просторы. С растущей тревогой Сципион услышал, что Ганнибал покинул свои сухопутные рубежи и двинулся к Локрам.

На первые подвернувшиеся галеры Сципион погрузил все имевшиеся под рукой силы, с лестницами и механизмами, и направился к Локрам. Они находились на небольшом расстоянии от побережья Сицилии, но за пределами зоны его власти. Сципион игнорировал это обстоятельство в пылу нетерпения опередить каннского кудесника. Несмотря на спешку, он позаботился о том, чтобы захватить с собой корабли и технику.

Локры были более крупным из двух портов, оставшихся у Ганнибала в Бруттии. Небольшой римский отряд, как всегда, с помощью хитрости уже вошел в него: группе ремесленников из Локр было разрешено возвратиться из сицилийского плена домой на том условии, что они впустят римский отряд за городскую стену. Город был расположен между двумя холмами, защищенными крепостями, и римский отряд проник только в южную цитадель. Здесь командовал некий Племиний, один из военачальников Сципиона. Карфагенский гарнизон был вытеснен на противоположный холм.

Ганнибал, стремительно приближающийся с севера, передал своему гарнизону приказ выступить в ту ночь, когда он подойдет, чтобы атаковать занятую римлянами цитадель. Горожане,

которые считали римских воинов освободителями, набрали в рот воды и укрылись в своих домах.

В этот день галера Сципиона вошла в гавань, и его когорты заполнили улицы между холмами. Его разведчики вышли на северную дорогу и увидели приближающихся конников Карфагенянина. Вечером передовой отряд Ганнибала подошел к городской стене. Когорты Сципиона спешно вышли за ворота, чтобы образовать боевой строй. Когда прибыл Ганнибал, он обнаружил в гавани неприятельский флот и сильную армию в городе. Его отряды не захватили с собой ни штурмовых лестниц, ни катапульт. Забрав свой гарнизон из цитадели, Ганнибал ушел.

Это бескровное столкновение вооруженных сил было почти случайностью. Вероятнее всего, Ганнибал только потом узнал о присутствии Сципиона. Тем не менее это вселило бодрость в легионеров Сципиона, которые встретились с непобедимым карфагенянином и увидели его отступление.

Отплытие в Африку

Локры возымели такие последствия, которые едва не испортили Сципиону все дело. Его легат, Племиний, проявил себя отъявленным зверем, когда был поставлен командовать захваченным портом. В своем садистском разгуле он казнил лидеров Локр, которые сотрудничали с карфагенянами, отправлял молодых женщин в публичные дома, вывез сокровища из городского храма и, наконец, наказал плетьми двух трибунов римской армии. Жители Локр, пожалевшие о смене хозяев, отправили своих посланцев с жалобой в Рим.

Сципион мог быть жестоким в достижении своей цели: так, он приговорил вожаков мятежа в Испании к публичным пыткам, и его легионеры бряцали мечами в знак одобрения, однако он не был так свиреп, как Марцелл. По причинам, ведомым только ему одному, Сципион поддержал Племиния. Сенат расследовал и этот случай, и поступок Сципиона. Порка трибунов, обладающих неприкосновенностью согласно римским законам, была оскорблением, а осквернение храма было оскорблением богов. Более того, римский консул в Сицилии снова подвергал опасности свою жизнь за пределами зоны его законной власти. К этим соображениям сенат присовокупил секретное донесение квестора Катона о поведении Сципиона в Сиракузах. Донесение обвиняло консула в поведении, противоречащем интересам Рима.

Сципион, похоже, расслабился вечером, ведя беседы с греками за чашей вина. Военачальник, он расхаживал повсюду в

сандалиях и легком греческом хитоне и посещал спортивные игры в гимнастическом зале. По иронии судьбы новые дебаты по поводу Сципиона закончились отправкой представителей сената для расследования в Сицилию, с полномочиями сместить его. Сципион подготовился к приему проверяющих, устроив генеральную репетицию вторжения. У берега сенаторы держали галеры, готовые к бою. В гавани несколько сот конфискованных транспортов стояли на мертвом якоре. В арсеналах находились горы зерна и оружия. У причалов ждали наготове баллисты и катапульты, в основном захваченные в Сиракузах. Самое главное, на плацу маршировали туда-сюда новые легионы, слаженные как машины.

У сенаторов было достаточно опыта, чтобы оценить высокий уровень, когда он имел место. Довольные появлением этой новой армии, которая почти ничего не стоила казне, они вернулись в Рим, чтобы превозносить Публия Корнелия Сципиона как достойного сына своего отца, храброго воина, приверженца древних традиций.

Это было началом благоволения к Сципиону со стороны сената, и после этого Сципион стал пользоваться его полнейшей поддержкой. Вслед за пышным парадом вторжения Сципион потребовал, чтобы началось настоящее вторжение. Когда его воины сели на корабли, его постиг сокрушительный удар, который он скрыл. От Сифакса прибыли посланцы и сообщили, что вождь нумидийцев считает, что должен быть предан Карфагену. Личное письмо предостерегало Сципиона от ведения кампании, в которой Сифакс будет выступать его противником. «Не высаживайся в Африке».

Сципион не стал обнародовать это предупреждение. Чтобы объяснить появление нумидийцев в расположении своего лагеря, он сказал, что их царь, Масинисса, просил его поторопиться. Потом Сципион отдал всем приказ подниматься на корабли.

На рассвете Сципион вступил на борт флагманского корабля, который вместе с боевыми галерами стоял в ожидании, готовясь сопровождать конвой из 400 различных судов и примерно 30 000 солдат, включая команды боевых кораблей. На палубе он собственноручно зарезал жертвенную овцу и выбросил ее внутренности в море. Свидетели говорили, что он призвал силу Нептуна на помощь римским кораблям.

Сципион молился: «Дай мне силы испытать судьбу в борьбе против карфагенян».

Протрубили трубы, и Сципион призвал лоцманов вести суда к побережью Сирта, к востоку от Сиракуз. Когда последний корабль конвоя оказался за пределами слышимости толпы, собравшейся

на берегу, он изменил приказ. Лоцманам надлежало вести корабли прямо в Карфаген.

Прошло две недели, прежде чем из Африки прибыла галера с первым сообщением об экспедиции. Пребывающей в ожидании толпе в Сиракузах было объявлено: «Победоносная высадка, город одним ударом захвачен вместе с восемью тысячами пленных и огромными трофеями». В доказательство на борту галеры были предъявлены пленные и ящики с ценностями.

Дела, однако, обстояли не слишком хорошо.

Самый черный час Сципиона

Африка пробудилась от спячки мирного времени, чтобы оказать сопротивление захватчику. Поэты всегда считали символом Африки женщину. Согласно легенде, царицей Карфагена была Дидона, завоеванная, а потом брошенная Энеем, предполагаемым «родоначальником» римлян. Сам Карфаген, по преданию, был основан сбежавшей дочерью тирского царя. Ее имя было производным от обожествленного имени Тиннит (Великая Мать), храм в честь которой венчал холм Бирсы. Он символизировал борьбу Африки против Европы, достижений древней культуры против варварства. Регул, захватчик, сам верил в то, что станет завоевателем Африканского побережья, но оказался отброшенным назад, в море.

Неуловимые силы неожиданно вознамерились противостоять Сципиону, тоже римскому консулу, после его дерзкой и успешной переправы в середине лета 204 года до н. э. Он высадился на побережье возле Утики. Этот приморский город, который был старше Карфагена (Утикой его называли римляне), вызывал, как и морская империя Карфаген, зависть Марцелла и занимал, кроме того, важное стратегическое положение, поскольку находился вблизи устья реки Баграда, ближе чем в 20 милях от ее младшей сестры, Бирсы. Он рассчитывал на то, что сможет завоевать или молниеносно атаковать Утику. Сделав так, он мог бы получить укрепленную базу, открытую к морю, на расстоянии однодневного марша до защитного земляного вала Карфагена. Неожиданно этот финикийско-греческий город оказал сопротивление и отбил атаку. Сципиону пришлось вести осаду во враждебной стране.

Само побережье оказалось враждебным. Сципион рассчитывал на то, что поднимет внутренние земли — десятки тысяч нумидийцев, подчиняющихся Сифаксу, — против карфагенян. Однако Сифакс, как он и предупреждал Сципиона,

мобилизовал свои воинские ресурсы на помощь Гасдрубалу, сыну Гисгона, у которого оказалось мало людей. И виной тому в какой-то степени стала женщина. Это была Софонизба, дочь хитроумного Гасдрубала. Софонизба, юная красавица, брала у греческих учителей уроки музыки и обольщения. Она была предана своему отцу и Карфагену. Гасдрубал скрепил свое соглашение со старым нумидийцем, отдав ему в жены Софонизбу, чтобы она докладывала о том, что он делает, и оказывала на него влияние. Она прекрасно справлялась и с тем и с другим.

Масинисса тоже сыграл свою роль, когда появился на линии осады. Сципион полагал, что сможет воспользоваться некоторым количеством нумидийских всадников изгнанного вождя. Их оказалось только две сотни. У Масиниссы не было никаких видимых ресурсов, кроме ручного оружия и неиссякаемой силы духа. Он со смехом рассказывал, что его бы настигли и убили, если бы он не распустил слухи о своей гибели.

Какая-то женщина, загадочная старая предводительница племени, ночная разбойница, и молчаливое враждебное побережье почти без гаваней — все это вместе создало Публию Корнелию проблемы, которые нельзя было просто решить силой оружия его легионеров. Наступила зима, а Утика все еще сопротивлялась ему, в то время как на равнине шла мобилизация карфагенско-нумидийской армии. Сципион немного пополнил свои запасы, опустошая плодородный бассейн Баграды, кроме того, корабли доставили немного зерна из Сардинии. Он перенес свой лагерь на скалистый мыс восточнее Утики. Здесь он подвел вплотную к берегу свои галеры и отправил команды заниматься осадой, которую надо было закончить. Он назвал свой лагерь «Кастра Корнелия». Готовя лагерь к обороне против Сифакса и Гасдрубала, сына Гисгона, он посылал полные оптимизма рапорты в сенат (на глазах у скептически настроенного Катона), зная, что его могут отозвать при первой же новости о поражении.

Зимние штормы прервали его активную связь с северными берегами. Они дали ему также возможность передохнуть от нападений растущего карфагенского флота. Из всех опасностей на Африканском побережье эта была самая главная.

Невероятно, но зима 204/203 года до н. э. застала двух мастеров военных действий, Ганнибала и Сципиона, на мысе и полуострове, обоих на вражеском побережье. Несколько месяцев оба почти не принимали участия в событиях. При этом Ганнибал, поскольку Сципион имел только ограниченную связь со своим сенатом, возможно, представлял себе картину на море более ясно.

Измотанный, но упорный Рим твердо удерживал позиции на море со своими 20 легионами и 160 боевыми кораблями, не

считая африканской экспедиции. От Гадеса на океанском берегу до побережья Далмации располагались лагерями легионы, и в их железных тисках находились острова, от Балеарских до Сицилии, которые оказались теперь в водовороте войны.

В Испании, за рекой Эбро, умирал последний очаг сопротивления. Магон никак не мог продвинуться дальше реки По. Впервые Рим прочно удерживал плацдарм на Африканском побережье. Город Карфаген все еще находился в безопасности на укрепленном мысе. Но римляне были теперь владыками морской империи, к чему стремились Баркиды. Сейчас тревогу Ганнибала вызывал сам Карфаген.

Он неохотно уступил давлению двух римских армий, защищая ущелья и дороги, ведущие через долины, чтобы выиграть драгоценное время. Теперь его враги угрожали Консенции, крупнейшему торговому городу Бруттия, в то время как Ганнибал держался за Кротон, последний порт для эвакуации.

Ирония положения не преминула больно задеть его. На мысе возле Кротона возвышался храм Юноны Лацинии — древняя греческая святыня, которую Ганнибал должен был во что бы то ни стало удержать. Этот храм служил ему наблюдательным пунктом и был спокойным местом для размышлений — своего рода Тифатой на море. Здесь у входа в святилище он поместил свою мемориальную бронзовую доску. К этому времени карфагенский полководец видел и прочитал бесчисленное количество латинских досок, свидетельствующих об отличиях, титулах и победах, одержанных римскими патрициями. Он изучил их законы, выбитые на камне. Теперь он установил собственный мемориал, список своих побед, одержанных за пятнадцать лет в Италии.

Это был прощальный жест человека, который никогда не стремился к войне. Ганнибал не утратил чувства юмора.

Решение на Великих Равнинах

Когда наступила весна, Сципион покинул лагерь «Кастра Корнелия». Он сделал это, когда еще не кончился сезон бурь и прежде чем карфагенский флот мог выйти в море.

В течение зимних месяцев его небольшой кавалерийский отряд перехитрил и рассеял большую добровольную армию всадников из Карфагена — это всадники Масиниссы завлекли ретивых карфагенян туда, где, укрывшись в кустах, ждала вышколенная римская конница. После такого успеха конница Сципиона начала расти.

Сам Сципион в зимнее время вел мирные переговоры и с Сифаксом и с Гасдрубалом, чьи лагеря окаймляли его мыс. Сципион помнил о проявленном во время их встречи Сифаксом стремлении положить конец войне. Во время долгих споров эмиссары обсуждали этот вопрос: может быть, отвести все армии и восстановить статус-кво? Сципион не сказал ни «да», ни «нет», в то время как его военачальники, присутствовавшие на переговорах под видом слуг, тщательно оценивали обстановку, готовность и мощь двух враждебных лагерей: карфагеняне Гасдрубала устроили свои зимние квартиры в стороне от палаток нумидийцев. В конце концов Сципион нехотя признался, что не обладает такими полномочиями, чтобы гарантировать Сифаксу желаемое.

Пока старый нумидиец обдумывал явное нежелание римлян и пока существовало неофициальное перемирие, однажды ночью в обоих лагерях возникли пожары, и, когда карфагеняне и нумидийцы вскочили, чтобы потушить пламя, они наткнулись на мечи легионеров Сципиона. Всадники Масиниссы ворвались в опустевшие лагеря, и Гасдрубал и Сифакс едва успели, проснувшись, унести ноги. Римлянам досталось после пожара много добычи, складов и лошадей.

Всеми правдами и неправдами Сципион и Лелий увели африканцев с линии осады лагеря «Кастра Корнелия».

Вслед за этим Сципион безжалостно и без всякого промедления воспользовался своим преимуществом опытного командира и дисциплинированностью своей армии. Пожар в лагерях вынудил карфагенян вернуться в свой город, а нумидийцев отправиться в Кирту, оплот Сифакса на западе. Прошло три недели, прежде чем руководители усилили и перегруппировали своих сторонников на землях, носящих название Великие Равнины. Карфагенская супруга Сифакса настаивала на его энергичных действиях. Ему помогла неожиданно прибывшая помощь. С западного побережья к нему прибыли 4000 кельтиберов. Это были ветераны с большим воинским опытом. Как и почему они пришли в Карфаген, так никогда и не выяснилось. Очевидно, они переправились в Африку, чтобы поступить на службу, которая в Испании закончилась.

Сначала все в Африке складывалось для кельтиберов достаточно удачно. С неожиданной смелостью Сципион увел два своих лучших легиона с набирающей силу конницей, нумидийской и римской, с линии обороны. После пяти дней форсированного марша, почти налегке, он достиг мобилизационного центра карфагенян и нумидийцев на Великих

Равнинах.

Последовавшая за этим битва, в которой около 16 000 римлян выступили против двадцатитысячной союзной армии, имела катастрофические последствия для Карфагена. Лелий и Масинисса обрушились на фланги карфагенян. Передовые легионы Сципиона ударили с фронта. Карфагенский центр, ядро которого составляли кельтиберы, был окружен быстрой конницей и сходящимися рядами тяжеловооруженной пехоты. Кельтиберы не предприняли никаких усилий бежать. Будучи испанцами из новой римской провинции Испании, они знали, что поплатятся жизнью, и предпочли погибнуть с оружием в руках. Известно, что легионерам потребовались немалые усилия, чтобы покончить с ними.

Сципион воспользовался еще одним преимуществом перед своими врагами. У него были два превосходных военачальника, Лелий и Масинисса. Он выпустил Масиниссу в безудержную погоню за беглецами в Нумидию, на запад, и следом отправил Лелия с энергично марширующими когортами, чтобы поддержать Масиниссу и присмотреть за ним. Предоставив линии обороны в Утике самой заботиться о себе, Сципион нанес удар по Тунису, расположенному у большой лагуны напротив Карфагена. Тунис мало чем славился, кроме своих каменоломен и купцов, но его лагуна служила безопасной гаванью для карфагенского флота.

Сципион увидел в Тунисе то, чего опасался больше всего, — неприятельский флот выходил со своей стоянки. Не теряя ни минуты, он помчался верхом на коне в сопровождении небольшого отряда (легионы последовали за ним) в лагерь «Кастра Корнелия». Здесь римские галеры были оснащены осадными машинами и направлены бомбардировать Утику, в то время как транспортные суда, без всякой защиты, встали на якорь. Сципион поскакал в свой лагерь. Там он сам, команды судов и все имевшиеся под рукой солдаты немедленно превратились в инженеров. Поскольку немногочисленные боевые галеры Сципиона были не в том состоянии, чтобы выйти в море, их использовали в качестве заслонов. Вероятно, никто, кроме римлян, не догадался возвести защитную стену из парусников, и только воинам с семи холмов удалось придумать, как это сделать. Они выстроили тяжелые транспортные суда носом к корме, в несколько рядов по направлению к галерам, убрали мачты и перекладины, чтобы связать суда вместе, и перекинули абордажные мостики с галер на внешний ряд кораблей. Потом легионеры вооружились и приготовили технику, чтобы защитить свою уникальную стену из кораблей.

Карфагенский флагманский корабль допустил ошибку,

пребывая в открытом море в ожидании того, когда его враги выйдут из гавани, чего, естественно, не произошло. Когда карфагенские галеры двинулись на следующий день к побережью Утики, они нашли стену из транспортных судов, укомплектованную воинами, и потеряли еще больше времени, озадаченные этой новой тактикой. Карфагеняне, однако, были настолько же искусными мореплавателями, насколько римляне были искусными ремесленниками. Конфликт при Утике закончился тем, что карфагеняне победоносно отбуксировали около 60 римских парусных судов. А Сципион должен был еще какое-то время охранять лагерь «Кастра Корнелия».

Тем временем Масинисса вихрем мчался по своей родовой земле массалиев, чтобы сломить сопротивление, создаваемое вокруг его врага Сифакса, низложить самого Сифакса и заковать раненого вождя в цепи, чтобы продемонстрировать его в сельской местности. Там, где оппозиция была крепка, вмешивался Лелий со своей тяжеловооруженной пехотой и разбивал ее. Но это была земля предков Масиниссы. У горожан не осталось вождя, когда Сифакс был закован в цепи, а бедуины только и желали следовать за победителями.

Кирта пала, и у входа во дворец Масинисса увидел поджидавшую его Софонизбу. Легенда гласит, что она умоляла молодого нумидийца не дать ей, карфагенянке, попасть в руки римлян. Поэты утверждают, что Масинисса был без ума от нее. И вероятно, Масинисса закрепил свою победу над раненым Сифаксом, забрав его молодую жену. Лелий, который прибыл, чтобы установить закон и порядок на этой неорганизованной завоеванной земле, запротестовал, сказав, что Софонизба — агент карфагенян, и теперь она стала пленницей сената и римского народа. Масинисса, чувствуя, как к нему возвращаются силы, не стал его слушать. Тем не менее Лелий заставил его обратиться за решением этого вопроса к Сципиону.

Трое мужчин возвратились на рубежи Утики, где Сципион решил, что раненого Сифакса следует отправить в качестве пленного вождя в Рим. Оба, должно быть, вспомнили свою встречу, когда гостеприимство Сифакса защитило молодого проконсула. Миф, который окружал Софонизбу, говорил, что Сифакс обвинил ее в том, что она обманным путем разрушила его дружбу со Сципионом и что он предупредил римского полководца, будто она сделает то же самое с Масиниссой. Очень сомнительно, чтобы нумидиец, который был наделен пожизненной властью, стал бы обвинять в своем крахе женщину. Скорее всего, осторожный Сципион не хотел, чтобы женой Масиниссы стала карфагенянка, тем более такая, как Софонизба.

Сципиону была срочно необходима нумидийская конница.

Они вдвоем обсудили это, и Масинисса ушел из палатки римлянина, чтобы поразмышлять ночью в одиночестве. Ему тоже был нужен его союзник, потому что без римских легионов Масинисса не мог противостоять силе Карфагена.

И легенда заканчивает историю этой женщины сценой словно из греческой трагедии, которую со вкусом описал Ливий. Масинисса будто бы отправил одного из своих нумидийцев обратно во дворец в Кирте с ядом в чаше и потребовал, чтобы Софонизба сделала выбор: умереть или отправиться пленницей вместе с Сифаксом в Рим. После чего она сказала посланнику: «Я не ожидала такого свадебного подарка от своего мужа». И выпила яд.

Как бы там ни было, но карфагенянка была убита. Старого нумидийца, закованного в цепи, доставили в Рим вместе с другими доказательствами победы Сципиона. Враждебное побережье было покорено. В награду Масинисса получил царские дары от Сципиона, который после этого обращался к нему как к царю. Ему были дарованы золотая корона, роскошно расшитое одеяние и высокий государственный пост в курии. Он был коронован перед строем легионов. Он стал первым из восточных монархов, получивших известность как ставленник Рима.

Однако история смерти Софонизбы пережила славу Масиниссы.

Карфаген призывает своих сынов вернуться домой

После катастрофы на Великих Равнинах Карфаген почувствовал себя в опасности. До этой поры в совете Бирсы существовали, как это часто бывает, непримиримые разногласия. Сильная партия мира оплакивала неудачу Баркидов и требовала примирения с Римом, другая группа настаивала на возвращении Ганнибала, третья — убеждала в необходимости приложить больше усилий, чтобы изгнать Сципиона с завоеванных им позиций, где он зимой вел неофициальные предварительные переговоры. На заполненных людьми улицах, под Бирсой, торговые гильдии, ремесленники и простые граждане громко требовали Ганнибала. Суффет не знал, какое решение принять.

Между серединой марта и концом июня римские легионы хлынули на дороги в глубинных районах, одна полевая армия Карфагена исчезла на Великих Равнинах. От залива Сирт и до границы Нумидии город был отрезан от континента. Беженцы устремились в город со своими пожитками, но без

продовольствия. Урожаи на берегах жизненно важной реки Баграды оказались в распоряжении врага. На переполненных улицах запахло голодом. Все планы изменились.

Три стены защищали сейчас город на оконечности мыса; гарнизоны заняли позиции внутри них; флот охранял вход в гавань. Но город не мог выдержать многие месяцы без продовольствия, доставляемого из глубинных районов. Гарнизон не был подготовлен к встрече на поле боя с такой армией, как армия Сципиона. Лишенный нумидийских рекрутов, город не имел достаточной численности, чтобы сформировать новую армию, и не имел, кроме того, никого, кто был бы способен повести ее против Сципиона. Гасдрубал, отец Софонизбы, покончил жизнь самоубийством.

Совет поставил Ганнона, ветерана кампании Ганнибала, который был начальником тяжеловооруженной конницы при Каннах, командовать защитой. Кроме того, совет отправил своих посланцев к Магону, в Альпы, и к Ганнибалу, потребовав, чтобы они вернулись со своими армиями в Африку. Затем совет заменил командующего флотом, сверхосторожного Бомилькара, более подходящим, которого тоже звали Гасдрубалом. Под командованием нового военачальника флот предпринял вылазку против Утики и возвратился, захватив 60 римских транспортных судов. Эти парусные суда, перевооруженные, стали прекрасным дополнением к большому конвою, который был необходим для того, чтобы доставить Ганнибала домой через море, кишащее неприятельскими кораблями.

На Лигурийском побережье верный Магон имел собственный флот и тоже был весьма искусен в морских маневрах. В небольшой гавани Кротона у Ганнибала стояло несколько судов. Однако его нога в течение жизни целого поколения уже не ступала на борт корабля. А Карфаген требовал Ганнибала. Нетерпеливые толпы у трех ворот Бирсы не переставали выкрикивать его имя.

Уже наступил июль (203 год до н. э.), и погода была подходящей для выхода в море.

По поводу этого кризиса в исторических источниках нет ни слова. Провал. Внезапный — как при остановке киноленты, когда ставят следующую часть. В июле Ганнибал ждет в горах Бруттия. Ранней осенью или в октябре он уже за морем, в Африке, со своей армией в полном снаряжении. «Дюнкерк» имел место в течение времени, о котором нет письменных свидетельств. Латинские историографы предпочли не объяснять, как Ганнибал выбрался из Италии.

Современные историки обратили внимание на эту загадку. Один заключает, что суда, находящиеся в море, трудно найти. Это правда. Даже Нельсон не смог обнаружить конвой Наполеона, когда тот шел через Средиземное море к Нилу. Однако это не объясняет, как Ганнибал вышел к морю незамеченным. В непосредственной близости от него находились две римские армии. Они были способны разгромить его войска во время посадки на корабли, чтобы одержать над ним первую победу. И разумеется, его армию при погрузке на транспортные суда пощадил боевой флот, который мог покончить с Ганнибалом раз и навсегда.

Другой историк идет дальше в своих объяснениях: поскольку римский сенат вел в то время переговоры о перемирии (как теперь стало очевидным) с карфагенскими посланниками и поскольку по римскому закону не следовало вести переговоры в то время, когда вооруженные силы противника находились на итальянской земле, сенат был заинтересован в уходе Ганнибала и Магона с полуострова. Такое вряд ли возможно. Переговоры с Карфагеном не распространялись на карфагенские войска в Италии. Ганнибал не получил ни дня передышки после того, как перешел заснеженный перевал Альпийских гор. Во всяком случае, римский флот перехватил и взял в плен часть конвоя Магона.

Простейшим объяснением этой загадки может быть только одно. Ганнибал ушел незамеченным, как ему удалось сделать это раньше, переправившись через Волтурно у Капуи.

Кротон стоит на виду возле мелководного залива в форме полумесяца, стоит на месте плоском, как стол. Но за этим небольшим портом, насколько видит глаз, тянутся холмы Ла-Сила. Эти холмы удерживали карфагеняне, в то время как римляне, занявшие Консенцию, занимали дальние склоны.

С приближением дня отплытия, — когда Гасдрубал, командующий флотом, прибыл со своим значительным конвоем, — Ганнибал оставил людям, которые все еще были у него на службе, право выбора: следовать за ним или оставаться в Италии. Большинство из них решило сопровождать его. Он не взял с собой наиболее слабую группу людей, с многочисленными женщинами и детьми, которая стала частью его армии в Италии. (Рассказ о том, что он зверски уничтожил всех тех, кто отказался уезжать, в храме Юноны Лациния, — просто кровавые небылицы латинян.) Ганнибал действительно потребовал, чтобы были уничтожены все дорогие его сердцу лошади, поскольку их нельзя было взять с собой на корабли. Он также велел тем отрядам, которые должны были оставаться в Италии, занимать карфагенские посты на холмах, пока направляющиеся в Африку

контингенты грузились на суда и отплывали. Римское командование не располагало сведениями о его отплытии, и, видимо, прошло достаточно много времени, прежде чем оно убедилось, что Ганнибал действительно вышел в море.

Один из самых невероятных фактов в биографии Ганнибала — то, что он прибыл в Италию с армией, состоявшей из испанцев и африканцев, а покинул ее в основном с бруттийцами, галлами и многочисленными римскими дезертирами. Если и уцелели какие-то слоны, то их с собой не взяли. Ганнибал никогда не упоминал о том моменте, когда он смотрел, как горы Италии и белое пятнышко храма Юноны Лацинии исчезают на горизонте. (Описание того, как он скрежещет зубами от гнева по поводу вызова в Карфаген, не оказавший ему поддержки в войне, — реминисценция давнего заблуждения тех, кто считал, что именно Ганнибал планировал войну. Карфаген не мог заставить его вернуться в Африку против его воли. Он приготовился к отъезду со своей обычной тщательностью. После Великих Равнин центр конфликта переместился на Африканское побережье, и Ганнибал оставил Италию, как Гамилькар гору Эрик, без всякого внутреннего протеста.)

То, как происходило его отбытие, доказывает, что его направлявшаяся в Африку армия не могла быть многочисленной. Позднейшие источники исчисляли ее количеством от 12 000 до 15 000 человек, но скорее всего в этой армии было даже меньше 12 000. Конвой состоял только из парусных судов. Галеры с их малыми палубами и большим количеством гребцов могли взять на борт незначительное число пассажиров. К тому же после осеннего равноденствия непрочным галерам было опасно отправляться в дальние путешествия из-за холодных ветров и штормов. А Ганнибал и его командующий флотом проделали долгое путешествие из Кротона.

Теперь совершенно ясно, где находились и чем занимались в это время римские флотилии. От 140 до 160 боевых галер базировалось в Остии, на Сардинии и Сицилии. Значительная их часть сопровождала новые конвои в Африку, поскольку в эти месяцы главным было доставлять продовольствие и подкрепление Сципиону. («Все взоры были устремлены на Африку».) Один отряд перехватывал суда, которые отбивались от конвоя Магона.

Сам Магон был ранен в последнем сражении на реке По, когда он попытался вывести свои части из боя или сделать последнюю попытку прорваться к Ганнибалу. Магон умер в пути или потерпел кораблекрушение во время шторма. Большинство его кораблей, заполненных балеарцами, лигурийцами и галлами, в конечном счете доплыли до Карфагена.

Римские флотилии, находившиеся за пределами Сицилии, располагались между Кротоном и Карфагеном. Они следили за подходом конвоя Ганнибала, но тщетно.

Ганнибал и его командующий флотом сделали большой круг, обогнув Сицилию. Возможно, их заметили со сторожевого поста на Мальте. Однако к тому времени сицилийский флот уже не успевал перехватить их. Они держали курс не на Карфаген. Они подошли с востока, высадившись на восточном побережье, на территории нынешнего Туниса, более чем в 80 милях к югу от Священной горы Карфагена. Оказавшись на суше в этом непредвиденном месте, Ганнибал быстро переместил свою армию к северу, в Хадрумет, гавань и довольно большой город, находящийся вне зоны римского патрулирования.

Спустя тридцать четыре года Ганнибал снова стоял на африканской земле. Оба его брата были мертвы. А на нем сосредоточились все заботы Рима, который он приводил в смятение своим благополучным перемещением с континента на континент. «Надежда и тревога возрастали с каждым днем, — рассказывает Ливий. — Люди не могли решить, радоваться ли им тому, что через шестнадцать лет Ганнибал покинул Италию, или тревожиться, поскольку он прибыл в Африку со своей невредимой армией. Квинт Фабий [Медлитель], который умер незадолго до того, нередко говорил, что Ганнибал станет более серьезным соперником на своей собственной земле, чем в чужом государстве. И Сципион не хотел иметь дела ни с Сифаксом, царем в стране неотесанных варваров, ни с Гасдрубалом, полководцем, который мог быстро ускользнуть, ни с нерегулярными войсками, представлявшими собой скопище деревенских жителей. Ганнибал родился, можно сказать, в штабе своего отца, отважнейшего из полководцев. Он оставил доказательства своих великих деяний в Испании, и на земле галлов, и в Италии; от Альпийских гор до Мессинского пролива. Его армия вынесла нечеловеческие тяготы. Многие из его воинов, которые могли противостоять Сципиону в сражении, собственными руками убивали римских преторов и гуляли по захваченным римским городам и лагерям. Все римские магистраты в это время не имели такого количества атрибутов власти, которое могли бы нести перед Ганнибалом и которые были взяты у павших в бою военачальников».

Встревоженный сенат объявил четырехдневные игры на арене цирка, чтобы умилостивить богов, одновременно устроив пиршество в честь Юпитера в его Капитолийском храме.

Очертания грядущего

Если сенат пребывал в тревоге, то Сципион, вероятно, был ошеломлен. Он ожидал (и готовился к этому) прибытия Ганнибала в Африку. Однако он не мог предвидеть, что «чудодей Канн» ускользнет от римских армий и проложит себе путь сквозь блокаду флотилии «со своей невредимой армией». Равно как не мог он предвидеть и того, что другая многоопытная карфагенская армия будет молниеносно переброшена с берегов реки По на берега Баграды.

Той осенью на завоеванных позициях Сципиона Утика продолжала проявлять свое неповиновение. Ему не удалось также занять Бизерту (тогдашний Гиппон Диарит) на западном берегу залива. Он продолжал зависеть от снабжавшего его порта Кастра Корнелия. Неприступный Карфаген мобилизовал все свои ресурсы. Лелий, правая рука Сципиона, оставался в Риме после того, как доставил туда Сифакса. Несговорчивый Масинисса находился на западе, пытаясь во что бы то ни стало пополнить ряды конницы и заполучить для себя все массилийские земли.

Казалось, что все или почти все напророченное покойным Фабием зло в Африке начинает сбываться. Сможет или захочет ли Масинисса присоединиться к Сципиону вовремя? Сможет ли достаточное количество вооруженных людей, которые были освобождены в Италии, быть переправлено на кораблях на юг, в Африку, чтобы компенсировать прибытие Ганнибала? Будут ли эти силы отправлены своевременно?

Прежде чем что-то могло произойти, наступила зима, положив конец главному транспортному сообщению по морю. Как и в Кастра Корнелии годом раньше, Сципион оказался в изоляции на краю Африканского побережья с той разницей, что теперь на этом краю вместе с ним находился Ганнибал.

При столкновении с этим кризисом Публий Корнелий Сципион перестал быть просто блестящим региональным командующим Рима и стал одним из выдающихся людей истории. За свои действия он поплатился политической карьерой, к которой так стремился, и навлек на себя зависть и ненависть человека по имени Катон. Оказавшись одновременно перед лицом огромных возможностей и большой опасности, Сципион больше не думал об этом.

По счастью или благодаря предвидению, которое приносит удачу, Сципион заключил перемирие с советом Карфагена. В конце последнего лета ему нужно было время на то, чтобы реорганизовать свои войска, в то время как людям с Бирсы нужно было время для того, чтобы вернуть Ганнибала домой после поражений на Великих Равнинах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они заключили перемирие в Африке

(этого не получилось в Италии), но происходило это удивительным образом. Сципион встретился с бородатыми посланниками карфагенского совета и, выслушав их, предложил свои условия мирного соглашения. В этом не было ничего необычного, и обе стороны использовали разные уловки, как это Сципион делал перед поджогом карфагенских лагерей, чтобы выиграть время. Тем не менее Сципиону гениально пришло в голову в качестве обманных условий предложить подлинные, с помощью которых он хотел закончить войну.

Этими условиями были:

Возвращение Риму всех пленных, беглецов и дезертиров.

Вывод карфагенских армий из Италии.

Передача Карфагеном Сардинии и Корсики с Сицилией и прекращение вмешательства в дела Испании (бывшая провинция Сципиона). Сокращение количества боевых галер до 20. Выплата 5000 талантов серебра в качестве контрибуции (около 4 000 000 долларов в деньгах или слитках, которые имели гораздо большую ценность, чем теперь).

Кроме того, были оговорены вопросы поставки провизии римским армиям в Африке во время перемирия и вопросы, касающиеся признания Масиниссы царем в его собственной стране.

Теперь, принимая во внимание свое положение (без консультации с сенатом), Сципион, кажется, задумался обо всех сложностях многолетнего конфликта. Он выделил реалии грядущих лет — что Карфаген не должен быть разрушен, а Рим должен стать властителем морей. Более того, он понял, что понадобятся поколения, чтобы привести Испанию хоть в какой-то порядок, а это он собирался сделать. Возможно, он думал о своем собственном возвращении в Испанию. Безусловно, он не собирался требовать капитуляции Ганнибала, который, возможно, был бы неопасным в Африке без боевого флота и без Испании. И тогда два континента, разделенные, могли бы сохранять мир.

Зная склонность карфагенских государственных чиновников к спорам, Сципион дал им только три дня на то, чтобы либо подтвердить перемирие и передать его условия в Рим, либо нет. Совет принял условия, находясь под влиянием оппозиционной Баркидам группировки и надеясь выиграть время за счет переговоров. Появление условий Сципиона и посланцев Карфагена в Риме, естественно, вызвало удивление старейшин в сенате, которые не могли понять, что нашло на их полководца в середине успешной кампании. Как любых сенаторов везде и во все времена, старейшин возмутили условия, которые не были первоначально обсуждены ими. Ораторы произносили речи от

имени разных групп: от тех, кто занимался транспортом, от землевладельцев, от Клавдиев против Сципионов. Эти дебаты стали еще горячей после неожиданного прибытия облаченных в мантии посланцев Карфагена. Некоторые из них, и это правда, подтвердили, что Ганнибал был виновен в действиях, на которые они не давали согласия. Римляне полностью согласились с этим. Но большинство попыталось возродить старый договор, который связывал Карфаген с Римом, перед тем как началась война. Как будто речь сейчас могла идти о нем! Римские сенаторы, имевшие глубокие разногласия между собой, пришли к полному единению относительно старого договора. Его больше не следовало обсуждать. Они также признали, что им должны быть предоставлены большие гарантии. Некоторые из них могли подозревать, что условия были уловкой, но с чьей стороны и с какой целью? Как им говорил Фабий, когда они проголосовали за начало военных действий, в сенате дела обстоят совсем не так, как на поле брани.

Потом пришли новости с полей сражений, что Ганнибал и Магон исчезли из Италии вместе со своими войсками.

Это немедленно вызвало подозрение, и дебаты начались снова. Больше того, сенат безапелляционно отозвал Лелия, который был на пути к своему командиру. Перед ним был поставлен вопрос: что имел в виду Публий Корнелий под этими переговорами. Может быть, он хотел, чтобы Ганнибал остался в Африке, и если так, то зачем?

Искушенный Лелий дал блестящий ответ: «Публий Корнелий не предвидел ухода Ганнибала до подписания мира». И он, вероятно, убедил сбитых с толку сенаторов довериться их командующему и немедленно послать ему подкрепление. Подписал ли сенат условия мира или нет, этот вопрос остается спорным, да и вряд ли это имеет значение. В конце концов сенаторы согласились с Лелием, потому что предоставили решение этого вопроса народному собранию, которое потребовало полной поддержки Сципиона всеми имеющимися кораблями, мешками с зерном и вооруженными людьми в Италии.

Но Сципион нажил себе новых врагов на Форуме. Группировка Клавдиев получила ключевые позиции во время новых выборов после того, как был назван временный диктатор, чтобы назначить новых консулов. Зимние штормы бушевали на море. Наконец, конвой из 120 транспортных судов и 20 судов сопровождения вышли под командованием претора Лентула с Сардинии и направились в Кастра Корнелию. Еще один конвой готовился под командованием Клавдия Нерона, который

направился к реке Метавр. Но самый крупный конвой, состоявший из 200 кораблей и 30 галер, был настигнут у берегов Сицилии штормом, и большая часть грузовых судов была выброшена на берег вблизи Карфагена. Римским галерам удалось спасти свои команды, но корабли, груженные продовольствием и боевыми механизмами, качались на волнах прибоя под двумя вершинами Священной горы.

Видеть их было непереносимо для изголодавшегося населения Карфагена, которое осаждало двери совета до тех пор, пока не были отправлены через залив суда в сопровождении боевых галер, чтобы захватить провизию, словно ниспосланную им невидимым Мелькартом. На самом деле все карфагеняне воспрянули духом, как только узнали о высадке Ганнибала.

В Кастра Корнелии Сципион изо всех сил старался продлить прекращение военных действий хотя бы на несколько дней. (Конвой Нерона был на подходе.) Он проявил сдержанность, отправив послов в Карфаген с протестом против захвата кораблей и требованием вернуть продовольствие, в котором нуждался сам. Его послы нарвались на шумную демонстрацию, которая выкрикивала имя Ганнибала. Обеспокоенные члены совета тайно отправили послов обратно на их пентеконтор, и карфагенский боевой флот вывел его из гавани. После того как эскорт возвратился, снова вмешалась судьба. Три триремы из соединения кораблей Гасдрубала заметили римское судно и, невзирая на перемирие, атаковали его. Большое судно отбило атаку и спаслось, подойдя к римскому посту.

Сципион вел себя так, будто перемирие продолжалось, — отправил срочную рекомендацию в Рим, чтобы там охраняли карфагенян от нападок толпы. С наступлением весны не за горами была благоприятная погода для мореплавания и приезд Нерона с новым легионом. Масинисса все еще находился далеко на западе, где брал в свои руки все новые города на территории Сифакса. Курьеры из Кирты принесли зловещий слух о том, что сыновья Сифакса собирают конницу, чтобы присоединиться к Ганнибалу. Где-то в глубине континента, по сведениям Сципиона, объединялись карфагенские армии — остатки армии Магона с рекрутами Ганнона из Карфагена и ветеранами Ганнибала.

Несомненно, как сделал вывод Сципион, Ганнибал, не теряя времени, начнет формировать из этих контингентов новую армию.

В один из ранних весенних дней (точная дата неизвестна) Сципион решил больше не ждать. Он рано атаковал в предыдущем году мобилизационный центр карфагенян на Великих Равнинах и, кажется, боялся дать Ганнибалу больше

времени на организацию армии. Каковы бы ни были его соображения, но он вывел все надежные войска с рубежей Утики и пошел маршем вверх по реке Баграда, удаляясь от своей базы и поддержки с моря. Он шел без лучшей части своей кавалерии — нумидийцев. Каждый день он посылал с конными гонцами на запад требования к Масиниссе, чтобы тот явился. Он продвигался на юго-запад, следуя вдоль реки столько времени, сколько мог, сжигая деревни, уничтожая урожаи и угоняя колонны связанных веревкой плененных жителей с некогда процветающих карфагенских земель.

Такое опустошение заставило жителей деревень, расположенных вдоль реки, срочно отправить гонцов в зимний лагерь Ганнибала у Хадрумета, чтобы попросить своего покровителя скорее защитить их.

Совет Карфагена тоже торопил его выступить против Сципиона.

Ганнибал ответил посланникам:

— Я лучше вас знаю, что мне делать.

Но они ушли от него, узнав о марше Сципиона и о том факте, что у римлян не было пока нумидийской конницы. Судя по всему, Ганнибал еще не был готов выступить. Однако он немедленно сделал это.

Огромный лагерь был расформирован. Вооруженные люди высыпали из хижин на побережье. Лигурийцы, галлы, балеарцы, бруттийцы и карфагеняне длинными колоннами поспешно потянулись на запад, из-под прикрытия прибрежных кряжей на равнины. Стареющий Ганнон вел свою вновь набранную кавалерию. Отряд в 2000 нумидийцев следовал за одним из правителей, верных Сифаксу. 80 слонов брели по дороге.

Груза было немного, поэтому Ганнибал двигался на большой скорости, чтобы перехватить и застать врасплох Сципиона, пока к нему еще не присоединился Масинисса. С ним шло 37 000 человек, которые еще не были спаяны в армию.

По иронии судьбы Ганнибал приближался к стране, которую видел только девятилетним ребенком, в то время как римляне двигались по территории, которая была уже им знакома.

Битва при Заме

Бросим на мгновение взгляд на этих двух соперников, поскольку история не знает другой такой пары людей, находящихся в оппозиции друг другу. Ганнибал — специалист в области стратегии. Наиболее опасен он на выбранном им поле,

где тут же использует все преимущества рельефа. Он умеет, как никто, направить свои лучшие ударные силы на слабый участок в распоряжении противника. Нельзя предвидеть, где это может произойти, если Ганнибал имеет возможность выбирать поле битвы. До сих пор сокрушительный удар обычно исходил со стороны его испанско-африканской конницы, но ее больше нет с ним.

Сципион тоже отличается тщательностью в подготовке, хотя он дерзок в своих действиях. Он опирается на одну тактику, атакуя сходящимися линиями строя своих легионов, которые он с поразительным умением перемещает, когда начинается битва. Он полностью доверяет своим дисциплинированным легионерам, а они ему. Он может иметь, а может и не иметь более сильную конницу, чем у его неприятеля.

Оба, и Ганнибал и Сципион, понимают, в отличие от большинства других полководцев, что война имеет только одну цель — установление подлинного мира.

Южная равнина все еще была зеленой после зимних дождей. Вероятно, Сципион получил первое предупреждение о приближении Ганнибала от карфагенских шпионов. Они были пойманы на территории римского лагеря вблизи деревни Нараггара. Говорят, что после допроса переодетых карфагенян Сципион велел провести их через весь лагерь, чтобы они могли увидеть все, что хотели, или то, что он хотел, чтобы они увидели. Потом, неожиданно, он отпустил их с тем, чтобы они вернулись в карфагенский лагерь, расположенный вблизи деревни Зама.

Узнав, что Ганнибал был замечен на марше, Сципион повел свои колонны на восток. Он шел навстречу своему врагу, пока не переправился через небольшую речушку, еще не пересохшую от летней жары. (Точное место никогда не было названо.) Здесь, к своему удивлению, он встретился с посланцем Ганнибала, который сказал, что Ганнибал хочет договориться с ним лично о перемирии.

Теперь Сципион не знал, где ждет карфагенская армия. Он решил, что, судя по всему, Ганнибал больше не надеялся напасть неожиданно на его колонну, находящуюся на марше, как это было у Тразименского озера. Его римляне тем не менее находились в шести днях марша от своей базы. Нигде не было видно никаких холмов, за которыми можно было бы укрыться. Без поддержки сильной конницы его легионам могло прийтись несладко на равнинах, к которым он их вел.

Пока Сципион размышлял, он заметил захватывающее зрелище. С запада верхом на коне приближался Масинисса,

сверкая новыми знаками отличия, а за ним — туча всадников, занимавшая всю равнину. Их было 6000, а за ними шли 4000 пехотинцев, что уже не имело большого значения. Сципиону с трудом, но удалось соединиться с Масиниссой до того, как произойдет его встреча с Ганнибалом. Теперь у него была более сильная конница, чем у его врага.

Вследствие этого он отпустил посланца карфагенянина, ответив, что встретится с Ганнибалом.

Лагерь можно было безбоязненно оставить под присмотром Лелия и Масиниссы.

Их встреча была описана Полибием, который, спустя два поколения, служил семье Сципиона. Из карфагенского лагеря, который находился в низине с другой стороны долины, выехал верхом Ганнибал в сопровождении конного эскорта. Оставив эскорт позади, он спешился и подошел в сопровождении переводчика. Сципион, со своей стороны, сделал то же самое, тоже взяв переводчика. Хотя оба они свободно говорили по-гречески, а Ганнибал понимал латынь, они воспользовались возможностью иметь время на обдумывание, пока толмачи повторяли их слова, и, кроме того, заручились на всякий случай свидетелями.

Они встретились молча. Ганнибал был старше и выше. Его тронутое морщинами загорелое лицо было закутано головным платком, закрывающим седеющие волосы. Он слегка повернул голову, чтобы видеть здоровым глазом. Сципион стоял с непокрытой головой, держа шлем в руке. Он был сдержанно напряжен. Его красивое лицо ничего не выражало. Кроме креста на шлеме и золотой инкрустации на кирасах, он не носил никаких знаков отличия, и его не сопровождали ликторы.

После долгой паузы Ганнибал заговорил и подождал перевод.

— Вы добились успехов, римский консул. К тому же вам улыбнулась фортуна.

Сципион ждал.

— Неужели вы думали, — продолжал Ганнибал, — что Рим может добиться чего-то путем войны? То есть больше того, что у вас есть в данный момент? Не думали ли вы, что если потерпите поражение здесь, то потеряете свою армию? — Он на мгновение задумался. — Я бы не стал предлагать заключить мир, если бы не считал, что он принесет благо нам обоим.

Сципион подождал. Было очевидно, что Ганнибал слышал об условиях прекращения военных действий. Когда Сципион заговорил, он спросил, с какими условиями Рима не согласен Ганнибал.

Ганнибал ответил, что не согласен с тем, что все острова,

включая самые маленькие, расположенные между Италией и Африкой (такие, как группа Мальтийских островов) и Испанией, должны быть оставлены Карфагеном. Он не упомянул о сдаче боевых кораблей, но он бы не отдал беглых рабов или дезертиров, находящихся в карфагенской армии. (Согласно римским законам, сюда бы вошло большинство его ветеранов из Италии.)

В ответ Сципион объяснил, что не может уступить Карфагену больше того, на что согласилось его правительство, подписав условия в Риме. (Подписанные или нет, это были условия, предложенные Сципионом.)

На этом оба поприветствовали друг друга и расстались. Между ними было невозможно никакое соглашение до тех пор, пока Ганнибал не предложит больше, чем те условия капитуляции, которые были предложены Сципионом. Вместо этого он предложил меньше. От них зависело в равной степени только то, будет ли сделана попытка уничтожить вооруженные силы друг друга.

В ту ночь Сципион, казалось, был в приподнятом настроении. На созванном в последнюю минуту совещании военачальников ему оставалось только предупредить встревоженного Масиниссу относительно миссии нумидийской конницы, которая должна была действовать как единое целое на одном фланге. Само по себе это облегчало задачу Сципиону, потому что все другие всадники были теперь переданы Лелию на противоположном конце римского строя. Сципион задумался о количестве слонов, замеченных в карфагенском лагере. Во всех других отношениях его планы были заранее продуманы. Командиры легионов знали о них. Сципион обратился к военачальникам:

— Скажите людям, что их тяготы скоро кончатся. Послезавтра они получат африканские трофеи. После этого они смогут уехать домой, каждый в свой город.

В карфагенском лагере, как говорят, Ганнибал ходил от отряда к отряду, беседуя с людьми, которых знал по Италии, и с новичками из Карфагена. Он спокойно инструктировал военачальников. Возможно, только Ганнон, ветеран альпийского похода, ясно понимал, что означают эти инструкции. Другие довольствовались тем, что строго подчинялись, доверяя огромному опыту Ганнибала. Он говорил им, что шестнадцать лет его карфагеняне превосходили вооруженных римлян и что не было никаких преград, никаких скрытых препятствий в этой долине Замы, которые они не смогли бы преодолеть.

— Люди там не располагали временем, чтобы возвести защитные стены, и не могли привезти свои боевые механизмы. Разве кто-нибудь видел катапульты среди их серебряных орлов?

Он казался веселым, и это вселяло надежду в его военачальников.

Ганнибал не спал в ту ночь, потому что первый этап его атаки начинался в последние ночные часы. В лагере почти не было воды, поскольку ближайшая река текла по равнине за римскими позициями. Если бы это была его старая «итальянская» армия, Ганнибал мог бы незаметно вывести ее под покровом темноты. Он не мог ни отступать по открытой равнине со своей разношерстной армией, которой противостояли нумидийские силы, ни пытаться удержать эту позицию в отсутствие постоянного снабжения водой. Понадобилось время на то, чтобы заставить двигаться такое количество слонов в такой ранний час, когда на горизонте едва забрезжил свет. Слоны не желали шевелиться в темноте. Со своего наблюдательного пункта на холме Ганнибал наблюдал за их уходом. За ними шли люди Магона, молчаливые лигурийцы и ворчащие галлы, да вдобавок дикие марокканцы и несколько испанцев. Ганнибал снабдил эти более легкие отряды тяжелым вооружением и обучил двигаться так, как они шли сейчас, плечом к плечу. Они были умелыми воинами.

Только связные, находившиеся с Ганнибалом на холме, видели, что происходит в этом полумраке. Его войска Не образовывали обычный длинный боевой строй. Три элемента — войска Магона, карфагенские рекруты и ветераны Ганнибала — продвигались раздельно, тремя волнами. Таким путем три небольшие армии могли действовать раздельно под командованием своих военачальников. А впереди всех шли могучие слоны. Последнее подразделение, свою бруттийскую армию, Ганнибал придержал. Он хотел сам присоединиться к ней и лично командовать ею. Он полагался на этих ветеранов, планировал приберечь их, чтобы использовать позже в битве, когда все другие формации не выдержат. Римляне не смогут заметить их сначала — не в таком призрачном свете раннего утра.

Это была единственная надежда Ганнибала.

Так и случилось, что на поле у Замы произошло три разных сражения вместо одного.

Когда Ганнибал выступил, римская группировка уже двигалась ему навстречу, не спеша, как хорошо отлаженный единый механизм, со знаменами и с многочисленной, идущей шагом конницей по краям. Строй пехоты продвигался в свои обычные три ряда: передний ряд, копьеносцы и поддерживающие их триарии. Но большинство манипул имело необычные открытые проходы между ними — просветы, прикрываемые

только проворными копьеметателями.

Вооруженные массы сошлись в середине поля, где Ганнибал и Сципион вступили в переговоры.

Внезапно одновременно взревели все римские трубы и горны. Это испугало слонов, находящихся впереди карфагенского строя.

И тут стало понятно назначение странных прогалов в центре римских построений. Слоны в своем безумии устремились в них, где и были встречены шквалом метательных снарядов. Огромные животные повернули обратно или бросились вперед, сквозь ряды. Те, что были у краев, стремились свернуть в сторону карфагенской конницы. В считанные минуты слоны оказались неуправляемыми и бесполезными, внеся только сумятицу. В этот момент Сципион послал вперед своих всадников, занимавших фланги.

Карфагенская конница была слишком немногочисленной, чтобы взять под контроль опытные отряды Лелия и Масиниссы. Оба римских фланга вырвались вперед, и вскоре карфагенская конница была разбита, всадники рассыпались по полю, и преследователи и преследуемые исчезли из виду.

Лигурийцы и галлы уже вступили в бой с главным римским строем, «меряясь силами в единоборстве», как и предсказывал Ганнибал. Люди Магона так стойко сражались, что продвижение римлян было остановлено. Триарии устремились в прогалы, исчезнув в движущихся массах, и римляне снова двинулись вперед. Но карфагеняне второй волны не пошли на помощь выдохшимся лигурийцам и галлам. Ганнибал приказал своим формированиям держаться врозь. Когда уцелевшие из первой волны начали отступать, их встретило направленное на них оружие карфагенян. Обезумевшие группы лигурийцев и галлов яростно набросились на карфагенян, которые уничтожили их.

Римский строй двинулся на эту вторую армию Ганнибала, его многочисленных карфагенян. Эти рекруты из самого Карфагена, которыми командовал старый Ганнон, были смяты отступающими людьми Магона. Римский передний строй сокрушил всех его копьеметателей. Легионеры, укрывшись за щитами, обрушили на них удары своих мечей. Их давление усилилось, когда вступили в бой копьеносцы из второго ряда. Карфагеняне отчаянно сражались, сдерживая опытные легионы. Было уже позднее утро, когда карфагеняне отступили, отойдя в стороны. Они оставили поле боя, усеянное ранеными и погибшими.

За мертвыми стоял последний строй Ганнибала, ветераны Италии.

Их темные ряды были нетронутыми, выжидающими. Ганнибал держал обособленно свою великую ударную силу в эти

ранние часы. Теряющие силы легионеры встретились лицом к лицу с ветеранами, которые до этого момента одерживали над ними победу.

Сципион не мог отступать. Звуки труб доносились из конца в конец легионов. Легаты с безрассудной смелостью поскакали к трибунам, и возгласы центурионов перекрывали стоны раненых. Приказы донеслись до людей в строю: отдохнуть, вернуть себе оружие, унести раненых римлян, очистить поле боя, не оставлять знамен. Сципион не спускал глаз с «итальянской» армии, которая находилась на расстоянии трехсот шагов. На обоих флангах этой армии беглецы из имевших место ранее сражений были собраны, чтобы занять места, освобожденные карфагенской конницей. В этой быстрой перегруппировке Сципион почувствовал Ганнибала в действии. Все еще не было никаких признаков того, что римская кавалерия возвращалась на поле брани.

Сципион подождал, пока его легионеры не обрели второе дыхание и свое оружие и не получили воды. Тогда он снова отдал приказ. Три линии легионов перестроились: копьеносцы, которые поддерживали пострадавший передний строй, перешли на один фланг, триарии — на другой. Строй римлян удлинился, выйдя за пределы боевого порядка Ганнибала. После этого он снова двинулся вперед.

Сципион отважно атаковал свежую армию Ганнибала, бросив на нее равные силы своих усталых воинов, стоящих в длинной тонкой линии, которая сходилась на слабых вражеских флангах. Делая это, он испытывал стойкость духа своих людей и находчивость Лелия и Масиниссы.

Так началось последнее сражение. Что могло случиться при встрече бруттийцев Ганнибала с легионами, никогда не станет известно, потому что римская конница вернулась. Подчиняясь приказам Лелия и Масиниссы, она приблизилась со стороны тыла ветеранов Ганнибала. Бруттийцы отважно противостояли на флангах перекрестной атаке римской пехоты. Теперь их задние ряды должны были развернуться, чтобы встретить надвигающуюся с топотом конницу. Они сражались бесшумно, непокоренные. Больше не оставалось никаких надежд. Не осталось карфагенской конницы, которая могла бы справиться с римлянами. Сципион торжествовал победу, не уступающую Каннам.

Окруженные ветераны не смогли уйти от конницы. Они сражались до тех пор, пока большинство из них не погибло.

Когда образовался проход, Ганнибал и несколько всадников умчались прочь. Они не направились в почти опустевший карфагенский лагерь. Там не оставалось никаких значительных

формирований, чтобы защищать их, потому что Ганнибал бросил все свои силы на битву в долине. (Сципион скажет потом, что Ганнибал сделал все, что было в человеческих силах в битве при Заме.)

Ганнибал скакал, не останавливаясь, на восток, в Хадрумет, который находился в 90 милях отсюда. Там ждали транспортные суда с провизией и небольшим гарнизоном. Совершив побег, он спас тем самым свой город от унижения в случае своего захвата. У него не было никаких иллюзий по поводу продолжения войны. В предзакатные часы того дня, когда произошла битва при Заме, он потерял армию, которой командовал шестнадцать лет. Попытка защитить сам город без армии могла только стать причиной осады, которая закончилась бы голодом.

Из Хадрумета Ганнибал отправил предупреждение людям, которые находились в черте города: «Мы проиграли больше чем битву — мы проиграли войну. Соглашайтесь с теми условиями, которые вам предложат».

Пока он ждал, он услышал о том, чем закончилось последнее сопротивление в Африке. Запоздавшие со своей помощью нумидийские всадники с дальнего запада прибыли во главе с сыновьями Сифакса. Они выглядели многочисленными и грозными, но вскоре были разбиты и отброшены ветеранами римской армии. Если бы они подоспели к Ганнибалу перед Замой, исход битвы мог бы стать иным. Сципион хладнокровно нанес свой удар сразу после прибытия Масиниссы, до того как подошли западные африканцы. Своим опустошением долины Баграды он заставил Ганнибала двинуться ему навстречу в тот промежуток времени. А теперь подходили долгожданные конвои из Италии, с новыми легионами и возглавляющими их консулами.

Авторитет Сципиона тем не менее не подвергался никакому сомнению. Он выиграл финальную победу как главнокомандующий, и Рим возлагал на него одного надежду закончить войну. После тщательного обследования укреплений Карфагена со стороны моря Сципион не пожелал осаждать город. Да и разрушать Карфаген он тоже никогда не хотел.

Ганнибал, кажется, прочел мысли Сципиона. Навечно останется неясным, о чем договорились эти двое людей перед Замой. Нам известно только то, что сам Сципион решил предать гласности спустя годы. Безусловно, они оба необыкновенно понимали друг друга.

Ибо Ганнибал в Хадрумете положился на слово Сципиона. Условия Сципиона, во всяком случае, спасут город и позволят его жителям начать новую жизнь, с новым укладом, который

останется карфагенским.

По ходу дела прошлогодние условия мира, предложенные Сципионом, претерпели легкие изменения. Эти изменения были внесены в основном сенатом. Они были следующими:

Сдать все боевые корабли, оставив лишь десять, и всех слонов.

Не вести в будущем никаких военных действий в Африке без согласия римского правительства.

Выплатить в течение пятидесяти лет 10 000 талантов серебра.

Карфаген должен стать другом и союзником Римской республики.

Итак, в конце концов город Карфаген был вынужден принять условия, которые, как клялись Баркиды, они никогда не примут, — стать другом римлян.

Однако по настоянию Сципиона этот великий город сохранял свою автономию. Самим карфагенянам не наносили никакого ущерба, они сохраняли свое правительство, сельские угодья и городские территории, которыми владели до войны. Таким образом, согласно условиям Сципиона, не происходило никакого вмешательства в жизнь гражданского населения. Не было и требования выдачи Ганнибала.

Римляне неукоснительно требовали соблюдения дальнейших условий капитуляции: за те корабли, которые были выброшены на берег возле Карфагена и разграблены, следовало расплатиться сполна. А Масинисса должен был получить в награду царскую власть над всеми нумидийскими землями. Что касается дезертиров, то, как сообщают летописи, в соответствии с римскими законами все сдавшиеся римские граждане были распяты на крестах, все италики убиты.

Историографы говорят, что, когда Публий Корнелий Сципион с триумфом возвратился в Рим на следующий год (201-й до н. э.), он внес в казну 123 000 фунтов серебра. Вдоль всего пути следования его приветствовали толпы людей с ферм. Однако этот его триумф, кажется, был скорее народным, чем официальным. Народные массы на Форуме, видимо, чувствовали, что их эксцентричному полководцу не удалось по-настоящему поставить карфагенян на колени после суровых испытаний войны. Партия Клавдиев в сенате завидовала беспрецедентному успеху Сципиона. Мало кто из его друзей остался в живых. (Из лидеров военного времени уцелел лишь Варрон, забытый герой Канн.) Новых людей возмущало то, что он обманным путем изменил условия мира, предложенные ими. Многие боялись, что поклонение народа может привести его на царский трон. В конце

концов сенат довольствовался тем, что присвоил ему почетный титул princeps senatus (Первый Гражданин) и прозвание Africanus (Африканский).

«Одно безусловно, — как заметил Ливий, — он стал первым полководцем, отмеченным именем покоренной им нации».

Но не последним.

Глава 6
Бегство на Восток

«Вы должны научить меня тому, что принято в этом доме»

Когда Ганнибал приблизился к воротам Карфагена в 202 году до н. э., он вошел почти в незнакомый ему город. Он оставил этот город девятилетним мальчиком, последовав за своим отцом. Возможно, он помнил улицу и сад на вилле Баркидов, а также коридор, который вел к молитвенной нише на террасе, обращенной на восток. Только в этой укромной части жилища он мог побыть теперь наедине с собой. Во всех других местах к нему льнули люди, желая заглянуть ему в лицо, потянуть за рукав и прошептать вопрос, узнать что-то от человека, который так долго был судьбой этого города.

Ганнибал покинул последние вооруженные силы у казарм Хадрумета, где войска гарнизона оставались с отставшими солдатами из Замы и транспортными судами. Оттуда совет отозвал его почти сразу, и он попал в чуждые ему пределы великого города, незатронутого конфликтом. Была ли жива его жена, чтобы встретить его, неизвестно, но его сына не могло быть в живых. Его окружали незнакомые лица родственников и политиков, которые поддерживали дело Баркидов, — они толпились в передней его дома, и иногда ему было труднее понять их отрывистую речь, чем греческий язык утраченной Великой Греции. Когда он, оставив толпу, собрался уйти на свою террасу, ярко окрашенные кирпичные стены вокруг показались ему менее реальными, чем жившие в памяти крыши вокруг Тифаты или освещенные солнцем колонны храма Юноны Лацинии.

Ганнибал снова был вынужден играть двоякую роль. Он стал более молчаливым, взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его. Он был убежден в одном: война осталась за его плечами и за плечами его города. Необходимо было смотреть вперед, думать о том, чего можно было добиться без армии. Однако, хотя западные нумидийцы были разбиты и отброшены в горы, население города смотрело на него как на своего военачальника, способного мобилизовать какие-то скрытые ресурсы, чтобы одержать победу, которая освободит их от условий мирного договора.

Однажды в совете Ганнибал потерял самообладание и

поднялся на трибуну, на которой стоял какой-то молодой аристократ из группировки Ганнона и призывал сограждан вооружиться для защиты своих стен и скорее получить своих боевых слонов и триремы. Ганнибал схватил оратора за руку и стащил с трибуны. Раздались возмущенные крики, и суффет жестом велел Ганнибалу вернуться.

Ганнибал взошел на трибуну.

— Я прошу прощения. Когда я покидал Карфаген, я был девятилетним мальчиком. Сейчас мне больше сорока пяти лет. — Он взял себя в руки и попытался пошутить. — Видите ли, я знаю кое-что о военных лагерях, но незнаком с вашими правилами. Вы должны научить меня тому, что принято в этом доме.

Добившись внимания, он бросил вызов.

— Рим тоже пострадал. Какие условия вы бы хотели поставить ему, если богам было бы угодно распорядиться так? Не слишком много дней прошло с тех пор, как большинство из вас пребывало в страхе перед огромной катастрофой. Какие гарантии вы имели тогда, что город будет сохранен для нас без того, чтобы здесь сидел римский проконсул и управлял вами? Имеющиеся у нас запасы не могут удовлетворить наши потребности. Одумайтесь! Вы знаете все условия. Радуйтесь им и принимайте их. Они уже не могут измениться, разве что к худшему.

Его обращение привело к тому, что совет принял условия мира. Но это добавило ему врагов среди большинства олигархов. Разница точек зрения воина без армии и гражданских властителей города очень скоро стала очевидной.

По прошествии пяти месяцев, то есть в начале 201 года до н. э., взаимный обмен военнопленными был произведен, все расходы на армию Сципиона выплачены, и договор подписан и освящен согласно римской традиции. Последние римские войска вышли в море из Кастра Корнелии и Туниса. Сципион, теперь уже Сципион Африканский, поставил жесткие условия, но досконально выполнил собственную их часть. Он оставил Карфагену власть «в пределах, существовавших во времена моей высадки в Африке». Ганнибал с уважением отнесся к выдержке своего великого противника. Наверное, ему показалось едва ли не чудом, когда хорошо знакомые знамена римских манипул понесли на транспортные суда, отправляющиеся в Сицилию. (Армия потребовалась для карательной экспедиции против Филиппа Македонского.)

Тем не менее подходило время первой выплаты контрибуции — около 16 000 фунтов серебра в слитках. Немного серебра в монетах оставалось в казне, и административный Комитет ста оказался перед необходимостью собрать огромное количество

слитков, в то время когда из Испании стало приходить меньше серебра, а внешняя торговля за морем все еще была в беспорядке. Комитет ста (порой это был Комитет тридцати) вынес решение о налоге на личное состояние, чтобы раздобыть серебро. Это, в свою очередь, вызвало гневный протест и возмущение многих в собравшемся совете.

Налог для выплаты контрибуции попирал традиции. Во время мирных периодов в прошлом правительство Карфагена обычно расплачивалось за счет таможенных сборов и поступлений от торговых монополий. Главные магистраты взимали только символическую плату. (Даже сам Аристотель оценивал это правительство как хорошее, ни разу за всю свою историю не проявившее жестокостей тирании.) Во время военных кризисов Карфаген слишком поздно принимался увеличивать свои вооруженные силы, чтобы укрепить свои позиции в Испании и армию Ганнибала в Италии. Тогда взимали налог на прибыль. Теперь Комитет ста требовал ввести налог на капитал, который неизбежно ударит по самым состоятельным гражданам.

Один из них выступил против этого налога, заявив, что это невыносимые тяготы. Ганнибал рассмеялся.

— Господин Ганнибал, сын Гамилькара, — вскричал оратор, — забавляется, видя наши слезы, в то время как мы страдаем от невзгод по его милости.

Ганнибал поднялся со своего места.

— Я не забавляюсь. Я смеюсь, видя, как вы плачете из-за таких незначительных трудностей. Вы, свидетели гибели вашей армии и флота и конца мощи Карфагена, теперь льете слезы по поводу потери части вашего личного богатства.

Тогда, а может быть позже, он попытался разъяснить свою точку зрения совету. О его речи стало известно только по отдельным фрагментам, дошедшим через вторые руки. Очевидно, этот человек, который всегда был воином, выступил с предостережением. Карфаген, по его мнению, опирался в древние времена на торговлю с другими народами. Таким образом ему удавалось сначала оставаться вне политики. Но оказалось, что невозможно торговать с другими народами, не вступая в отношения с их правительствами. Карфаген не мог заниматься лишь торговлей и более ничем. Он хотел мира как защиты и в то же время ничего не предпринимал для его сохранения.

— Ни одно великое государство не может долго пребывать в состоянии мира, как внешнего, так и внутреннего.

Ганнибал предупредил своих слушателей, что перед Карфагеном стоит задача выживать в окружении других воинственных народов Африки. В свете этой новой задачи

невозможна неприкосновенность личного богатства.

Пропасть между военачальником и торговцами стала еще шире. Слишком долго снабжение сторонников и бесконечная забота об их безопасности были делом Ганнибала, и это постепенно превратилось в одержимость. Фабий был недалек от истины, когда сказал, что Ганнибал должен ежедневно ухитряться добывать пищу на завтрашний день. Теперь Ганнибал испытывал давление аристократического окружения, которое находилось под защитой городских стен, владело роскошными особняками, полными блеска белоснежного алебастра и аромата мирры. Их постаревшие женщины, облачившись в пурпурные парики и надев нити жемчуга, наслаждались песнями и танцами мимов. Они благоухали дорогими благовониями.

Ганнибал провел слишком много времени в лагерях. Более того, он находился в ненормальном положении, будучи, как Сципион в Риме, самым знаменитым гражданином города и не обладая при этом гражданской властью. Он сложил с себя обязанности полководца после ухода римской армии. Он оставался любимцем непостоянного народного собрания, которое не слишком пострадало от налога на богатство. Он выехал из города, чтобы лично осмотреть окраины и дальние земли, от Сирта до Кирты. Завершив поездку, он сделал ошеломляющее предложение совету. Он будет выплачивать ежегодную контрибуцию, не прибегая к помощи налогов на личные состояния. Расходы правительства и выплаты Риму тоже могут производиться за счет обычных поступлений.

Подробности того, каким образом Ганнибал хотел сделать это, неизвестны. Для такого человека, который добился порядка в Испании, где существовал родовой строй, и смог перевести свою армию через Альпы, не составляло труда обновить систему сбора налогов в Карфагене. Он уничтожил существовавшую до этого систему, чтобы покончить с иерархией государственных служащих, к рукам которых прилипали деньги. Выжженные земли были заново засажены; на засушливых почвах были проложены каналы от рек; бывшие воины превратились в земледельцев.

Настал год, когда новая экономика Ганнибала справилась с обычными расходами и заплатила серебряные таланты Риму. Когда некий разгневанный чиновник отказался подчиняться приказам Ганнибала, тот отправил его под конвоем в совет, чтобы продемонстрировать как одну из причин, по которой не сработал старый порядок.

Потом Ганнибал приступил к обновлению правительства, лишив пожизненных привилегий членов Комитета ста, одним из которых был и он сам. Он доказывал, что члены верховной власти

не должны попадать на свои посты благодаря семейным связям и оставаться там пожизненно. Члены совета должны избираться ежегодно, а их переизбрание должно зависеть от их успехов в течение года. При горячей поддержке народного собрания Ганнибал одержал победу в этой битве. Как суффет и фактический диктатор, он вел город к переустройству.

Существовало мнение, что своими действиями Ганнибал пытался возродить военное могущество, которого лишился Карфаген. Но это не более чем обычные подозрения римлян относительно того, что Карфаген тайно вооружается. Не возникло никаких подтверждений тому за все короткие годы власти Ганнибала. Вооруженные отряды шли с караванами, отправляющимися на юг, в глубинные районы. На море десяток трирем нес вахту против пиратов. Не было никаких следов вмешательства Ганнибала в дела взбудораженной Испании, его бывшего доминиона. Никакого наращивания военной мощи не было заметно, судя по его строгой экономии. Вел ли он переговоры с Филиппом Македонским, в то время тщетно пытавшимся оказывать сопротивление вылазкам войск из Италии, вопрос спорный. Есть свидетельства, что Ганнибал и его обновленный Комитет ста пытались установить канал для возрождения торговли с Востоком. Гегемония в западной части Средиземноморья была утрачена. А на Востоке Карфаген мог возобновить коммерцию на огромных рынках Александрии, Родоса и древнего Тира, а также могущественной Антиохии, конечного пункта трансазиатской торговли.

В процессе своей беспощадной реорганизации Ганнибал нажил множество врагов среди карфагенской аристократии. Это была теперь не оппозиция Баркидам, а противодействие диктатору с неустойчивой поддержкой населения. Новые враги Ганнибала послали своих делегатов в сенат на Тибре с правдоподобной историей о том, что, пока они со своей стороны стараются установить подлинную дружбу с Римом, Ганнибал задумал, по своему обыкновению тайно, возобновить свой продолжающийся всю жизнь конфликт с городом, который унизил его. Это была подходящая история. И к тому времени она нашла благодарных слушателей.

В 195 году до н. э. комиссия направилась из сената, чтобы проверить, как обстоят дела в Африке, и предъявить обвинения Ганнибалу.

Ганнибал выдвигается к морю

По иронии судьбы мир 201 года до н. э. застал победоносный Рим основательно запутавшимся в конфликте с Карфагеном, в то время как побежденный Карфаген свободно мог заниматься своими делами. В большой степени этот парадокс был следствием своеобразной борьбы, которую вел Ганнибал.

На западе новой Римской империи испанцы оставались непокорными и бунтующими против военного положения. На севере непредсказуемые галлы продолжали борьбу, отстаивая свои прежние границы, в то время как свирепые лигурийцы свободно скитались, как бандиты. К тому же дух Ганнибала возродился на неспокойных берегах По. Некий раненый карфагенский военачальник по имени Гамилькар был оставлен там Магоном. Теперь этот Гамилькар взял на себя командование войсками сопротивления. Сенат потребовал, чтобы карфагенский совет отозвал своего взбунтовавшегося военачальника, но совет честно ответил, что не в силах сделать этого.

Этот эпизод вызвал еще большее недовольство римских старейшин. Было смутное чувство, что, как это нередко бывает, выиграв войну, они проиграли мир. (Даже во время последних переговоров бородатые карфагенские государственные мужи продолжали утверждать, что Карфаген не несет ответственности за войну. Такие умозрительные рассуждения о том, кто несет ответственность за войну, были непривычными для ума римлян и вызвали их раздражение. По их законам те, кто поднял оружие против римских граждан, были виновными, иначе говоря, военными преступниками. Так что государственные деятели из сената, подписывая мирное соглашение, обнаружили, что это было соглашение только с карфагенянами партии Ганнона, которые теперь утверждали, что конфликт был развязан Ганнибалом.) Потребовалась вся сила убеждения Сципиона и вся его популярность, чтобы сенат одобрил условия мирного договора.

Больше того, когда военнопленные вернулись из Карфагена — многие из них были в ранге сенаторов, — они стали распространять легенды о той роскоши, которую увидели в африканском городе. О занавесях, сотканных из стеклянных нитей; о тончайшей работы серебряных курильницах для благовоний и напоенном дивными ароматами паре в отделениях бань. В том году (200-м до н. э.) сенат потребовал строительства первых общественных бань. Кстати, сенату пришлось иметь дело как с общественными, так и с экономическими беспорядками у себя дома. Поскольку вольноотпущенники наряду с командами кораблей добровольно поступили на службу в армию, почти не осталось тех, кто мог бы собирать урожай зерна на Сардинии или

в Сицилии. Некому было возделывать итальянские поля. Эти нужды могли быть восполнены трудом привезенных рабов, а у патрицианских землевладельцев было сейчас достаточно денег от военных контрактов, чтобы купить рабский труд. Но где можно приобрести крепких работников, кроме как на греческих рынках или набрав их во время новых кампаний?

Довольно нелогично, но характерно, что первым актом сената было начать кампанию возмездия против Филиппа V, который стал союзником Ганнибала после Канн. Двери храма Януса были открыты настежь.

Плану македонской войны отчаянно воспротивились все народные собрания. Уставшие от войны, все хотели только одного — возвращения солдат по домам. Сципион Африканский, по-видимому, отговаривал от новой кампании, поскольку он был народным кумиром тех лет и плебеи не стали бы голосовать против него.

Боевые африканские слоны (присланные Карфагеном в счет мирного договора) прошли торжественным маршем по арене цирка. (Их пока не использовали в играх гладиаторов.) Теперь эти прославленные слоны были отправлены для участия в кампании против македонцев.

Кажущееся бездействие Сципиона на протяжении этих критических лет так никогда и не было в достаточной мере объяснено. Благодаря своей популярности он получил царский титул, хотя сам никогда не стремился к этому. Возможно, он слишком устал за десять лет сражений, чтобы проявлять большой интерес к политическим интригам. Казалось, он смирился с главенством партии Клавдиев и погрузился в греческие книги и беседы, в которых находил такое большое удовольствие в Сиракузах. Кто-то сказал, что африканский лев снова засажен в клетку, откуда его выпускали, чтобы он продемонстрировал свои трюки.

Сципион оставался старшим сенатором и продолжал тратить время попусту, когда 197 год до н. э. принес новость о военной победе при Киноскефалах в Греции над армией Филиппа и о великом восстании в Испании, которую он мечтал сделать Испанией римской. Непомерная испанская гордость заставила самых разных людей восстать против правления римских военачальников. Миролюбивые турдетаны вскоре взбунтовались вместе с воинственными кельтиберами. Когда консул, правивший к северу от Эбро, потребовал сдать все оружие (Сципион взял на вооружение в своих легионах испанские мечи и копья), некоторые из диких северян лишили себя жизни тем оружием, которое не хотели сдавать. Манлий, консул, предостерегал их, говоря, что

восстание нанесет им больше ущерба, чем римские оккупационные войска. «Есть только один путь не допустить этого — сделать так, чтобы вы не смогли больше сопротивляться».

Тень Ганнибала все еще нависала над Испанией, как и над беспокойной рекой По. Теперь лидерам сената казалось непостижимым, что Ганнибал был по мирному договору предоставлен самому себе. Несомненно, он возрождал мощь Карфагена. До каких пределов? Сципион, казалось, рассчитывал на то, что Масинисса будет противовесом вражескому городу, но царь нумидийцев все еще был занят тем, что возводил дворцы на полученных территориях. Следовало принимать во внимание, что обладающий даром убеждения Ганнибал мог вернуть себе доверие Масиниссы, убедить его снова встать во главе грозной нумидийской конницы и вторгнуться в раздираемую борьбой Испанию.

В начале 195 года до н. э. прибыли карфагенские аристократы с жалобой на то, что их деспот, Ганнибал, вел переговоры с поверженными македонцами, чтобы создать новый союз против Рима. Ганнибал, по их словам, использовал общественные источники дохода, чтобы тайно укрепить Карфаген.

Соответственно сенатская комиссия была отправлена в Карфаген, чтобы предъявить Ганнибалу обвинения в заговоре. Это вызвало протест Сципиона Африканского. «Это недостойно Рима, — заявил он, — вмешиваться во внутренние дела Карфагена или принимать сторону тех, кто выступает против Ганнибала».

В установленном порядке комиссия отплыла. Ганнибала в Карфагене они не нашли.

Он был еще в городе в тот день, когда прибыли члены комиссии, которых должны были с соблюдением всех формальностей препроводить в их апартаменты на Бирсе. Его, как обычно, видели в разных местах на улицах, а вечером он вышел из своего особняка, чтобы прогуляться к подземному выходу в городской стене. Здесь он оставил двух своих слуг и оседлал ждавшего его за стенами коня. В последний раз его видели скачущим легким галопом, без всяких вещей и без сопровождения, словно он хотел прогуляться прохладным вечером.

За эту ночь и следующий день Ганнибал проскакал 140 миль до одной из своих вилл на восточном побережье, под Хадруметом. У этой виллы, в крошечной гавани, его ждало быстрое парусное судно, на борту которого находились одежда, некоторые личные

ценные вещи, а также запас золота и серебра. Он тут же вышел в море в спокойные воды залива Малый Сирт, где находился легендарный остров лотофагов. Это не был оживленный морской путь. Когда берег позади него исчез из виду, Ганнибал направился на восток.

Его бегство ошеломило Карфаген, и народ устремился на Бирсу, чтобы потребовать вестей о своем кумире. Членам римской комиссии ничего не оставалось, как заявить, что бегство Ганнибала от них доказывает, что он должен был находиться в предательском сговоре с Филиппом.

По-видимому, Ганнибал никогда не объяснял, почему покинул Карфаген. Он мудро решил не восстанавливать против себя городских вельмож. Очевидно, ему стало известно, что Рим решил предъявить ему обвинения. В прошлом поколении другие римские посланники потребовали от всех братьев рода Баркидов сдаться, а совет отказался отозвать его из Нового Карфагена. Когда бы ни пытались римские власти разыскивать Ганнибала, он оказывался далеко от Карфагена.

На этот раз неудачная случайность едва не сорвала побег.

Когда его корабль подошел в первую ночь к небольшому порту Керкине, Ганнибал обнаружил там множество торговых судов. Это были финикийцы из Тира, которые узнали его и радостно приветствовали. Ганнибал в том же духе ответил, что отбывает с миссией в Тир. Потом, в честь такой встречи, пригласил капитанов судов и купцов поужинать с ним на берегу. В разгар лета на песчаном берегу было жарко, и Ганнибал предложил финикийским гостям принести со своих судов на пляж навесы. Лучше всего для этой цели воспользоваться парусами, заметил он, закрепив их на перекладинах. В то же время он доставил прохладные соблазнительные кувшины с вином со своего корабля, стоявшего на якоре у берега. На кувшинах стояло клеймо лучших греческих виноделов.

Пиршество, так прекрасно подготовленное Ганнибалом, продолжалось в течение всего прохладного вечера и дальше. Умелые тирские мореплаватели пили всю освежающую звездную ночь.

Они проснулись, когда солнце уже было высоко. Судна хозяина их праздника не было на месте. Капитанам потребовалось какое-то время, чтобы поставить паруса, и еще больше времени на то, чтобы обогнуть мыс Священной горы и дойти до гавани Карфагена. К этому моменту Ганнибал был уже далеко на востоке.

Он высадился в Тире.

Как только его корабль миновал холмы Крита, Ганнибал оказался под мягкими солнечными лучами на море, усеянном дремлющими островами. В синеве прозрачных вод отражалось небо. Подверженная штормам Сицилия и обдуваемая ветрами Испания находились, казалось, совсем на другом море. Другими были и люди, населявшие эти места. Здесь, на Востоке, города были такими же вечными, как само время. Тир на крошечном островке встретил их своими многоквартирными домами, от которых пахло свежей краской, как от холста художника. Его жителей, ставших торговцами, перестала интересовать политика, за исключением тех случаев, когда дело касалось обмена денег.

Они встретили Ганнибала с невероятным почтением. Его имя стало легендарным в восточной части Средиземноморья. Побыв здесь немного, Ганнибал переправился на побережье. Это был родной дом финикийцев, Ханаан, земля обетованная, страна бога Иолая. Дальше на восток находились Красные Земли народной памяти. Странно, но в качестве изгнанника Ганнибал прибыл на родину, и повсюду его встречали с радостью. Отказавшись от эффектной колесницы, он оседлал коня, чтобы, минуя темные холмы Ливана, добраться до верховьев Оронта и ворот Антиохии.

При его появлении люди высыпали на улицы, приветствуя его, как дар, ниспосланный богами. Сын царя коснулся земли перед ним, и музыканты, играя на флейтах, препроводили его в отведенный ему дворец.

Это было царство Антиоха Великого, могущественнейшего из монархов на востоке эллинистического мира.

Теперь очевидно, что этот мир приходил в упадок, но тот период оставил о себе такую яркую память, что остается одним из самых значительных в истории.

Александр Македонский был инициатором соединения греческой культуры с древней мудростью Передней Азии. Спустя более столетия после его смерти его наполовину созданная империя развалилась в политическом смысле, но уцелела в общественном и достигла огромного прогресса в науках и создании благоприятных условий для жизни. Архимед умер. В александрийском Музее слепой Эратосфен решил окончить свою долгую жизнь, отказываясь принимать пищу. Эратосфен, этот гигант пяти умов, как его называли, измерил дугу меридиана и написал книгу о своем восприятии комедий Аристофана. Многие прочтут Аристофана после него, но никто на протяжении восемнадцати веков не сможет рассчитать с такой точностью дугу меридиана. Аполлоний, ставший его преемником на посту

заведующего Александрийской библиотекой, станет выдающимся критиком и подражателем, положив начало эпохе непритязательных книг для непритязательных умов. И эта эра позднего расцвета будет названа в честь величайшей библиотеки, запечатлевшей мудрость веков, Александрийской.

В политическом смысле империя Александра Великого существовала как три царства, одно с центром в Египте, второе в Сирии — Персии и дальше на Восток, третье в самой Македонии (с зыбким господством над прославленными греческими городами). Они были во многом похожи друг на друга — своей связанной с морем экономикой, урбанизацией и растущим богатством. Все говорили на греческом языке, преуспевали в расширении зоны торговли за морем, кроме, пожалуй, Македонии, и обеспечили высокий жизненный уровень высших слоев общества. Они вели незначительные боевые действия из-за своих неустойчивых границ, в основном с соседней Палестиной, а также вдоль пролива Дарданеллы и с враждебными греческими городами. Эти боевые действия обычно заключались в осаде, маршах и контрмаршах. Они нисколько не напоминали тотальный конфликт между Римом и Карфагеном. И Ганнибал сразу уловил разницу. В дополнение к трем большим царствам такие острова, как Родос, содержали свои независимые флотилии. Городские центры, как, например, Пергам, обладали силой и властью, в то время как жители гор — кельты, называемые галатами, или вифины в Малой Азии — оберегали свою изоляцию.

Из трех эллинистических царств Египет на Африканском побережье казался естественным союзником Карфагена, и Ганнибал мог бы направиться в Александрию, если бы не одно обстоятельство. Египет, находившийся тогда под властью Птолемея V, в это время отступал от моря и от палестинской границы. Поступая так, он избегал напора римлян. Его прежний союзник, Филипп, вынужден был удалиться от дел после поражения у Киноскефалы. Филипп вечно действовал в соответствии с желанием, не взвешивая реальных возможностей.

Оставался еще Антиох III из Сирии — Персии. Менее чем за десять лет до того этот молодой царь из Антиохии возвратился из похода через Азию в столь отдаленные места, как горный хребет в Индии, куда он шел по стопам Александра Великого, с которым надеялся сравняться. Антиох привел с собой настоящий отряд боевых слонов, быстрых парфянских коней и бесчисленное множество всадников. Со своими несметными сокровищами Антиох имел такие ресурсы, о которых Ганнибал мог только мечтать. Больше того, благодаря его движению по торговым

путям начался приток шелка и предметов роскоши из Азии в порт Селевкию, который находился неподалеку от Антиохии и в стороне от Александрии. Заполучив роскошный Восток, Антиох обратил теперь свой взор на Дарданеллы за Малой Азией и на Грецию за Дарданеллами. Он смотрел на них как на невоссоединенные территории, поскольку они составляли часть владений Александра, а он сам был его подлинным преемником. И именно туда вторглись римские легионы.

В этот самый момент появился Ганнибал, готовый служить Антиоху в борьбе против римлян. Они поддерживали друг с другом письменную связь. (Подозрение об их переписке побудило римский сенат срочно направить своих уполномоченных в Карфаген.) Великий полководец и импульсивный монарх встретились в то лето в залитых солнцем садах Эфеса, у северной границы Антиохии, где стояли в гавани боевые галеры. Эта встреча должна была показаться Ганнибалу исполнением мечты. Однако ему необходимо было скорее узнать, какая сила стояла в реальности за этой мечтой о мощи.

Меньше всего его враги хотели бы, чтобы он появился в этом месте земли.

В конце «войны Ганнибала» одна римская делегация привезла очень странное предсказание почитаемого оракула в Дельфах. Дельфийский оракул предсказал, что Рим добьется победы в конечном итоге благодаря азиатскому или восточному царю. Речь могла идти о некоем Аттале, который был царем Пергама и другом Римской республики. Но существовала и возможность того, что хорошо информированные жрецы Дельф предвидели распространение римского могущества на Восток.

Это произошло почти немедленно после битвы при Заме. По правде говоря, взоры властителей из города на Тибре были обращены на запад, они не проявляли видимого интереса к государствам эллинистического мира. Но существовала потребность в дешевом рабском труде, потребность в расширении торговли, которая до сих пор была монополией финикийцев, страстное желание уставших людей получить доступ к сокровищам Востока, шелкам и жемчугу и арабским благовониям — и общее понимание того, что Римское государство теряло преимущества, полученные в последней войне, во время последовавшего за ней мира. Поэтому перемирие 201 года до н. э. открыло шлюз движению в сторону Греции. Филипп служил удобным *casus belli*, то есть поводом к войне, а теперь на горизонте открыто появился Антиох.

Какая размолвка произошла с монархом Передней Азии,

осталось неясным. Родос, так же как Пергам, жаловался на то, что присутствие этого монарха в Малой Азии означает, что он будет использовать Грецию в качестве базы для вторжения в Италию. Но они выдвигали то же обвинение и против Филиппа. Это было притянутое за уши предупреждение, однако самое удобное.

То, что сенат мог воспользоваться этим, можно было объяснить проницательностью его командующего в Греции, победителя при Киноскефалах. Квинт Фламиний скопировал линию поведения Сципиона Африканского, но без определенности его цели. Разбив военные силы Филиппа, он отказался унизить Македонию своим вторжением. Потом в знаменитой и очень ясной речи, произнесенной на Истмийских играх, Фламиний сделал заявление о полной независимости всех греческих городов. Это устное заявление, видимо, не произвело впечатления на его эллинских слушателей, но Фламиний продолжал делать неожиданные вещи, выведя все римские гарнизоны с греческой земли. (Они были нужны в тот год для того, чтобы начать борьбу с инсубрами на берегах По.) Полные радости эллины вознаградили его тем, что отпустили всех греческих рабов, которые были ранее римскими воинами, взятыми в плен Ганнибалом. Выводя свои войска, Фламиний оставил на всякий случай часть македонцев в противовес непостоянным грекам, в то время как на греческой земле оставался вакуум, ждущий первого, кто придет с силой. По всем признакам им должен был стать Антиох Великий.

Это была дипломатическая хитрость, которая едва не сорвалась, что больше всего ввело греков в заблуждение. Они были опьянены своей независимостью под покровительством величайшей военной мощи Рима. Достаточно странно, однако первыми, кто пригласил Антиоха, были этолийцы, самые ранние союзники далекой республики, покинутые Римом. Они мечтали об «эллинской свободе» на собственный манер.

Преимущество ловушки, расставленной Фламинием и сенатом (когда они раньше других заняли участок на реке По), заключалось в ее неприметности. Никакой реальной границы с Грецией не существовало. Порты на древнем Ионическом побережье Азии были в равной степени эллинскими, как Афины. В Эфесе, в котором Антиох собирал свои войска, находился храм греческой богини Артемиды. Совершенно открыто все римские вооруженные силы ушли. Предположим, Антиох занял эту добровольно освобожденную зону, — как он может заявлять, что собирается освободить греков, если они открыто провозглашены друзьями Рима?

Ганнибалу было достаточно одного здорового глаза, чтобы

разглядеть эту ловушку. Он уже наблюдал подобное в Испании, когда легионы пришли на помощь жителям Сагунта, объявленным союзниками Рима. Эти легионы все еще находятся там.

И, как и в Испании, он полагался на три средства защиты против наступления римлян: союз, на этот раз с эллинскими государствами; флот, чтобы удерживать морские пути; поход против самой Италии. Этот план мог быть осуществлен двадцать четыре года назад, и Рим уже пал бы, если бы не неудача карфагенского флота. И теперь, на другом конце Средиземноморья, это надо было сделать или скоро, или никогда. Значит, Антиох должен ударить со всем своим умом и силой, пока галлы на берегах По были вооружены, испанцы оставались непокоренными за Эбро, а Карфаген не тронут.

Ганнибал вызвался возглавить поход за море. Он просил 100 палубных судов, 10 000 вооруженных людей и 1000 лошадей. Он поведет этот флот в Карфаген, а оттуда совершит диверсию в Италию, пока Антиох создает эллинский союз на Востоке.

Ганнибал слушает философа

Антиох был лет на десять моложе своего великого полководца. Очень умный и решительный, он был на удивление удачливым, даже слишком удачливым. Наместники провинций на его восточных землях преклонялись перед ним, как перед богом. Кроме того, в то время его совершенно вывела из себя напористость римлян, Его представители у нечетких границ Дарданелл встретили лишь утомительное неприятие со стороны представителей западной республики, которым только и нужно было, кажется, вернуться назад, чтобы донести каждое слово до их сената и Фламиния. Постепенно стало очевидно, что Рим не претендует на часть Македонии, лежащую за проливами. Рим, наоборот, объявлял себя защитником и покровителем нынешней Македонии (Македонии Филиппа). А еще Рим ставил под вопрос присутствие Антиоха в греческих городах Малой Азии, особенно то, что он взял в кольцо Пергам, город-союзник сената и Римской республики. В конце концов римские представители спокойно предъявили ультиматум: Антиох не должен ступать на землю Европы. Доведенный до белого каления сирийский царь поспешил сделать это немедленно. Разве он не преемник Александра, который родом с тех же самых холмов Европы?

Антиох понял значение плана Ганнибала и оценил то, что из него вытекает: большая война с Римом, которой он не жаждал и к

которой не был готов.

— Ты никогда не задумывался, — спросил Ганнибал, — что значит объявить себя врагом Рима?

Сирийский монарх только улыбнулся. Миллионы людей служили ему, от Инда до развалин древней Трои. Он не боялся вторжения варваров с западного моря. При всех условиях они не могли добраться до его владений в Азии. Он хотел только того, на что мог претендовать по праву — господства на восточных берегах Греции. Будучи греком, Антиох мог понять разумные доводы, но не совсем ясно представлял, что делать.

Он одобрил поход Ганнибала, но медлил с подготовкой к нему. Что касается его флота, то он достаточно успешно действовал под руководством способного командующего Поликсенида, в то время как римские морские силы были расформированы после заключения мира с Карфагеном. Хотя Родос располагал сильным боевым флотом и оставался враждебным, опасности со стороны моря, казалось, не было. Только с третьей попытки, создав альянс, хозяин Антиохии поступил правильно. Он выдал дочь Клеопатру замуж за египетского царя Птолемея. В Малой Азии были привлечены в качестве союзников грубые галаты, обитающие в горах каппадокийцы и вифины. В Греции его ждали, готовые присоединиться, дерзкие этолийцы.

Ганнибал почувствовал нечто знакомое в этом туманном уравнивании. Более примитивные народы сплачивались с ними, в то время как аристократия городов, обработанная римскими посланцами, оставалась враждебной. В пирах и приготовлениях в Эфесе проходили месяцы, и Ганнибал не скрывал свой гнев из-за промедления.

У него была одна непреодолимая слабость. Он должен был работать один, сосредоточившись на своей задаче, делясь своими соображениями только с теми, кто его понимал. Гасдрубал и Магон часами сидели с ним рядом, обдумывая бесчисленные детали плана. Только Карталон и Ганнон были посвящены в его мысли в Италии. Что касается людей в армии, они с уважением относились к его затворничеству, поскольку оно приносило такие результаты. Ганнибал располагал к себе людей, как до него был способен делать лишь Александр. Но он не мог играть роль общительного лидера магнатов. Ему не удалось сделать это в Капуе, да и в самом Карфагене тоже.

В Эфесе дело было не только в том, что он был единственным семитом среди греков. Он не выходил из своих покоев, выпивая не больше одного бокала вина, как правило один, в то время как придворные толпились вокруг Мениппа, главного советника

Антиоха. Менипп настаивал на том, чтобы самые сильные люди Греции, во главе со спартанцами, поскорее присоединились к Антиоху Великому, если он покажется на их берегах.

Ганнибал слишком часто не мог сдержать себя. Однажды, когда проходил парад всадников из городов на побережье Ионического моря, Антиох, который обожал парады, спросил, не достаточно ли этого для римлян.

— Достаточно для болтовни, — ответил Ганнибал.

Среди множества придворных философов некий Формион хвастался тем, что увлекается книгами по древнему военному искусству. Формион мог наизусть процитировать что-то из «Анабасиса» Ксенофонта или даже из Гомера. После одной из прочитанных им лекций о секретах и науке ведения военных действий слушатели обратились к Ганнибалу, который не проронил ни слова на протяжении всего разговора, чтобы узнать его мнение.

— Многих дураков мне доводилось слышать, — сказал Карфагенянин, — но такого — еще никогда.

Ему бы нужно было польстить Антиоху и отнестись с юмором к несшему чепуху Формиону. Но он не мог сделать этого. Он с трудом сдерживал негодование, когда все откладывалось из месяца в месяц. Однако могущественный монарх-селевкид не был бездельником. Потребовалось много месяцев, чтобы новые отряды всадников добрались сюда с караванных путей, чтобы построить в Тарсе и Тире новые боевые корабли, такие, как у римлян, укрепить переправу через Геллеспонт (Дарданеллы) у города Абидос и свести в высшей степени разобщенные государства Восточного Средиземноморья в некое взаимозащищенное объединение. Тем временем пришло приятное известие: его очень талантливый командующий флотом Поликсенид наказал неприятельский флот Родоса, в то время как римские армии и флоты бездействовали.

Со своей стороны Ганнибал отнесся с глубоким недоверием к проявленному римлянами бездействию. Тирские купцы, доставившие оливковое масло с Сицилии, рассказали ему, что из Тарента и Кротона (новые морские союзники Рима) для укрепления флота, охраняющего Сицилию (где Ганнибал надеялся совершить диверсию), прибывают новые галеры, а на побережье вокруг Мессины формируются новые легионы. Враг, который, как казалось, бездействовал, уже препятствовал каждому движению Ганнибала в направлении его бывшего театра военных действий в Великой Греции. Тирский купец, отправленный в Карфаген, чтобы прозондировать возможность оказания им поддержки Ганнибалу, был схвачен и передан

римским уполномоченным, которые не смогли выведать у него секрет, но удерживали для дальнейшего допроса.

Под завесой бездействия собирались неприятельские силы. С каждым месяцем они отбирали все больше оружия у испанцев и сокращали количество галлов, способных носить оружие. Ганнибал расстался с мыслью о своем походе в Италию. Однако еще оставалось время на то, чтобы захватить бразды правления на Востоке, в водах Эгейского моря, у жизненно важного побережья Ионии.

На острове Делос в Эгейском море появился Сципион Африканский, якобы совершавший путешествие. Ганнибал предупредил Антиоха, исходя из своего собственного горького опыта, что было бы бесполезно вводить какую бы то ни было армию в Грецию до тех пор, пока его флот удерживал господство в водах Греции.

— Там было замечено не больше двух галер, — возразил Антиох. — Как я могу убрать флот, если его не существует?

Его немного раздражало, что Ганнибал его поторапливал. Кроме того, в Эфес прибыли римские посланники, чтобы вести переговоры даже в эту последнюю минуту. Один из них в отсутствие Антиоха часто наведывался в покои Ганнибала. Публий Виллий, казалось, не испытывал никакой враждебности к этому карфагенянину. Он так и сказал Ганнибалу. Но пронесся слух, что Ганнибал, который избегал придворных Антиоха, мило беседует с римским представителем. (То, что Виллий обменялся посланиями с Эвменом, властителем Пергама, осталось незамеченным.) Пока этот самый посланец Рима дожидался аудиенции у Антиоха, он создавал впечатление, что его правительство желает полной независимости великих городов на побережье Ионийского моря, особенно исторического Родоса, прогрессивного Пергама и самого Эфеса. В дипломатических выражениях он выразил свое удивление, что жителям Эфеса приходилось работать на верфях и в арсеналах, чтобы наращивать вооружение. Против кого? Даже Ганнибал, по словам Виллия, понимал абсурдность этого.

Самому же Антиоху тем не менее Виллий передал ни много ни мало как ультиматум Рима — не вводить на территорию Греции никаких вооруженных сил. Раздраженно закончив разговор с римскими посланцами, Антиох призвал к себе своих советников. Ганнибала, однако, на этот важный совет не пригласили. Слух о его переговорах с Виллием дошел до ушей сирийского царя. Менипп, помощник, заявил, что карфагенянину вряд ли стоит доверять командование армией, что сам Антиох должен вести войско к победе.

На самом деле совет был настроен довольно единодушно (уловив настроение своего господина) насчет того, что должен был делать Антиох. Антиох должен, как того хотели боги, сесть на корабль и расправить знамена на ветру, чтобы «заполнить всю Грецию вооруженными людьми и лошадьми и выставить вдоль всего побережья свои корабли».

Царь согласился с тем, что это нужно сделать после того, как он принесет жертву на алтарь разрушенной Трои. Когда он вышел с заседания совета, он увидел, что его ждет Ганнибал, стоя один в коридоре. Никто не хотел попасться на глаза в его обществе в этот момент.

Катастрофа у Фермопил

Ганнибал спросил, к какому решению пришел совет, и, услышав ответ, сказал:

— Тогда ты дашь римлянам повод для войны.

Антиох с этим согласился, а Ганнибал посмотрел на него и немного помолчал.

— Почему ты не доверяешь мне? — внезапно спросил он.

Антиох ответил, что он слишком много общается с римлянами.

— До тебя дошли сплетни, — сказал карфагенянин. — Но есть одна история, которую даже Антиох не слышал. Когда я был девятилетним мальчиком, мой отец Гамилькар взял меня с собой на жертвоприношение к алтарю Мелькарта. Он взял меня за одну руку, подвел к алтарю и положил другую мою руку на жертвенного ягненка. Он велел мне поклясться, что я никогда не стану другом римлян, и я выполнил это. Сейчас я бежал из своего дома и нахожусь при твоем дворе. Я пришел, потому что здесь есть сила и оружие, чтобы противостоять римлянам. Если твои придворные отрицают это, скажи мне. Я говорю в память о своем отце, что я — первый среди твоих друзей.

Антиох поверил ему и сделал своим советником во время похода в Грецию. Конвой судов из Азии пересек Эгейское море и пришел в дружественный порт Деметриаду прямо перед осенними штормами 192 года до н. э. Флот был достаточно сильным, но экспедиция насчитывала не более 10 000 человек, в том числе 500 всадников и 6 слонов. А в Греции Фламиний, как посланник римского сената, уже сдерживал Филиппа Македонского. Сопротивление спартанцев, которые подняли мятеж, услышав новость о приходе Антиоха, было подавлено. Только этолийцы, 4000 вооруженных людей, влились в его лагерь.

Его силы, таким образом, были достаточно значительными, чтобы спровоцировать войну, но недостаточными, чтобы вести ее.

В Италии римские отряды сожгли последний город лигурийцев и заставили сдаться бойев. В Испании они подавили мятеж на дальнем западе, у реки Тахо. Когда закончились зимние штормы, они получили возможность возвратить одну армию, чтобы высадить ее, не встретив сопротивления, на западном побережье Греции.

Ганнибал выбрал узкий проход для защиты от более сильных римских отрядов. Проход этот пролегал между болотами, простирающимися до побережья, и ущельем. Место носило название Фермопилы («Теплые ворота»). Сирийские греки соорудили укрепления вдоль прохода, в то время как этолийцы охраняли тропы на холмах.

Подошедшая опытная римская армия провела лишь краткую рекогносцировку этого прохода. Часть легионов стала готовиться к атаке, остальные заняли холмы, чтобы усилить линию обороны. В течение нескольких часов все было завершено. Римская кавалерия преследовала разгромленных сирийцев, не давая им возможности снова образовать строй. Рыжий Катон, выполнявший во время этой кампании функцию легата, с обычной иронией заметил после того, как все кончилось: «Царь Антиох не смог удержать даже Фермопилы».

Антиох в сопровождении 500 своих сторонников добрался верхом до своих кораблей и немедленно уплыл в Эфес.

События при Фермопилах вызвали легкое волнение в Риме, где один из консулов, Назика, праздновал свою победу над бойями. Он провел строем множество пленных с их лошадьми и колесницами и клялся, что более половины из 50 000 бойев убиты, что в качестве трофеев взято 1471 ожерелье вождей, 247 фунтов чистого золота, 2340 фунтов серебра, обработанного и необработанного, а также 234 000 монет, и среди них ни единой медной.

Буквально следом за этим триумфальным парадом город торжественно встретил Фульвия Благородного, претора в Испании. В составе его процессии двигались повозки, которые везли 130 000 серебряных монет, 12 000 фунтов серебра и 127 фунтов золота.

После этого основные армии и флот были готовы двинуться на восток, против Антиоха. Сципион Африканский принимал участие в этом походе в качестве руководителя всей операции. Удивительно, но своим назначением на эту должность он был обязан Ганнибалу. Рим снова боялся Ганнибала, потому что тот был с Антиохом, и призвал победителя битвы при Заме на

передовую.

В Эфесе Антиох пытался забыть несчастливую зиму в Греции и невзгоды, выпавшие на долю этолийцев, которые присоединились к нему там. В своих огромных владениях, в хорошо знакомых садах он чувствовал себя в безопасности. К тому же его советники утверждали, что море преграждает путь его врагам. Просто невероятно, говорили они, чтобы римлянам удалось перебросить такую огромную армию морем.

Ганнибал находился рядом с Антиохом во время этого разговора, поскольку после Фермопил царь понял правоту этого молчаливого карфагенянина. И Ганнибал выразил свое несогласие с советниками.

— Я просто удивлен, — сказал он, — что римлян до сих пор нет в Азии.

Он не считал море препятствием.

— Путь с греческого побережья в Азию короче, чем из Италии в Грецию.

И относительно мотива для появления римлян:

— Антиох владеет большим, чем владели этолийцы.

Ганнибал располагал сведениями, полученными из собственных источников.

— Их флот уже давно собирается у Малеи. Новые суда и новый командующий прибыли туда.

Когда Антиох, взволнованный этим предупреждением, спросил, не следует ли ему начать мирные переговоры, Ганнибал ответил, что сейчас это бесполезно. Существует лишь один путь сохранить царство Антиоха, и этот путь — разбить римлян на море. На этот раз сирийский царь принял совет от человека, который разбирался лучше кого бы то ни было в том, как римляне ведут войну. Приказав всем своим верфям приступить к строительству более тяжелых и высоких галер, он поспешил на север, чтобы укрепить Азиатское побережье возле Геллеспонта. Ганнибал отправился на юг, чтобы поднять тирский флот.

В течение нескольких месяцев надежда на успех на море померкла. Потому что римские боевые корабли появились у берегов, а к ним присоединились корабли Родоса и Пергама. Они отогнали более легкие триремы отважного Поликсенида — сам он был изгнанником с Родоса — и преградили путь к Эфесу и ему, и основным силам сирийского флота. Еще ужаснее было то, что Сципион Африканский вел свои легионы по суше из Греции к Дарданеллам. Там водная преграда была узкой, хоть и требовались транспортные и сторожевые суда, чтобы переправить оккупационную армию в Азию.

В Тире Ганнибал решил, что больше ждать не может.

Оставалась последняя возможность — взять суда из Тира и Тарса и повести их на север, в Эфес, чтобы вместе с уцелевшими кораблями Поликсенида преодолеть римскую блокаду. Если удастся уничтожить римский боевой флот, тогда сирийцам, может быть, повезет достичь пролива раньше Сципиона Африканского. Если до пролива дойдут хотя бы две сирийские галеры, легионы не смогут переправиться через него. Шанс, что так произойдет, был невелик, и Ганнибал должен был понимать это.

По иронии судьбы величайший из солдат отправился в свой последний бой на корабле.

Схватка на море

Отправившись на север в ясный день, Ганнибал держался ближе к берегу с его нечеткой линией, островами и мысами. Его лоцманами были искусные мореплаватели из Тира, но флот состоял из новых огромных галер с высокими палубами и тяжелыми скамьями для гребцов. Целая флотилия беспалубных судов, плывущая следом, как стая мелких рыбешек, мало что могла сделать, кроме как брать на борт спасающихся людей. Миновав безлесные холмы Родоса, флот вошел во враждебные воды и приготовился к действию, опустив мачты и убрав большие паруса. Гребцы неспешно опускали весла на воду (чтобы меньше уставать), и галеры ползли вперед. Они медленно образовали боевой строй, встав борт к борту. Таким образом, правый конец линии огромных галер оказался на прибрежном мелководье, а левый, с более маневренными судами, — в открытом море. Командование здесь взял на себя Ганнибал, в то время как Аполлоний, сирийский придворный, командовал кораблями на правом фланге.

Они поступили мудро, приведя все в готовность. Когда они окружили вытянутый мыс, то увидели приближающийся к ним флот. Подняв паруса и работая веслами, изящные триремы с острова Родос шли, выстроившись в линию, в фарватере флагманского корабля. Легкий бриз вызывал рябь на гладкой поверхности моря.

Стоя на верхней палубе в кормовой части корабля среди загорелых людей, крепко держащих рулевые весла, Ганнибал наблюдал за встречей флотов, не в состоянии оценить происходящее. Загорелые аристократы из Тира сказали ему, что опасные галеры с Родоса застигнуты врасплох с поднятыми парусами. Преимущество было на стороне Ганнибала. Молоток

опустился на сверкающую медную дощечку рядом с ним. Его звонкие удары раздавались все чаще, послышались крики. В то время как вооруженные люди схватили щиты и бросились к ограждениям, гребцы активнее заработали веслами. Галера поплыла быстрее. Крик подхватили на всех судах, и он превратился в рев.

Это было так странно, что Ганнибал напрягся в ожидании. Между ним и берегом около сотни больших судов потянулись навстречу друг другу. Он оценил положение взглядом и понял, что линия его судов, которая двигалась с каждой минутой все быстрее, охватит родосские галеры с фланга. Вымпелы взметнулись, когда неприятельское флагманское судно развернулось в сторону моря, чтобы выиграть больше пространства. Его мачта наклонилась, а весла заработали быстрее. За ним в сторону моря последовали и другие суда. Жители Родоса были искусными мореплавателями. Их триремы словно летели перед носами тяжелых тирских судов. Со всей своей быстротой они не смогли образовать боевой строй перед тем, как их флагман врезался в гребную скамью сирийской галеры. Их последние в ряду суда все еще были сбиты в кучу у берега. Ганнибал выиграл первый ход этой странной морской битвы. И очень скоро родосский флагман поднял на корме черный вымпел — сигнал бедствия.

Спустя два часа большой корабль Ганнибала оставался невредимым. Гребцы медленно работали веслами, продвигая судно. Но картина изменилась. Искусно управляемые родосские галеры ворвались в проходы между более тяжелыми сирийскими пентеконторами и, сняв весельные скамьи, развернулись, чтобы таранить дрейфующих гигантов. Эти гиганты были построены для того, чтобы, встретив римские суда, набитые легионерами, взять их на абордаж и завязать рукопашную. Но в этой битве у мыса не участвовало ни единого римского судна. Родосские триремы сражались так, как когда-то давно сражался карфагенский флот. Их «клювы» били и крушили корабли Ганнибала.

У побережья отступал Аполлоний, пытаясь уйти со своими израненными кораблями. Со стороны берега подходил родосский отряд, чтобы окружить строй Ганнибала. Стоявшие рядом с Ганнибалом тирские капитаны опустили головы и развели руками.

— Надо уходить, — сказали они ему. — Господин Ганнибал, мы ничего не сможем больше сделать.

Когда он дал согласие, двое рулевых побежали к флажному сигналу. Они вытащили длинный красный вымпел и, потянув за фал, подняли его, трепещущий на ветру.

Тирцы на быстроходных беспалубных судах подошли, подняв паруса, чтобы взять изуродованные галеры на буксир. Они двинулись к берегу, куда за ними не могли последовать родоссцы. На закате враг ушел.

Ганнибал сохранил все свои корабли, кроме одного, но не смог дойти до места блокады у Эфеса.

Много месяцев спустя Поликсенид сделал последнюю попытку прорвать блокаду у Эфеса и был разгромлен. Находившийся в Абидосе Антиох узнал о разгроме своего флота и отказался от защиты Дарданелл. Было бессмысленно ждать здесь, в крепости, Сципиона Африканского, чтобы не пустить его, когда победоносные римские суда могли перевезти его в любую точку Азиатского побережья. Так что Сципион Африканский переправился благополучно и легко, собираясь щедро угостить своих усталых легионеров за счет запасов, оставленных сирийцами.

Впервые римская армия вторглась в Азию. Она неспешно направилась к югу, минуя развалины Трои. Сципион вел себя в это время довольно странно.

Триумф и падение Сципиона Африканского

Жизнь Сципиона, хотя он и был противником Ганнибала, очень напоминала в конце его жизнь. Будучи оба знатоками военного искусства, они, кажется, не любили триумфальных шествий и не стремились извлечь из них личную выгоду. От той амбициозности, которая была присуща Публию Сципиону в годы его юности, теперь не осталось и следа. Сохранилось лишь его стремление к идеалу, который он так никогда и не отважился найти.

Он, видимо, верил, что, придя на Восток, римляне должны использовать свое оружие только для зашиты греческой культуры — что они должны скорее контролировать, нежели мародерствовать.

Перейдя Геллеспонт (Дарданеллы), он осторожно старался добиться, чтобы царь Вифинии Пруссий придерживался нейтралитета. Возможно, поход через древнюю Ионию оказал свое влияние на воина, преданно относившегося к эллинской литературе. Конечно, здесь, как и в Африке, эксцентричный Сципион, обдумав все происшедшие события, пришел к определенному выводу. И вывод, к которому он пришел, заключался в том, что назначение Рима как великого города — быть защитником более слабых эллинских государств, а не их

покорителем.

На его поведение, возможно, повлиял великодушный — и политичный — жест Антиоха, возвратившего ему без всякого выкупа сына, который был захвачен в плен в морском сражении. Однако такое личное одолжение вряд ли могло помешать Сципиону выполнять миссию полководца в войне за Рим. Правда, официально он находился здесь в качестве советника своего брата, консула Луция. Продолжая спокойно идти маршем, он прислал Антиоху свои условия заключения мира: сдача всей Малой Азии вплоть до горной цепи Тавр и возмещения военных затрат. В Эфесе Ганнибал посоветовал Антиоху принять эти условия.

Гордый монарх Ближнего Востока тем не менее не собирался делать этого. Отступив на юг, он собрал добровольцев из Азии и приготовился защищаться. Тут Сципион прислал удивительное послание, которое впоследствии вызвало так много толков: он настоятельно просил Антиоха ни в коем случае не начинать боевых действий без него, Сципиона. Что он имел в виду, так никогда и не стало ясно. На самом деле случилось так, что он заболел и остался в тылу армии.

Его легат принял на себя командование в сражении при Магнесии на реке Меандр, вблизи Эфеса. Опытные легионы разбили войско Антиоха, обратив его воинов в бегство. Ганнибал, как и Сципион, находился далеко от театра военных действий.

Из-за горной цепи Тавр Антиох прислал своих людей узнать, какие условия выдвинет римский полководец. Сципион резко ответил, что его условия будут теми же, что и до сражения при Магнесии.

Это положило конец войне, но не участию римского сената. Римские деятели решили, что богатство Антиоха слишком велико, а условия, поставленные Сципионом, слишком мягкие. Сенат все обсудил, выслушал Катона, а потом добавил свои собственные условия. Необходимо выплатить огромную контрибуцию в размере 15 000 талантов; Антиох должен отдать свой флот и слонов и дать слово, что не станет в будущем предпринимать никаких военных действий на своей западной границе без согласия сената. И Ганнибал должен сдаться.

В должное время (188 год до н. э.) Антиох согласился заключить договор, а значит, уйти со Средиземноморского побережья. Упрямые этолийцы, которым Сципион гарантировал шестимесячное перемирие (чтобы получить возможность продолжить сирийскую кампанию), протестовали против безоговорочной сдачи. Даже к несгибаемым жителям Родоса, одержавшим победу на море для неповоротливых римских

кораблей, относились скорее как к обитателям покоренного города, чем как к населению независимой республики. Пергаму, более слабому из двух городов, была отдана львиная доля всех военных трофеев. Хотя македонцы оставались подвластными, появились признаки изменения эллинистического мира, царей и городов, зависимых от далекого сената. В то время как это поддерживало фикцию Фламиния о независимости греческих государств, эта фикция становилась все более очевидной. Очень скоро греческие магнаты организовали деловые центры в Афинах. Рынки по торговле рабами переместились в Делос, которому римляне отдавали в своих интересах предпочтение против Родоса, военного союзника. Этот исторический город должен был уступить Делосу место центра восточно-средиземноморской торговли.

В конечном счете Пергам, оставшийся союзник Рима в Азии, был лишен своей новой собственности. Причина: Пергам набрал слишком много силы.

А фактически все дело было в несгибаемом Катоне, который давил на Сципиона. Катон испытывал глубокую ненависть к обессилевшему эллинистическому миру с его изнеженностью и любовью к греческой литературе. Катон будет носить только дешевую одежду и пить только вино рабов. Он подвергал насмешкам Эмилию, жену Сципиона, которая украшала себя азиатским жемчугом.

Его идеалом были римляне, придерживающиеся древних традиций, со стальной волей, беспощадные и выносливые. Он все больше завидовал красивому Сципиону, завоевателю Африки, а теперь одержавшему победу и в Азии. Они возглавляли соперничающие группы в сенате, но враждебность Катона носила личный характер. Катон, в частности, утверждал (устами других ораторов), что Сципион присвоил себе лично сумму в 500 талантов серебра, выплаченную Антиохом после Магнесии для поддержания римских войск. И он жаловался на слабую дисциплину и появление восточной роскоши в лагерях Сципиона.

Сципион отнесся к этим обвинениям со свойственной ему эксцентричностью. Принеся свои бухгалтерские книги в палату сената, он порвал их и попросил своих обвинителей найти доказательство во фрагментах. Потом он спросил сенаторов, почему они не решили расследовать, благодаря кому в их казну поступило 15 000 талантов серебра и благодаря чьим заботам они стали господствовать в Испании, Азии и Африке.

Это была последняя публичная речь Сципиона Африканского. После этого, будучи на самом деле человеком бедным, он отправился в добровольное изгнание.

Все это время его продолжали связывать странные отношения с Ганнибалом. Сципион безуспешно боролся за свой идеал — освобождение эллинских государств; Ганнибал пытался помогать их союзу против Рима.

Когда римские уполномоченные попытались найти Ганнибала после заключения мира, его не смогли отыскать ни в Эфесе, ни в Тире. На какое-то время он исчез. Объявился он на одном острове, на котором хозяйничали пираты. Так их называли римские уполномоченные.

Дом в Вифинии

Изобилующий утесами остров Крит должен был стать надежным убежищем. Он лежал на довольно большом удалении от морских путей, но не настолько далеко, чтобы ими не могли воспользоваться его в высшей степени независимые мореплаватели. В других отношениях никакие события его не касались, и забвение окутывало его, так же как воды его реки Леты. Ганнибал направился в глубь острова, туда, где на равнине, темной от оливковых рощ, несколько домов теснились вокруг храма, — в Гортину. Он не делал никаких попыток скрывать, кто он такой; возможно, он и не мог бы это сделать. Очевидно, он выбрал уединенное место, чтобы обдумать, что делать дальше. Жители Гортины хорошо его запомнили благодаря тому, что он постоянно с ними шутил. У него еще оставались слитки, и он принес тяжелые кувшины в сокровищницу храма, где их охраняли жрецы. Серебряные и золотые монеты блестели сверху в кувшинах, и только Ганнибал знал, что под монетами находится тяжелый свинец. Он взял расписку у довольных жрецов храма. Настоящие его сокровища хранились в полых бронзовых статуях финикийских божеств, которые он поставил у дорожки своего дома. На эти статуи никто не обращал внимания.

Крит был пристанищем многих странных богов и самых разных людей. Среди них было несколько тысяч бывших римских военнопленных, которые стали теперь рабами мореплавателей из Кносса и Кидонии. Должно быть, Ганнибалу занятно было видеть, как они работают на полях, эти стареющие мужчины, которые шли маршем на Треббию и Канны тридцать лет назад. Ему было уже больше шестидесяти, и иногда он чувствовал груз своих лет.

То, что произошло на Крите, существует лишь в туманных главах римских морских анналов. После заключения мира с Антиохом галеры республики продолжали перевозить войска вдоль недавно открытых берегов Азии. Как-то некий Фабий

Лабеон доставил отряд в гавань Крита. Видимо, этот самый Фабий потребовал, чтобы жители Крита прекратили враждовать друг с другом, а заодно и докучать новому римскому торговому флоту. Занимаясь этим, он обнаружил присутствие римских военнопленных. Очевидно, Фабий не знал, что Ганнибал находится в Гортине. По странному стечению обстоятельств Гортина была единственным городом, который сдал своих военнопленных-рабов. Либо жрецы храма (помня о тяжелых кувшинах с сокровищами) не выдали тайну Ганнибала, либо что-то неприятное произошло между ними и назойливым командиром флота.

Во всяком случае, Ганнибал исчез из своего дома, прихватив бронзовые статуи с дорожки. История умалчивает о том, какая сцена разыгралась в храме, когда римские военачальники или жители Крита в конечном счете открыли кувшины. Зато мы знаем, что Фабий требовал официального торжества по случаю своей победы на Крите и что, хотя сенат не принял такого решения (освобождение жалких 4000 пленных вряд ли равно уничтожению, скажем, 5000 врагов), изображение головы Фабия появилось ему в утешение на отчеканенных золотых монетах.

На этот раз Ганнибал держал путь далеко на восток, через пролив, в Вифинию. Здесь, на берегу спокойного внутреннего Мраморного моря («Предморье»), он будет недосягаем для римских легионов и галер. Вроде бы Сципион Африканский знал, что Ганнибал находится там, но Сципион сам находился за пределами римских границ.

Мрак еще более сгущается вокруг Ганнибала. У него было небольшое собственное владение в Либиссе, рыбацкой деревушке на берегу красивого узкого морского залива, упирающемся в Никомедию. Во время своих ежедневных верховых прогулок Ганнибал постоянно видел заснеженную вершину горы, названной Олимпом в давно забытые времена какими-то греками, испытывающими тоску по дому. Иногда он появлялся при лишенном всякой изысканности дворе царя Пруссия, который был союзником Антиоха в проигранной войне. Он был гостем и другом Пруссия, его советником по вопросам управления государством, — Пруссий был неграмотным и не особенно умным человеком. У него были с собой книги, и, возможно, здесь он напишет свое короткое историческое сочинение для народа Родоса.

Мраморное море фактически было тихой заводью беспокойного Средиземноморья, приютом темных холмов над прозрачной водой, между раздираемыми борьбой Дарданеллами

и цитаделью Византии. Отваживаясь отправляться в глубь территории, Ганнибал должен был слышать разговоры галатов, кельтских горцев, которые все еще были вооружены длинными щитами и палашами и воспевали отвагу, как бойи и инсубры в прежние времена. Римляне уже задумали покорить галатов. К тому же зависимый от них царь Пергама не ладил с Пруссием.

Как обычно, Ганнибал подготовил тайный выход из своего дома. Это был большой дом с шестью выходами, отличавшийся особыми удобствами. Выйдя через боковую дверь в кипарисовый сад, Ганнибал мог уйти через небольшую калитку в каменной стене, окружавшей сад. Место это было тихим, не привлекающим внимания. Впервые Ганнибал, кажется, не делал попыток поддерживать отношения с внешним миром. Кроме слуг Пруссия, посетителей у него, наверное, не было.

Вифинский царь хранил свою тайну. Однако наступило время, когда посланники маленького царства были вызваны в Рим, чтобы дать объяснения по поводу их разногласий с Пергамом, который был теперь другом Рима. И во время собрания на Форуме один из посланцев упомянул имя Ганнибала.

Вышло так, что Фламиний услышал это. Именно это имя не давало покоя людям, которые сейчас правили в Средиземноморье. С их первого появления в затерянных за Пиренеями землях до последних походов в Азию Ганнибал противостоял им.

Сообразительный Фламиний передал слова вифинца в сенат, чтобы их там обсудили. Что мог Ганнибал замышлять в Вифинии? По условиям мирного договора с Антиохом он должен был сдаться.

После дебатов сенат уполномочил Фламиния потребовать, чтобы Ганнибал был ему выдан.

Когда посланцы Вифинии возвратились домой, их сопровождал Фламиний с эскортом. Высадившись в Никомедии, они немедленно направились к Пруссию, который спешно призвал своих слуг и охранников, чтобы с честью принять гостя из Рима. Однако выдать Ганнибала Пруссий отказался. Он был варваром, а великий карфагенянин находился под защитой его гостеприимства. Никакие доводы Фламиния не смогли переубедить Пруссия.

— Если вы хотите забрать Ганнибала, — сказал он, — вы должны действовать сами.

Как только Фламиний удалился, Пруссий послал своих вооруженных охранников занять посты у всех входов дома в Либиссе.

Слуга, увидев их, сообщил Ганнибалу, что неизвестные вооруженные люди встали у входов. Ганнибал подошел к

главному входу и узнал вифинских охранников. Повернувшись, он направился через комнаты к выходу в кипарисовый сад. За дверью ждала еще одна пара вооруженных людей.

Через мгновение Ганнибал вернулся в комнату для трапезы и попросил у собравшихся там слуг кубок вина.

— Пора, — сказал он, — положить конец нервному напряжению римлян, которые устали ждать смерти ненавистного им старика.

Вместе с вином он принял яд, который всегда держал при себе все последние годы.

— Фламиний, — сказал он, — вряд ли достойный потомок тех людей, кто предупредил Пирра о том, что ему приготовлен яд.

Так умер Ганнибал в 183 году до н. э.

За морем в том же году умер и Сципион Африканский, завещав похоронить его за пределами римской территории. «Так, — писал Ливий, — он стал добровольным изгнанником не только в дни своей жизни, но и после смерти».

Слово о Ганнибале

В трудах современных ученых до сих пор встречается римская интерпретация истории времен Ганнибала. Некоторые современные специалисты в области военно-морского дела проявляют интерес лишь к тому, каким образом римскому флоту удалось получить господство над Средиземным морем. Многие военные эксперты довольствуются теми описаниями сражений, которые приводятся латинскими историками, и не особенно задумываются над тем, как эти сражения могли происходить на самом деле. (К счастью, Ливий и его последователи достоверно описывают элементы военного искусства Ганнибала. Справедливости ради надо признать, что римляне все же сумели оказать сопротивление такому выдающемуся стратегу, а потом и одержать над ним победу.) Поскольку римские летописи в большинстве своем дошли до наших дней, а свидетельства карфагенян не сохранились, ученым пришлось полагаться на Ливия и Полибия, заочно признавая достоверность использованных ими материалов. Увы, молчание неспособно говорить за себя, и потому мы смотрим на Пунические войны глазами древних историков, писавших для римского юношества в эпоху Августа.

Однако, как это ни странно, в римских летописях того периода прослеживается любопытный комплекс вины. Во времена Ганнибала римляне едва ли испытывали угрызения совести — любая победа тогда служила доказательством доброй воли богов войны и соответственно придавала уверенность. Даже мораль стоиков редко занимала мысли римлян. Вергилий с восхищением писал, что миссией его народа было «parcere subjectis et debellare superbs» («щадить покорившихся и усмирять горделивых»), не задумываясь, что не слишком много доблести в том, чтобы властвовать над теми, кто подчинился, и уничтожать тех, кто роптал.

Непонятно, почему римские историографы почувствовали необходимость искать оправдания спустя более столетия после того, как Карфаген был разрушен. Возможно, стало понятно, что его уничтожение было варварством; возможно, война Ганнибала стала видеться как грандиозная эпопея, приблизившая образование Римской империи. Так или иначе, Ливий и его современники чувствовали необходимость оправдываться в большей степени, чем грек Полибий, который стал свидетелем окончания этой войны.

Потому они и начали рисовать картину perfido Carthago

(вероломного Карфагена), жадного до богатства, коварного, «молящего с поднятыми руками о договоре, который он собирался нарушить». На самом деле именно римляне нарушили договор 241 года до н. э. Они захватили Корсику и Сардинию и начали войну в 218 году до н. э. (Ливий фальсифицировал этот факт, написав, что военные действия Ганнибала имели место не в 218 году до н. э., а годом раньше). Рим также нарушил договор 201 года, совершив по инициативе фракции Катона вторжение втайне от карфагенян. Притом, что никаких сомнений не вызывает жестокость римлян, Ливий изображает Ганнибала зверем, «более вероломным, чем пунийцы».

Поскольку Ганнибал, по существующему мнению, был одновременно величайшим антагонистом Римской империи и главным лидером дискредитированных карфагенян, его портрет дан в довольно своеобразной манере. Этот портрет не выдерживает критики или того, что называют проверкой на достоверность и здравый смысл, но он присутствует на страницах истории до сих пор.

Это образ мальчика — представителя народа, стремившегося добиться падения Рима. Мальчика, поклявшегося в детстве никогда не забывать о своей вражде. Мальчика, мужавшего в Испании, которую готовили в качестве базы для атаки на латинян. Это образ человека, который не совсем по своей воле вовлек свой город Карфаген в войну. Человека, который начал войну походом по суше, как планировал его отец, к воротам Рима и не воспользовался единственным шансом, появившимся после победы при Каннах. Человека, который в конечном итоге был отозван в Карфаген, не сумевший оказать ему поддержки в Италии. Он проклял свой город и свою судьбу, когда приплыл назад в Африку (неизвестным путем), где в конце концов был побежден римским консулом. При этом он продолжает тайно мечтать о той победе, которая выскользнула из его рук, и склоняет на свою сторону Антиоха Третьего. А когда в конечном итоге его загоняет в угол Фламиний в Вифинии (не говоря о том, что существует приказ сената взять Ганнибала в плен), он убивает себя, моля римских богов отомстить ему после его смерти.

Я призываю ученых нового поколения пересмотреть свидетельства истории в данном случае и восстановить подлинную сущность Ганнибала, его народа и его города.

Ганнибал, сын Гамилькара, покинул этот мир так тихо, словно вышел через потайную калитку своего сада. Мало кто из нас знает, что его могила, вероятно, где-то там, над заливом у Никомедии и над нынешней современной турецкой деревней

Гебзе. Он не оставил никаких объяснений после себя.

Каким человеком был он в глазах современников? Он явно избегал привлекать к себе внимание. История о том, что он иногда менял свой облик, может быть, не более чем логическое объяснение этой его особенности. Его единственными близкими друзьями были два его брата, и Магон выступал от его имени в совете Карфагена до самого конца войны. Не было найдено ни одной монеты с его изображением, хотя существует много узнаваемых изображений греческих монархов и римских полководцев именно на монетах.

Его личная жизнь, в поразительном контрасте с жизнью Александра Македонского, была простой и уединенной. Он не был любителем вина, и лишь одна-единственная женщина была в его жизни. По-видимому, он владел домом в Карфагене и поместьем вблизи Хадрумета, но, кажется, никогда особенно не заботился о них. Его враги говорили, что он был корыстолюбивым; однако в противоположность римлянам он не требовал контрибуций с богатых городов, таких, как Капуя и Тарент, и почти ничего не просил из казны Карфагена. От предпринятого им ужесточения статей о доходах Карфагена в конечном счете должно было пострадать наравне с другими и его собственное состояние. Что касается его выдержки, те несколько случаев, когда он терял ее, породили анекдоты, и мы можем быть уверены в его самообладании. После триумфальных побед он, видимо, был слишком озабочен своими дальнейшими планами, чтобы проявлять бурную радость, хотя иногда устраивал празднества для своих соратников.

Полибий утверждает, что карфагеняне считали Ганнибала корыстолюбивым, а римляне жестоким. Так и было позже. «Война Ганнибала» была безжалостна с обеих сторон. Ганнибал почти истребил Лациум. Но он не проявлял неумолимости Гамилькара в войне с наемниками. Вероятно, по причине кровавой безжалостности, свидетелем которой он был ребенком, Ганнибал проявляет отвращение к убийству. Его нельзя обвинить ни в одной расправе над пленными и ни в одном истреблении жителей покоренных городов — в том, что было так типично для римских войск. Его забота о том, чтобы подобающим образом похоронить поверженных римских военачальников, контрастирует с жестокостью римлян, которые подбросили голову Гасдрубала к ногам карфагенских караульных. В те времена это был вряд ли вопрос морали. Люди, подобные Гракху и Марцеллу, беспощадно уничтожали врагов, где бы те ни находились. Ганнибал, человек более высокой культуры, сохранял человеческую жизнь всегда, когда это было возможно.

Был ли Ганнибал суеверен? На этот вопрос не так легко ответить в случае с любым карфагенянином того времени. Точно известно, что он никогда не окружал себя ореолом божественности, как Александр или «божественный» Цезарь времен более поздней империи. Не просил он и помощи у незримых богов, как Сципион, то ли по убеждениям, то ли из благоразумия. Очевидно, что Ганнибал полагался на собственные силы, и от своей армии он хотел только реальных действий за вещественное вознаграждение.

Теперь относительно гениальности Ганнибала. Он относится к величайшим лидерам человечества. Он нарушил старое представление о том, что управлять могут только совет или старейшины, и доказал, что самый обычный человек способен на такое, что и представить себе невозможно. В этом отношении его можно сравнить только с Александром, но с одной существенной разницей. Непостоянный Александр умудрился раздражать всех, кого он вел за собой. Он заложил новое государство, евразийское, которое не сохранилось целиком, но уцелело частями, где были сформированы эллинистические правительства. Ганнибал никогда не прекращал быть карфагенянином, в отличие от европейцев, даже греков. Кроме того, Александр настолько привлекал к себе внимание, что все его деяния преувеличивались и о нем слагали мифы. Он стал героем мирового цикла. В случае с Ганнибалом все было иначе. Его враги написали историю его жизни, украсив собственными небылицами. «Его жестокость была бесчеловечной, его коварство хуже, чем вероломство» (Ливий).

Однако ни Ливий, ни его собратья не могли скрыть уникального умения Ганнибала вести за собой людей. Тридцать шесть лет его личность была критерием для всего Средиземноморья, и все последующие события пошли по другому пути. Некоторые идеи, которые мы воспринимаем как современные, унаследованы от него больше, чем от Александра. Этим можно объяснить тот парадокс, что, хотя Ганнибал был в большой степени чужд своему собственному времени, он понятен нам. Мы понимаем, что он делал: как финансировал свою армию за счет серебра, добытого в испанских рудниках; как заимствовал альпийскую одежду у племен «Острова» и совершенно новое оружие и доспехи у римлян после битвы у Тразименского озера. Его идея разношерстной армии из представителей маленьких народностей была скопирована в разные времена, но Ганнибал заставил эту идею работать. Что-то подобное наблюдается сегодня на Южном побережье Средиземноморья от Египта до Марокко, но нет Ганнибала, чтобы руководить этим процессом. Его метод ведения войны с использованием знания психологии

римлян мы называем «психологической войной». Его разведывательная служба могла бы стать примером и в наши дни.

Ганнибал знал, какие природные ресурсы («стратегические материалы») находятся в распоряжении врага и как помешать врагу воспользоваться ими. Он всегда следил за тем, есть ли трава эспарцет и табуны лошадей в его нежно любимой Испании, или залежи меди и олова и бесценного серебра, или сицилийское зерно, кожи и железная руда Сардинии, а главное — древесина и урожаи там, где их можно было ожидать. Интересно наблюдать за его бросками через всю Италию с целью собрать римские урожаи. Возможно, критический поворот в этой борьбе за ресурсы наступил тогда, когда римляне в отчаянии закупили партию зерна в Египте, а потом лишились своего конвоя с зерном из-за карфагенского флота, предупрежденного разведкой Ганнибала. А еще тогда, когда Сципион Африканский стал, наконец, хозяином испанских рудников и начал вывозить на кораблях серебро на радость Риму.

Экономические факторы в «войне Ганнибала» (столь знакомые по конфликтам современного мира) никогда не были подвергнуты квалифицированному анализу. Великолепные исследования Тарна и Гриффита ограничиваются эллинистическими государствами, то есть Восточным Средиземноморьем. Один из авторов, Роуз, заходит так далеко, что видит причину конца карфагенского господства на море в недостатке материалов для строительства судов после того, как римляне захватили Сицилию, Сардинию и Корсику. Но это случилось скорее по причине недостатка человеческих ресурсов в конце великой борьбы за Средиземноморье. Старое историческое заблуждение о том, что Карфаген был средоточием огромного богатства в противоположность страдающему от бедности Риму, не вызывало возражений до сегодняшнего дня. Современные ученые говорят как о чем-то само собой разумеющемся о «богатом» Карфагене, противостоявшем Риму, который не имел ничего, кроме «бедности и нищеты». Карфаген, будучи торговым центром, имел больше денег, чем его соперник в 219 году до н. э. Карфагенский шекель являлся денежным стандартом на востоке Средиземноморья до самого Родоса. Закрытие морских путей тем не менее нанесло ущерб его экспортной торговле, и денежные ресурсы Бирсы уменьшились во время конфликта по меньшей мере вдвое. Рим всегда располагал значительными природными ресурсами, а путем конфискации драгоценных металлов еще больше приумножил свое богатство. (В 157 году до н. э. в римской казне было 16 810 фунтов золота и 22 700 фунтов серебра, а также 61 миллион серебряных монет. Лишь

незначительная часть этого была добыта в рудниках Италии.) Ганнибал, который далеко не распоряжался «богатством», никогда не имел адекватных средств для ведения своих грандиозных дел и всячески старался не выходить за рамки ограниченных ресурсов своего города. Мало кто из современных авторов задумывается над этим или над тем, каким огромным было численное превосходство римлян. Согласно Страбону, который является в этой области почти единственным авторитетом, население карфагенских территорий в Африке составляло менее 700 000 человек, в то время как численность народов Римской империи была 6 миллионов человек.

Так что Ганнибалу приходилось изыскивать любые средства, от лечения заболевших или раненых лошадей до продажи пленных в рабство или на выкуп. Он постоянно находил неожиданное решение для своих трудностей. Он применял такие тактические приемы, которые никто не мог предвидеть. Семпроний, Фламиний, Марцелл и еще многие и многие римляне пытались перехитрить его, но тщетно. Ганнибал имел обыкновение менять свои планы чуть ли не по ходу дела. Продвигаясь вверх по побережью Испании в 218 году до н. э., он в течение ночи принял невероятное решение — направиться через Альпы в Рим. Потом, вместо того чтобы идти в Рим после Канн, изменил свою стратегию и переключился на формирование средиземноморского альянса и экономическое удушение вражеской столицы. У Замы он вывел на поле боя строй, совершенно неожиданный для проницательного Сципиона. От начала и до конца его действия вызывали изумление римлян. Никому другому не удавалось прятать целую армию в тумане, в котором шел ничего не подозревающий враг, или превратить открытую равнину, как при Каннах, в смертельную ловушку. Никому, кроме Александра, не удавалось держать свою армию на вражеской земле так долго.

Ганнибал был величайшим из воинов. Нелегко провести сравнение между ним и другими военачальниками, которых знала история. Его достижения были уникальными. В Азии монгол Субудай вел к победе конных лучников на открытых равнинах. В Европе Фридрих Великий в Пруссии и Наполеон добились военного превосходства. Они действовали с баз, расположенных на их землях, против вражеских союзов. Когда армии Наполеона отважились уйти дальше, в такие страны, как Испания, Египет и Россия, они жестоко поплатились. Мы не можем представить, чтобы Ганнибал повел огромную армию на Москву в июне 1812 года в надежде выиграть войну с помощью одной решающей битвы. Так же как не можем представить его

бросающим эту армию в атаку против строя в Бородино. Снова необходимо обратиться для сравнения к Александру. Оба, и карфагенянин, и македонец, предприняли беспощадную атаку на вражескую столицу и армию. Оба хотели сломить вражеское сопротивление всеми имеющимися средствами. И опять, разве повел бы Ганнибал своих последователей на берега индийских рек, чтобы добраться до призрачного конца материка, до тех пор, пока они не взбунтовались бы против него? О Ганнибале пишут: «Его армия выдерживала немыслимые тяготы, невозможно было предположить, что какая бы то ни было армия способна выдержать подобное… Однако, собрав такую огромную армию, он удержал ее от мятежа против себя самого и внутри ее собственных рядов».

Современные военные критики часто утверждают, что Ганнибал был неспособен вести осаду. Как пишет английский военный историк генерал-майор Дж. Ф.Ч. Фуллер: «Он мог приспособиться к любым обстоятельствам, кроме одного — осадных действий». Однако очень сомнительно, чтобы Ганнибал когда-нибудь собирался превратить свою исключительно полевую армию в осаждающую силу, действующую из окопов с боевыми механизмами. Он захватил достаточно большое количество этих механизмов у римлян, однако это была форма сражений, в которой превосходство было у его латинских врагов, что было доказано Марцеллом при Ноле. Во всяком случае, Ганнибал стал хозяином большинства городов Южной Италии другим путем, не положив при этом жизни своих людей у каменных стен. Современные критики не могут понять, что против Карфагенянина всегда выступали более сильные армии. «Его армия была не столько многочисленна, сколько прекрасно знала свое дело» (Полибий). Он старался выманить своих врагов на открытые пространства, где могла маневрировать его непревзойденная кавалерия. Но это до тех пор, пока он не перешел к обороне (после 207 года до н. э.) на нагорье Бруттия. Его великий противник, Сципион Африканский, старался не оказаться притиснутым к линии осады в Утике и отказался приближаться к стенам Карфагена. Сталинград — лишь один из многих примеров, когда сильная оккупационная армия не смогла справиться с городом.

Что касается Сципиона Африканского, который как тактик не уступал Наполеону, он тем не менее учился стратегии у Ганнибала. Фактически, чтобы победить Ганнибала, Римское государство должно было прибегнуть к тотальной мобилизации и к методам, свойственным империи, в которую это государство вскоре превратилось. Сципион был предшественником Суллы и

Гая Юлия Цезаря. В этой своей эволюции римляне следовали скорее карфагенским, чем македонским методам, но закончили не так, как Ганнибал. Для него война не была конечной целью. Он боролся за сохранение Карфагена.

«Карфагеняне боролись за самосохранение и суверенность Африки, римляне — за верховенство и мировое господство» (Полибий).

Нам остается только представить, что было бы, если бы римляне приняли условия мира после Канн или если бы карфагенский флот был способен господствовать на морских путях. Единственный ключ к такому миру лежит в недолгом правлении Ганнибала народами Испании, и мы располагаем только отрывочными данными об этом. Очевидно, он предоставлял все больше власти иберийским принцам юга и востока. Испания могла приветствовать местную автономию под властью карфагенской торговой империи. Разведка Атлантического побережья была бы ускорена при контроле над островами Западного Средиземноморья (Порт Магон на Минорке до сих пор носит имя Магона), в то время как получили бы независимость лигурийцы и цизальпинские галлы. Капуя стала бы столицей Южной Италии, населенной преимущественно греками. И возможно, Этрурия и Самний были бы освобождены в противовес римскому Лациуму. Сколько времени просуществовало бы такое положение дел — другой вопрос. Вероятнее всего, все кончилось бы после ухода из жизни Ганнибала. Он предупреждал карфагенян, что их империя не сможет продержаться долго за счет одной только торговли.

Жизнь Ганнибала — это и предупреждение современному миру. Оно заключается в том, что война не должна быть огромным конфликтом между техническим мастерством и накопленным оружием разрушения. Независимо от ее механизмов, война нивелирует людей и их интеллект. Она никогда не переставала быть искусством, в котором может появиться высочайший мастер своего дела и совершить переход через Альпы, чтобы одержать победу над силой денег — и людей — и оружия. Никакое богатство не может сравняться с превосходством ума. В 219 году до н. э. Римское государство было готово к войне в обычной форме, а карфагеняне — нет. «В том, что выпало на долю и римлян, и карфагенян, были вина и воля одного человека — Ганнибала».

Delenda est Carthago[3]

Ганнибал отдалил разрушение Карфагена на пятьдесят лет.

Рассказ о том, как это произошло, должен стать эпилогом его жизни. Потому что, начиная от условий, впервые предложенных Регулом в Африке, до окончательного решения Катона и его партии в Риме более века спустя, прослеживается одна цель, и тщетно полагать, что сын Гамилькара не знал об этой цели — положить конец существованию его города. Здесь приводится лишь короткая хронология тех шагов, которые предпринимали римляне.

Мирный договор 201 года до н. э., навязанный Сципионом и принятый Ганнибалом, обещал, что городу Карфагену «как другу и союзнику Римской республики» не будет нанесен ущерб и что его границы по состоянию на 218 год до н. э. будут сохранены, но при условии, что Карфаген не станет воевать в Африке без согласия сената. Карфагену было предложено выплатить контрибуцию до истечения срока выплаты за прошедший год. Такое предложение было отклонено. Соответственно последний платеж Риму был осуществлен в 152 году до н. э.

В 167 году до н. э. в Македонии закончилось последнее результативное сопротивление римскому правлению. В 155 году до н. э. в Далмации — то же самое. В 154 году до н. э. было завершено постепенное покорение лигурийцев, а 40 000 уцелевших удалены с их земель. Сопротивление в Испании, разгоревшееся в 154 году до н. э., угасло после уничтожения всего мужского населения Лузитании (на Атлантическом побережье — нынешняя Португалия) преторами Лукуллом и Гальбой после того, как жители сдались на том условии, что будут просто изгнаны со своих земель.

В тот момент, когда Рим получил последнюю контрибуцию от Карфагена, положение народов Западного Средиземноморья (за исключением Испании) очень напоминало то, с которым столкнулся Ганнибал в Новом Карфагене в 219 году, до н. э.

Полибий пишет: «Народы, которые сдавались на милость римлян, сначала отдавали свои земли и города, в которых жили; потом сдавались сами, мужчины и женщины, их водные пути, их порты, храмы и гробницы, так что римляне становились абсолютными хозяевами всего, что у них было, а сами они больше ничем не владели».

Карфаген честно выполнил условия договора 201 года до н. э., даже предложил некоторое количество кораблей и денег, чтобы помочь своим римским «друзьям и союзникам» в борьбе против Антиоха, при жизни Ганнибала. Теперь Карфаген нарушил один пункт этого договора, собрав армию, чтобы оказать

сопротивление постаревшему Масиниссе, который вторгся в пределы карфагенской территории. Семь раз перед этим карфагеняне взывали к сенату, прося его стать посредником между ними и приближающимися нумидийцами. Римские комиссии, которые посылались в Африку, обычно благосклонно относились к этому царю, территория которого теперь значительно превосходила территорию Карфагена (несмотря на мирный договор 201 года до н. э., согласно которому границы Карфагена должны были оставаться неизменными). Попытка карфагенян оказать вооруженное сопротивление нумидийцам провалилась.

Вслед за этой новая комиссия направилась из сената в Африку. В ее составе был Катон. Бывший цензор и аскет заработал некоторую военную славу, участвуя в подавлении испанского сопротивления (очевидно, разделяя заверения Сципиона Африканского в преимуществах римского правления), и увеличил свое богатство за счет строительства судов и торговли рабами в Делосе. Теперь он по-новому взглянул на Карфаген, поняв, что он снова процветает, расширив заморскую торговлю в соперничестве с Римом. Говорят, что Катон сказал: «Карфагеняне всегда будут в безопасности, пока один из их флотоводцев сможет запускать руку глубоко в море». Он показал сенаторам свежий финик, доставленный за два дня из Карфагена в Рим, и объявил, что этот город опасен. Он повторил свое «Delenda est Carthago».

Не все были с этим согласны. Публий Корнелий Сципион Назика заявил:

— А я считаю, что Карфаген не должен быть разрушен.

Были и такие, кто предвидел опасность, если воинственные нумидийцы станут хозяевами великого города. Этот вопрос обсуждался на секретных заседаниях, и истории известны доводы, которые приводились «за» или «против» устранения Карфагена со Средиземноморья. Конечное решение: разрушить город с наименьшими затратами.

Карфагенское посольство, прибывшее в Рим, чтобы выразить искреннее раскаяние по поводу своих враждебных действий против Нумидии и узнать, что можно сделать в качестве компенсации, получило невразумительное требование: «Удовлетворите римский народ». И не более того.

Второе посольство, которое хотело понять суть этого требования, услышало только: «Карфагеняне знают достаточно». С этим они и уехали.

Потом, в 150 году до н. э., Карфагену была объявлена война. С двумя мобилизованными армиями и флотом два консула перебрались в Сицилию, чтобы подготовиться к вторжению в

Африку. Третье посольство отправилось из Африки в Рим с полномочиями заключить договор. В договоре говорилось, что Карфаген сдается на милость римского сената и готов удовлетворить римский народ. И снова карфагеняне спросили: как можно искупить вину? Сенат тем не менее потребовал только одного: чтобы 300 детей членов Комитета ста или из знатных семей были привезены в качестве заложников в течение 30 дней. Их надо было доставить консулам в Сицилию, поскольку имело место состояние войны. Это было сделано. Но консулы отказались обсуждать дальнейшие условия мира. Это, по их словам, могло быть сделано только в Африке.

Оккупационная римская армия высадилась в Утике, не вызвав противодействия. Утика уже предложила римлянам дружбу и союзничество. Посланцы Карфагена были приняты во время военного парада. Они стояли среди рядов вооруженных солдат перед помостом, где восседали два консула, от которых теперь зависела их судьба. Консулы потребовали «без всякого обмана и мошенничества» сдать все оружие, технику и военное имущество города Карфагена. Это было выполнено.

Потом, после того как были отданы юные сыновья знатных семей и все оружие, 50 карфагенских членов совета, жрецов и магистратов заняли указанное им место в параде легионов и их знамен.

Консул, который сделал объявление об этом, сказал, что карфагенянам не будет принесено никакого вреда. Они могут отправляться в любое место в Африке и строить там новый город, но на расстоянии не ближе 80 стадий (около 9 миль) от побережья. Потому что город Карфаген должен быть разрушен.

Неистовый крик карфагенян закончился единственной мольбой. Они не могли бросить свои храмы и могилы своих предков. Консул ответил, что им будет разрешено посещать территории своих храмов и могил.

Тогда карфагеняне стали умолять, чтобы вместо этого их лишили жизни. Их народ не имел других средств к существованию, как только жить за счет моря. Консул сказал им, что они могут жить за счет возделывания земли. Что он лично не в силах ничего изменить, поскольку действует в соответствии с приказом, который должно исполнить.

Когда карфагеняне начали покидать ряды легионеров, они остановились, чтобы сказать еще одно: «Вы больше не увидите никого из нас живыми».

Это оказалось правдой. Уцелело лишь несколько человек из пятидесяти. Большинство из них было убито в воротах Карфагена разъяренным населением. Город, обманным путем

приговоренный к разрушению, поднялся, чтобы защитить себя с отвагой отчаяния.

Как это ни удивительно, но, не имея ни руководства, ни оружия, техники или боевого снаряжения, население Карфагена прекрасно сражалось. Военные корабли пришли из внутренней гавани, а последняя армия Карфагена была сформирована из всех его семей, заново вооруженных ремесленниками.

Три года карфагеняне выбивали римские легионы из своих пригородов и побеждали их на поле боя. Победа в 3-й Пунической войне (как называют это римские аналитики) досталась не так легко, как этого ожидал сенат. Эта война могла бы не быть выиграна вообще, если бы один очень способный человек («мудрец из тени», как его назвал Катон) не принял на себя командование в Африке на третьем году. Это был Сципион Эмилий, приемный сын старшего сына Сципиона Африканского. Во многом подобно тому, как это делал Сципион Африканский, он вернул уверенность изможденным легионам и приступил к осаде великого города, с профессиональной четкостью отрезав снабжение продовольствием и медленно продвигая свои силы за стены с помощью подрывных устройств.

Карфагеняне сражались на улицах и удерживали каждое высокое здание, пока его не поджигали или не разрушали. Борьба велась день за днем в дыму и разрушениях, приближаясь к холму Бирсы.

Полибий, сам воин и к тому же грек, который когда-то был заложником, наблюдал за холокостом последних дней со стороны Сципиона Эмилия. Он сказал, что Гасдрубал, вожак сопротивления в Бирсе, вышел вперед, прося у Сципиона передышки, когда борьба стала безнадежной. Наступила тишина. Пламя пожара охватило ограждение храма. Уцелевшие карфагеняне потеряли человеческий облик. Одна женщина появилась на балконе храма Мелькарта. Она надела на себя свои лучшие одежды и взяла с собой детей. Вокруг нее покрытые сажей, превратившиеся в скелеты мужчины бросали древесину и масло в пламя под балконом. Женщина закричала, и голос ее был услышан там, где стояли римский военачальник и потерявший надежду Гасдрубал. Она показала на него с криком: «Это не мой муж стоит у ног римского военачальника. Это трус, проходимец, которому предстоит больше мучиться, чем мне».

Все увидели, как женщина схватила своих малолетних детей, бросила их в пекло огня и бросилась за ними следом. Странно, что история Карфагена, которая началась легендой о женщине, должна была и закончиться легендой о другой женщине в 146 году до н. э.

Полибий был удивлен, когда услышал, как Сципион Эмилий процитировал строчки из Гомера, в которых говорилось о башнях Трои, объятых пламенем. Сципион думал о том, что Рим может когда-то постичь та же участь, что и Карфаген.

Когда из сената прибыла комиссия, чтобы проинспектировать руины, Катон потребовал уничтожения храмов и зданий, которые уцелели в пожаре. Массивные сооружения из кирпича и известняка тем не менее не могли быть полностью уничтожены. Огромные груды остались лежать вдоль полуострова, среди древних захоронений.

Что было полностью разрушено действиями римлян, так это жизнь Карфагена. Около 50 000 уцелевших граждан были проданы в рабство или исчезли в глубинах Ливии и Нумидии, превращенных римлянами в провинции, наряду с Испанией и Сицилией. Не осталось, кажется, ни одной достаточно большой группы беженцев, которые могли бы заложить собственный город, и карфагенские корабли исчезли с моря. Уцелевшие библиотеки были переданы нумидийским принцам, которые умели читать по-финикийски. Очевидно, там были работы по истории, новым наукам, а также жизнеописания философов и царей. Там должны были быть и отчеты о великих экспедициях, и книги по сельскому хозяйству, потому что римляне перевели одну из них и пользовались ею долгое время. Завоеватели постепенно стали называть «Африкой» провинцию, которая была карфагенской территорией, и «Азией» — земли на противоположном берегу моря, где умер Ганнибал. Удивительно, но карфагенский язык сохранялся несколько веков после того, как из памяти исчезли обычаи и традиции города Ганнибала. Наверное, это был красноречивый язык, потому что следы его уцелели даже до V века н. э., когда святой Августин был епископом Регия на закате Римского государства.

Однако в 146 году до н. э. другие соперничающие поселения исчезли с побережья Средиземноморья. Коринф потерял свободу. Этот город был последним центром греческого сопротивления. Македония стала провинцией, в которой было введено военное положение. Испанией (теперь Иберией) закончился перечень народов, которые выступали против Рима под руководством Ганнибала. Все они были покорены.

Словарь

Авгуры — римские жрецы.

Бирса — холм, на котором был основан Карфаген.

Весталки — жрицы богини Весты, охранявшие в ее храме вечный огонь. Обязаны были сохранять целомудрие. Весталку, нарушившую этот обет, живьем закапывали в землю.

Диктатор — в Риме высшее должностное лицо, назначавшееся в случае чрезвычайного положения консулом сроком на шесть месяцев. Обладал абсолютной властью.

Квесторы — в Риме должностные лица, ведавшие казной.

Киноскефалы («песьи головы») — два холма в Фессалии.

Когорта — десятая часть римского легиона. Состояла из 3 манипул или 6 центурий.

Консулы — в Риме высшие должностные лица.

Курии — в Риме объединения патрицианских родов.

Курия — помещение, в котором заседал сенат.

Легион — основная боевая единица римской армии, состоявшая из 10 когорт.

Ликторы — в Риме стражи, сопровождавшие высших магистратов.

Магистраты — должностные лица.

Манипула — римское воинское подразделение, состоящее из 2 центурий.

Пентеконтор — корабль с пятью рядами весел.

Преторы — в Риме должностные лица, ведавшие охраной порядка и отправлением правосудия.

Сивиллины книги — три книги пророчеств Сивиллы из Кум. Обращение к этим книгам за указаниями производила по решению сената особая коллегия.

Стадий — греческая мера длины, равная примерно 180 м.

Суффеты (судьи) — в Карфагене высшие должностные лица.

Триарии — в Риме воины-ветераны, находившиеся в третьем ряду боевого построения и вступавшие в бой в критических ситуациях.

Триба — в Риме первоначально племя. Объединение трех триб составляло римский народ.

Трирема — судно с тремя рядами весел.

Ханаан — земля обетованная.

Цензоры — в Риме должностные лица, избиравшиеся раз в пять лет для переписи граждан и установления их имущественного ценза. Контролировали поведение граждан.

Центурионы — в Риме командиры центурий.

Центурия — в Риме воинское подразделение (сотня).

Эллинизм — период в истории стран Восточного Средиземноморья от завоеваний Александра Македонского до римского завоевания.

Янус — староиталийский двуликий бог. Ему был посвящен храм в Риме, двое противолежащих ворот которого были закрыты во время мира и открыты настежь во время войны.

notes

Примечания

1

Иолай — племянник и друг Геракла, героя цикла древнегреческих мифов; финикияне и карфагеняне отождествляли его с богом Эшмуном; здесь упомянут храм Иолая в Бирсе. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

2

Клиентами в Древнем Риме называли сторонников влиятельного лица, зависимых от него материально.

3

Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).